

Полное
собрание
сочинений

АСТРИД
ЛИНДГРЕН

Полное
собрание
сочинений

АСТРИД
ЛИНДГРЕН

Дети
из
Буллербю

АЗБУКА

АСТРИД ЛИНДГРЕН

Полное собрание сочинений

*Дети
из Булмербю*

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука-классика"
2002

УДК 82-93
ББК 84.4 Шв
Л 59

Автор проекта Л. Ю. Брауде

© Lindgren Astrid. Alla vi barn i Bullerbyn 1947,
Mera om oss barn i Bullerbyn 1949, Bara roligt i Bullerbyn 1952,
Barnen på Bråkmakargatan 1958, Lotta på Bråkmakargatan 1961,
Samuel August i Sevedstorp och Hanna i Hult 1975.
First published by Rabén & Sjögren, Stockholm

Издатели выражают благодарность
госпоже Черстин Квинт (Kerstin Kvint) за помощь
в приобретении прав на произведения А. Линдгрэн

Оформление Вадима Пожидаева

Иллюстрации Виталия Эклериса

Иллюстрация на обложке Сергея Григорьева

Линдгрэн А.

Л 59 Собрание сочинений: В 10 т. Дети из Буллербю /
Пер. со шв. Н. Беляковой, Л. Брауде. — СПб.: Азбу-
ка-классика, 2002. — 384 с.

ISBN 5-352-00056-7

ISBN 5-352-00136-9

Повести замечательной шведской писательницы Астрид Линдгрэн, вошедшие в этот том, посвящены жизни обычных детей, благополучных и не слишком. Они живут в маленьком шведском городке, как две капли воды похожем на Виммербю, с которым связаны детство и юность писательницы. Каждый день детей из Буллербю и их сверстников с улицы Бузотеров полон разнообразными событиями.

© Н. Белякова, перевод, 1994, 1999

© Л. Брауде, перевод, 1994

© Л. Брауде, статья, примечания, 2002

© «Азбука-классика», 2002

ISBN 5-352-00056-7
ISBN 5-352-00136-9

Родом из детства

Астрид Линдгрен не раз повторяла:

— Не хочу писать для взрослых!

Эти слова стали кредо ее жизни и творчества. Она хотела писать только для детей, потому что абсолютно разделяла точку зрения замечательного французского писателя Антуана де Сент-Экзюпери, что все люди — родом из детства. А детство ее оказалось счастливым, и ощущение счастья связано было прежде всего с родителями.

«Хорошо было жить ребятам из Несе и быть детьми Самуэля Августа и Ханны, — рассказывала позднее Астрид. — Хорошо потому, что их детство было овеяно чувством свободы и уверенности».

В посвящении к автобиографической книге о родителях «Самуэль Август из Севедсторпа и Ханна из Хульта» (1975) Астрид Линдгрен напишет: «Мои Дорогие Родители! Этой книгой дочь Ваша выражает самую сердечную и нежную благодарность за все!»

У Астрид Линдгрен были прекрасные родители: трудолюбивые, любящие, добрые.

Они очень любили друг друга — Самуэль Август Эрикссон из Севедсторпа и Ханна из Хульта. Писательнице Астрид Линдгрен представлялось, что история их жизни вмещает больше любви, чем какая-нибудь иная, о которой ей приходилось читать в книгах, и история эта казалась ей трогательной.

Любовь Самуэля Августа и Ханны длилась всю их жизнь, а началась она в 1888 году, когда Самуэль Август из Севедсторпа, тринадцати лет от роду, впервые увидел девятилетнюю девочку Ханну из Хульта. И как потом ни складывалась его жизнь, он никогда не забывал ее. А был он просто крестьянский мальчик из Смоланда, ходил только в «сезонную» школу, где впервые встретил Ханну. «Ведь в тяжелые времена, в пору бед и нищеты, — рассказывала Линдгрэн, — дети ходили в школу только зимой. Неизвестно откуда в приходе появлялся учитель, селился в каком-нибудь домишке, и туда стекались со всех сторон дети — учиться читать да считать».

А Самуэлю надо было обрабатывать маленькие каменистые лоскутки пашни. Один раз, правда, на его долю выпали «большие деньги», за то что он открывал ворота, — смоландские дороги в те времена, когда люди не так спешили, когда не было машин, запирались. В тот день маленький Самуэль заработал 65 эре, из которых 50 истратил на кроликов, о которых давно мечтал. Когда отцу будущей писательницы исполнилось восемнадцать лет, ему пришлось отправиться на заработки. Арендованный участок земли — торп, где жила их семья, был небольшой и всех прокормить не мог.

Служил мальчик у своего дяди, а в зимние месяцы был свободен и смог окончить Высшую народную школу.

«Вот и вся книжная премудрость, которую ему довелось получить в своей жизни», — с горечью заметила Линдгрэн.

А потом ему снова, против его воли, пришлось стать работником. Однообразный тяжкий труд, длинные безрадостные дни, похожие один на другой. Но вот однажды Самуэль услышал, что в Несе сдается в аренду большая пасторская усадьба.

«Нельзя ли взять ее?» — спросил он.

Его матери Иде даже мысль об этом показалась безумной. Откуда у них столько денег? Самуэль очень расстроился и сказал: «Вы не знаете, матушка, каково жить в людях».

Несмотря на все препятствия, мечта юноши осуществилась — помог дедушка. И 30 апреля 1895 года две телеги, запряженные волами, перевезли все имущество обитателей Севедсторпа на новое место.

Вот так Самуэль Август Эрикссон, будущий отец Астрид, переехал в Нес, где ему было суждено провести всю жизнь. Богатства и изобилия в Несе не было, но там не голодали, как в других домах. Самуэля хотели женить на девушке с приданым в 50 000 крон, но он подумал, что женился бы на этой девушке, даже не взяв в приданое ни единого эре, если бы только она была похожа на Ханну из Хульта.

Время от времени Самуэль встречал саму Ханну, но только в апреле 1903 года решился признаться девушке в любви. Молодые люди начали переписываться. Письма Самуэля, опубликованные впоследствии Астрид Линдгрэн, поэтичны и полны любви: ведь не было ни единого дня, ни единого часа, чтобы он забыл о любимой. Письма Ханны более сдержанны, но видно, что любовь юноши радует ее. Ханна тоже не сидит сложа руки: она ткёт, помогает больной родственнице. Постепенно письма ее становятся более теплыми. Она сетует, что встречи их очень редки.

Ханна, видимо, колебалась, выходить ли ей замуж за Самуэля. Замужество казалось ей «тесной клеткой». Девушка любила читать, хорошо училась, надеялась стать учительницей, против чего возражала ее мать. Но Ханна в конце концов (по словам ее дочери Астрид) сделала самое умное, что могла, — 30 июня 1905 года она вышла замуж за Самуэля Августа. Позднее Самуэль всегда утверждал, что у них свадьба была веселой, хотя там не плясали и не дрались.

Работы у Ханны было много. Она доила коров, пряла, ткала, пекла, заботилась о доме, о работниках и служанках, о бедняках и нищих ничуть не меньше, чем мама Эмиля в повестях Линдгрена об Эмиле из Лёненберги. Прошло немного времени, и в Несе, в небольшом, выкрашенном в красный цвет доме, окруженном каштанами, вязами и липами, один за другим зазвучали детские голоса. Гуннар, Астрид, Стина и Ингейерд — так звали детей Эрикссонов, мальчика и трех девочек.

Отец Линдгрена, как и многие его земляки, обладал незаурядным чувством юмора, что, видимо, передалось и Астрид. Вообще все дети Эрикссонов любили рассказывать и писать. Брат Астрид Гуннар стал членом парламента, автором остроумных политических сатир, сестра Стина стала переводчицей, а Ингейерд — журналисткой. Не без оснований Самуэль Август говаривал: «Удивительные у меня дети. Все работают со словом. Как могло такое получиться в одной семье?»

«Нам — брату и трем сестрам — жилось в Несе просто великолепно, — вспоминает Линдгрена. — Думаю, мы были исключительно изобретательными детьми, одаренными по-настоящему богатой фантазией. Многие из наших переживаний и игр нашли отражение в моих книгах о Буллербю».

Майя Свенссон, девочка из торпарской семьи в Несе, дружившая с детьми Эрикссонов, подтвердила, что в книгах о детях из Буллербю узнала собственное детство.

«Мы играли и носились целые дни напролет! О, нам было очень весело!»

Все три книги Астрид Линдгрена: «Все мы — дети из Буллербю» (1947), «Снова про детей из Буллербю» (1949), «Весело живет в Буллербю» (1952) — пропозитывают веселье. Весело праздновать день рождения и Рождество — они самые веселые в году!

«О, как нам весело!» — эти слова теплой волной проходят по всей трилогии. Они — как заклинание, против всех мелких неурядиц и огорчений. Весело, когда наступает лето и кончаются занятия в школе. А веселее всего играть с другими детьми. Забавно собирать картофель, и можно придумать, как дразнить в поле мальчишек...

Линдгрэн от имени девочки по имени Лиса в начале каждой повести представляет своих героев: «Это — Лассе, и Буссе, и я, и Улле, и Бритта, и Анна. Мы — дети из Буллербю».

Кто же они такие, эти «дети из Буллербю»?

В творчестве Линдгрэн есть повести о детях неурядных, непохожих на других (Пиппи, Эмиль, дети с улицы Бузотеров), а также о детях обыкновенных, таких как Малыш, но попавших благодаря своей фантазии в необыкновенные обстоятельства. Трилогия о ребятах из Буллербю посвящена обычнейшим детям в обычнейших обстоятельствах. Все они: и Лассе, и Буссе, и Лиса, от лица которой ведется повествование, и Улле, и Бритта, и Анна — дети, живущие в сельской среде. Все они в равной мере являются героями книги.

Целые главы посвящает писательница рассказам о том, как дети возвращаются из школы, как ловят раков, как работают в поле и т. д. Неназойливо и тактично Линдгрэн подводит читателей к мысли о лучшей, по ее мнению, системе воспитания — трудовой. Семилетняя Лиса, получив ко дню рождения собственную комнату, сама убирает ее, наводит чистоту. Мечтая стать воспитательницей, она вместе с подружкой Анной ухаживает за маленькой Черстин. Писательница ярко рисует устоявшийся шведский быт — с его уважением к старикам, с его любовью к праздникам, с характерным укладом многодетной дружной семьи.

Олицетворением такой Швеции является для нее Буллербю. Не случайно маленькие герои книги жалеют

всех, кто живет не в Буллербю. Восьмидесятилетний дедушка Лисы, Анны и Бритты является своеобразным символом этой старой Швеции. Дедушка сидит в кресле-качалке, у него длинная белая борода. Девочки просто не верят в то, что дедушка может умереть.

Дети в книге разные, но все милые и трогательные, доброжелательные, любящие животных и книги. Девочки — маленькие хозяйшюки, домовитые и практичные. Мальчики — в меру озорные, подчеркнуто самостоятельные и независимые.

Казалось бы, трилогия о детях из Буллербю ничем особенно не примечательна. Чем же объяснить, что она выдержала столько изданий? На этот вопрос отчасти ответил шведский писатель Леннарт Хельсинг: «Под чутким юмористическим пером Астрид Линдгрен простые мотивы превращаются в жемчужины, полные жизни и задушевности». Ведь важно не только то, что рассказано, но и то, как рассказано. Семилетняя девочка Лиса с редкой вдумчивостью и серьезностью говорит обо всем, что видит и слышит. Вот она наивно и весело знакомит читателя со своими друзьями. Вот она еще по-детски незрело размышляет о жизни и жалеет, что не все в этом мире совершенно. Как жаль, что у нее нет сестры, а только озорные братья. Повествование и названия отдельных глав окрашены присущим Линдгрен юмором.

Веселый, детски-наивный тон повествования подкрепляется множеством юмористических рассуждений и историй. Например, девочки, размышляя о будущем, даже распределили, кто за кого выйдет замуж, когда они вырастут: Бритта — за Лассе, Анна — за Нуссе, а Лиса — за Улле. И тогда все они смогут жить вместе в Буллербю. Однако мальчики твердо решили найти себе невест покрасивее. Девочки надумали стать воспитательницами детей, но одной прогулки с малюткой

Черстин оказалось достаточно, чтобы они усомнились, захочется ли им в будущем иметь такую профессию. А однажды Анна и Лиса решили превратить лягушку в заколдованного принца и тут же поссорились, поскольку каждая захотела «жениться» на принце.

Трилогия о детях из Буллербю не лишена примет сентиментальных рождественских рассказов (посещение бедной женщины); жизнь в Швеции несколько идеализируется.

Линдгрэн рассказывает, что книги о детях Буллербю дети и взрослые воспринимают по-разному. Однажды на празднике, посвященном Дню книги, ей пришлось выступать только перед взрослыми. Она читала главу, где дети из Буллербю продают вишни у проселочной дороги. Когда прозвучала фраза о том, что вишни Лисы поедут за границу в животах у людей, купивших их, а сама девочка останется в Буллербю, в зале раздался громкий детский смех. Рассмеялся единственный оказавшийся в зале ребенок, он-то понял шутку писательницы. С запозданием начали смеяться взрослые, хотя сами не понимали почему. А когда писательнице довелось перед детской аудиторией читать об Улле, у которого шатался зуб, она увидела, что все дети пробуют, не шатается ли зуб у них.

Линдгрэн часто говорила о том, что в детстве они с братом и сестрами воспринимали игру настолько серьезно, что раз чуть было не доигрались до смерти. Игры детей из Неса бывали не только веселыми, но и озорными, а иногда и опасными. Это замечательно отражено в очаровательной небольшой дилогии писательницы «Дети с улицы Бузотеров» (1958) и «Лотта с улицы Бузотеров» (1961). Эти повести, по словам шведского критика, охватывают целую жизнь, которая едва ли могла быть нарисована более сердечно и весело.

В отличие от благонаправных детей из Буллербю, дети с улицы Бузотеров совсем не приглажены и не идеализированы. Юнас, Миа Мария и особенно Лотта — сродни Пиппи, Карлссону и Эмилю. Их озорные проделки и составляют основное содержание книги.

Чрезвычайно важны здесь великолепно обрисованные отношения детей и родителей, умно и тонко воспитывающих своих отпрысков.

Лотте с улицы Бузотеров жизнь однажды показала такой несправедливой, что она решает быть очень плохой девочкой и бѣжать из дому. И родители находят в себе силы не только проявить снисходительность к ребенку, но и признать свою неправоту. А это, в свою очередь, заставляет упрямыцу Лотту попросить у мамы прощения.

Веселая, грустная и по-своему глубокая диалогия о детях с улицы Бузотеров, по мнению шведской критики, «проглатывается, как в детстве вкусный бутерброд с икрой... очаровывает своей непосредственностью и добротой».

«Я думаю, — говорит А. Линдгрэн, — что дети во всех странах очень похожи друг на друга. Очевидно, мне удалось уловить что-то важное в детской душе, и поэтому дети узнают себя в моих книгах. Они пишут мне: „У тебя получается“. Они верят мне».

Л. Брауде

Все мы —
дети из Бумербо

Меня зовут Лиса. Я — девочка, вы об этом, наверное, уже догадались. Мне семь лет и скоро будет восемь. Мама часто говорит:

— Ты у меня уже большая, вытри посуду.

А Лассе и Буссе говорят:

— Малявок мы играть в индейцы не берем. Ты слишком маленькая.

Поэтому я и сама не знаю, большая я или маленькая. Одни считают, что я большая, другие, что маленькая. Значит, наверное, серединка наполовинку.

Лассе и Буссе — мои братья. Лассе девять лет, а Буссе восемь. Лассе очень сильный и бежит гораздо быстрее меня. Иногда, когда они не хотят играть со мной, Лассе держит меня, а Буссе убегает. А потом Лассе отпускает меня и тоже бежит, он знает, что мне его не догнать. Сестренки у меня нет. А жаль, ведь мальчишки такие озорные.

Мы живем в усадьбе, которая называется Меллангорден¹. Она называется так потому, что лежит между двумя другими усадьбами: Норргорден и Сёргорден². Все три дома стояли в ряд.

В Сёргордене живет мальчик, которого зовут Улле. У него нет ни братьев, ни сестер. Он играет с Буссе и Лассе. Ему восемь лет, и бегают он тоже быстро.

А в Норргордене живут две девочки. Хорошо, что хоть они-то не мальчишки! Их зовут Бритта и Анна. Бритте девять лет, а Анне столько же, сколько мне. Мне они обе нравятся одинаково. Правда, Анна, может, чуть-чуть больше.

Больше у нас в деревне Буллербю³ детей нет. Так наша деревня называется. Она очень маленькая, всего три двора: Норргорден, Меллангорден и Сёргорден. И всего шесть ребятшек: Лассе, Буссе и я, Улле, Бритта и Анна.

Уж больно надоедны мои братья

Раньше Буссе, Лассе и я жили в одной комнате наверху рядом с чердаком. А теперь я живу тоже в верхней комнате, только в той, где раньше жила бабушка. Но об этом я расскажу после.

Иногда было даже интересно жить в одной комнате с братьями. Но только иногда, когда мы

¹ Средний двор (шв.).

² Северным и Южным двором (шв.).

³ Шумная деревня (шв.).

рассказывали по вечерам истории про привидения. Правда, слушать их было страшновато, Лассе рассказывал до того страшные истории, что я потом закрывалась одеялом с головой. А Буссе страшных историй не любит. Он рассказывает только о разных приключениях, в которых он будет участвовать, когда вырастет. Тогда он поедет в Америку, где живут индейцы, и будет у них вождем.

Однажды вечером Лассе рассказал такую историю про привидение, которое каждую ночь переставляло в доме всю мебель, что я чуть не умерла от страха. В комнате было почти совсем темно, а моя кровать стояла далеко от кроватей Буссе и Лассе. И вдруг один стул начал прыгать по комнате взад и вперед. Я думала, в наш дом явилось привидение и начало переставлять мебель, и закричала во всю мочь. И тут я услышала, как Буссе и Лассе хихикают, лежа в постели. Подумать только, они привязали к стулу веревочки и дергали каждый по очереди. Потому-то стул и подпрыгивал. Вечно они меня дразнят. Сначала я разозлилась, а потом не удержалась и давай смеяться. Если живешь в одной комнате с братьями, и братья к тому же старше тебя, то они будут обязательно командовать тобой. Лассе, например, всегда командовал, когда гасить свет. Я хочу читать рассказы из книги «Шведская весна», а Лассе гасит свет и рассказывает страшные истории. Я хочу спать до того, что глаза слипаются, а Буссе и Лассе, лежа в постели, играют в «голодную лисицу». Лассе может гасить свет, когда ему вздумается, не

вставая с постели, потому что он прикрепил к выключателю кусочек картона с длинной веревкой, которую дергал когда хотел. Это он придумал хитро, только я не могу описать точно, как он это сделал. Я ведь не собираюсь стать инженером фокус-покус чудеса, когда вырасту. А Лассе собирается стать им. Он говорит, что это здорово и что для этого и нужно придумывать такие вот картонные прицепки к выключателю. Буссе будет индейским вождем. По крайней мере это он раньше говорил. Но недавно он сказал, что будет машинистом на железной дороге. Может, он и снова передумает. А вот я еще точно не знаю, кем буду. Может, мамой. Потому что я люблю маленьких-премаленьких детей. У меня есть семь кукол, а я им мама. Скоро вырасту и перестану играть в куклы. Фу, как скучно быть взрослой!

Мою самую красивую куклу зовут Белла. У нее голубые глаза и светлые кудрявые волосы. Она лежит в кукольной кроватке с розовым одеяльцем и простынкой, которые сшила мама. Один раз я стала вынимать Беллу из кроватки и вижу, что у нее усы и борода. Это Буссе и Лассе намалевали углем. Я рада, что больше не живу у них в комнате.

Если поглядеть в окно комнаты Буссе и Лассе, то можно заглянуть в комнату Улле. Он тоже живет в мансарде. Дома в Меллангордене и Сёргордене стоят совсем рядышком. Папа говорит, что кажется, будто нашим домам тесно. Что тем, кто их строил, надо было оставить между ними побольше места. Но Буссе, Лассе и Улле с ним не

согласны, им это даже нравится. Между нашими усадьбами проходит изгородь. Возле изгороди растет большое дерево. Папа говорит, что это липа. Липа протягивает ветки к окну Буссе и Лассе и к окну Улле. Когда мальчики хотят пойти друг к другу в гости, они перелезают из одного окна в другое по липе. Это гораздо быстрее, чем спускаться по лестнице, перелезать через изгородь и снова подниматься по лестнице. Однажды наш папа и папа Улле решили срубить липу, потому что она загораживает в окнах свет! Но тут Буссе, Лассе и Улле так заныли, чтоб липа осталась стоять. И она осталась стоять. И до сих пор стоит.

Мой самый веселый день рождения

По-моему, мой день рождения и Рождество — самые веселые дни в году. А мой самый веселый день рождения был, когда мне исполнилось семь лет. Вот как это было.

Я проснулась рано. Тогда я жила в комнате Буссе и Лассе. Мои братья спали. Кровать у меня скрипучая. Я нарочно ворочалась хорошенько, чтобы она по сильнее скрипела и чтобы Буссе и Лассе проснулись. Я не могла их разбудить, ведь в день рождения нужно спать, пока не придут тебя поздравлять. А они спали, вместо того чтобы поздравлять меня. Я так сильно ворочалась, что Буссе наконец сел на постели и взъерошил воло-

сы. Потом он разбудил Лассе, они прокрались на цыпочках на чердак и спустились по лестнице. Мама бренчала в кухне кофейными чашками, а я до того волновалась, что еле могла заставить себя лежать в кровати.

Но вот на лестнице послышались шаги, и я изо всех сил зажмурила глаза. Бум! Дверь отворилась, и в комнату вошли папа, мама, Буссе, Лассе и Агда, наша горничная. Мама держала в руках поднос. На подносе стояли чашка с шоколадом, ваза с цветами и большой бисквит с корицей, на котором глазурью было написано: «Лисе 7 лет». Бисквит испекла Агда. Подарков на подносе не было, и я подумала, что это очень странный день рождения. Но тут папа сказал:

— Выпей сначала шоколад, а после поговорим о подарке.

Я поняла, что мне хотят сделать сюрприз, и быстро выпила шоколад. Тогда мама завязала мне глаза полотенцем, папа покрутил меня и понес куда-то. Буссе и Лассе бежали рядом, щипали меня за пальцы ног и кричали:

— Угадай, где ты сейчас.

Папа спустился по лестнице, вышел из дому, покружил немножко вокруг чего-то и снова поднялся по лестнице. Мама развязала полотенце, и я увидела, что нахожусь в комнате, которую никогда раньше не видела. Во всяком случае, мне показалось, что раньше в ней не бывала. Но тут я взглянула в окно и увидела окошко в доме Норргордена. У окна стояли Бритта и Анна и махали мне. Тогда я догадалась, что это старая ба-

бушкина комната и что папа нарочно покружил меня и носил вниз-вверх, чтобы запутать меня. Бабушка жила с нами, а несколько лет назад переехала к тете Фриде, папиной сестре. С тех пор мама хранила в этой комнате ткацкий станок и целую гору всяких половиков и ковриков. Это была такая красивая комната, что я думала, будто там живет тролль. Мама сказала, что туда и в самом деле явился один тролль и этот тролль был мой папа. И он наколдовал мне эту комнату. Теперь я буду жить здесь, это моя собственная комната, мне ее подарили на день рождения. Я так обрадовалась, что громко закричала, ведь это был самый лучший из всех подарков, какие мне дарили в день рождения. Папа сказал, что мама ему помогала колдовать. Папа наколдовал обои, такие хорошенькие, с маленькими букетиками цветов, а мама наколдовала занавески. По вечерам папа работал в столярке и наколдовал бюро, круглый стол и три стула. И все это он покрасил белой краской. А мама постелила на пол половики с красными, желтыми, зелеными и черными полосами. Я сама видела, как она ткала их прошлой зимой, да только не думала, что это для меня.

Я видела также, как папа делал мебель, но ведь он каждую зиму мастерит мебель для людей, которые сами делать ее не умеют, поэтому тоже не догадалась, что он старается для меня.

Буссе и Лассе тут же перенесли мою кровать через чердак в мою новую комнату, а после Лассе сказал:

— Но мы все равно будем приходить к тебе по вечерам рассказывать страшные истории о привидениях.

Я поскорее побежала в комнату братьев и забрала свои куклы. У меня три большие куклы и четыре маленькие, ведь я сберегла их всех еще с того времени, когда была маленькой. Маленьких кукол я усадила на полке. Сначала я постелила им вместо коврика красный лоскуток. Потом поставила на него красивую маленькую кукольную мебель, которую мне подарил дедушка на Рождество, и кукольные кровати. А после рассадил кукол. Теперь у них была своя комната, как и у меня, хотя это был вовсе не их день рождения. Большую кукольную кровать, на которой спит Белла, я поставила в угол рядом со своей кроватью, а кукольную коляску, в которой лежат Ганс и Грета, я поставила в другой угол. Ах, до чего красиво у меня в комнате!

Потом я опять побежала в комнату Буссе и Лассе и принесла все мои коробочки и остальные вещи, которые стояли у них в шкафу. А Буссе сказал:

— Вот хорошо! Теперь у нас будет чуть больше места для птичьих яиц!

У меня есть тринадцать моих собственных книг. Я их тоже поставила на полку. А еще поставила туда все мои журналы с картинками «Шведская весна» и коробочки с книжными закладками. Закладок у меня очень много. В школе мы ими меняемся. Но свои двадцать самых красивых закладок я ни за что менять не буду. Лучшая

из них — большой ангел с крыльями, в розовом платье. На этой полке для всего нашлось место. Хороший был день, когда мне подарили комнату.

Как мы веселились в мой день рождения

В этот день мы хорошо повеселились. Днем мы устроили праздник для всех детей в Буллербю, да, для всех шести. Пригласили их на сок со сладостями. Нам как раз хватило места за круглым столом в моей комнате. Мы пили малиновый сок, ели бисквит, на котором было написано «Лисе 7 лет», и еще два торта. Все это испекла нам Агда. Бритта, Анна и Улле подарили мне подарки. Бритта и Анна принесли мне книжку сказок, а Улле плитку шоколада. Улле сидел рядом со мной, а Буссе и Лассе стали дразниться:

— Тили-тили тесто, жених и невеста! Тили-тили тесто, жених и невеста!

Они говорят это только потому, что он не из тех глупых мальчишек, которые не играют с девочками. Ему наплевать на то, что дразнят за это, он все равно играет и с мальчиками, и с девочками. Между прочим, Буссе и Лассе тоже хотят играть с девочками, но делают вид, что не хотят. Когда в деревне всего шестеро детей, они должны играть вместе, и мальчики, и девочки. Почти во все игры играть веселее, когда играют шесть человек, а не три.

Немного погодя мальчики пошли поглядеть на коллекцию птичьих яиц Буссе. А Бритта, Анна и я стали играть в куклы.

Я нашла у себя в кармане длинный-предлинный шнурок. Если достать еще один такой же длинны, можно их связать и протянуть до окна Бритты и Анны в Норргордене. Тогда мы смогли бы посылать друг другу письма в ящике из-под сигар. Ой! Мы решили поскорее попробовать! И все у нас получилось. Бритта и Анна побежали к себе домой, и мы долго писали письма и посылали их друг другу. Так забавно было смотреть, как ящик из-под сигар скользил по веревочке. Сначала мы просто писали: «Как ты себя чувствуешь? Я чувствую себя хорошо». А потом стали придумывать, что мы принцессы, сидим пленницами в двух замках и не можем оттуда выйти. Будто нас караулят драконы. Бритта и Анна написали мне: «Наш дракон просто ужасный. А твой? Принцесса Бритта и принцесса Анна».

А я ответила: «Да, мой дракон тоже просто ужасный. Когда я хочу выйти отсюда, он кусает меня. Хорошо еще, что мы можем писать друг другу письма. Принцесса Лиса».

Немного погодя меня позвала мама и велела помочь ей по хозяйству. А пока меня не было, ко мне в комнату пришли Буссе, и Лассе, и Улле. Они увидели письма, а Лассе тоже написал письмо и послал его в ящике из-под сигар. А в письме было написано: «Принцесса Лиса ушла, потому что ей надо высморкаться. Зато здесь есть целая куча принцев. Принц Ларс Александер Наполеум».

Бритта с Анной решили, что это глупое письмо. И все-таки хорошо, что окно моей комнаты выходит на Норргорден. Что мы с Бриттой и Анной можем посылать друг другу письма. Зимой, когда темно, это плохо получается. Тогда мы вместо этого подаем друг другу сигналы карманными фонариками. Когда я сигналию три раза, это значит: «Идите сюда быстрее! Мне нужно вам что-то сказать».

Мама велела мне держать комнату в чистоте. Я убираюсь как могу. Иногда я устраиваю большую уборку. Тогда я выбрасываю в окно все половики. Агда помогает мне выколачивать их. У меня есть своя маленькая выбивалка. Я ею выбиваю пыль. А еще я начищаю дверные ручки, вытираю пыль, ставлю в вазочку новые цветы, перестилаю белье в кукольной кровати и коляске. Иногда я забываю наводить порядок. Тогда мама говорит, что я неряшка-замарашка.

Про то, как наступили каникулы

Как хорошо, когда наступает лето. Занятия в школе заканчиваются, и можно веселиться. У меня был всего один экзамен. А веселиться мы начали накануне вечером. Мы украсили школьный зал ветками и цветами. Все дети в Буллербю наломали березовых веток, нарвали первоцвета и камнеломки. До школы нам идти далеко, в другую деревню. Ведь нельзя же построить школу всего для шести детей. Когда мы пришли, цветы уже

немножко завяли, но не очень. Когда их поставили в воду, они снова стали красивыми. Классную доску мы украсили шведскими флагами, гирляндами из березовых веток, расставили всюду цветы, они так хорошо пахли на всю школу.

Мы переоделись и стали репетировать песни, которые должны были петь на экзамене, — «Солнца свет шлет тебе привет» и «Думаешь, мне не везет, коль нет миленка у меня». А одна девочка, ее зовут Улла, пела: «Думаешь, мне не везет, коль нет теленка у меня». Она думала, что так и надо петь. Хорошо, что фрёкен успела поправить ее, и она правильно спела на экзамене. Все мы, ребята из Буллербю, шли домой из школы вместе. Идти нам пришлось долго, зато погода была отличная. Лассе придумал новую игру: нужно было идти только по камням на самом краю дороги. Ступишь на землю, значит, ты умер, падай на землю.

Улле скоро оступился, встал мимо камня, и тут Буссе крикнул:

— Ты умер!

— И вовсе не умер! — ответил Улле. — Погляди-ка, какой я живой!

Он подрыгал ногами и помахал руками, а мы засмеялись.

Потом мы пошли по ограде. Лассе спросил:

— Кто это придумал, что ходить можно только по дороге?

Бритта ответила, что это выдумал кто-нибудь из взрослых.

— Да, так, верно, оно и есть, — согласился Лассе.

Мы долго-долго шли по ограде. Это было так здорово, что я решила больше никогда не ходить по дороге. Нам повстречался старик, он вез бидоны с молоком. Увидев нас, он спросил:

— Откуда взялось столько ворон на заборе?

Но на другой день, когда мы шли на экзамен, нам уже нельзя было идти по ограде. Ведь мы были такие нарядные! Я надела совсем новое платье в красную крапинку. А на Бритте и Анне были голубые платья с воланами. А еще на нас были новые банты и новые туфли.

В школе сидело много родителей, они пришли слушать нас. Я ответила правильно на все вопросы. А Буссе сказал, что семью семь будет пятьдесят шесть. Тут Лассе строго посмотрел на него, и Буссе поправился:

— Да нет, сорок шесть.

Вообще-то я знаю, что семью семь — сорок девять, хотя мы еще не начинали учить таблицу умножения. Но я слыхала, как другие дети отвечали. Нас всего двадцать три в школе, и мы сидим в одном зале.

Когда мы спели все песни, которые выучили, и еще «Приди весна скорее», фрёкен сказала:

— Ну а теперь до свидания! Желаю вам в каникулы хорошо отдохнуть и повеселиться!

И тут у меня внутри будто что-то подпрыгнуло.

Все дети из Буллербю получили хорошие отметки. Правда, у Буссе отметки были не самые высокие, но все же тоже ничего себе.

Вечером мы играли на дороге в лапту. Один раз мячик залетел в кусты смородины. Я побежала его

искать. И угадайте, что я там нашла? В самой чаще, под кустом смородины лежало одиннадцать куриных яиц. Я сильно обрадовалась. Это одна наша капризная курица не желает нестись в курятнике. Она всегда несется в саду. Лассе, Буссе и я вечно ищем, куда она снеслась. Только она очень хитрая и старается, чтобы мы не заметили, куда она пошла. Мама обещала давать нам по пять эре за каждое найденное яйцо. И вот я нашла яйца на пятьдесят пять эре. А мячик я так и не нашла.

— Давайте бить по ним лаптой вместо мячика. Тогда яичницы хватит на всех в Буллербю! — сказал Лассе.

Но я сложила яйца в свой передник, отнесла их маме и получила пятьдесят пять эре. Потом я раздала всем детям по пять эре, а остальные монетки положила в свою копилку. Я запираю ее маленьким ключиком. Ключик висит на гвоздике в глужине шкафа. Потом Анна нашла мячик и мы играли в лапту несколько часов. В этот день спать мы легли гораздо позднее обычного. Но ведь у нас начались каникулы, и не надо было вставать рано утром.

Мы пропалываем репу и получаем котенка

Я заработала еще несколько монеток за то, что помогла пропалывать репу. Правда, полола не я одна, а все дети в Буллербю. Вообще-то Лассе, Буссе и я должны были пропалывать репу в Мел-

лангордене, Бритта и Анна — в Норргордене, а Улле — в Сёргордене. Но вместо этого мы решили полоть все вместе на трех огородах. За каждый прополотый длинный рядок мы получали по сорок эре, а за самый короткий — двадцать. Чтобы не было больно коленкам, мы надели длинные передники. Бритта, Анна и я повязали голову платками, и мама сказала, что мы стали похожими на маленьких старушек. Мы взяли с собой целый жестяной кувшин с соком на случай, если захотим пить. Правда, мы сразу же захотели, взяли по соломинке, встали возле кувшина на колени и начали пить. Было так здорово тянуть сок из соломинки, что мы пили, пока не осталось ни капельки. Тогда Лассе побежал с кувшином на выгон, набрал в ручье воды и принес нам. Мы опять стали пить. Это было тоже интересно, но не так вкусно. Под конец Улле растянулся на земле и сказал:

— Слышите, как у меня внутри булькает?

Мы подошли к нему и послушали. И в самом деле, он выпил столько воды, что она булькала у него в животе, стоило ему только немного повернуться.

Потом мы принялись полоть репу. Пололи и рассказывали по очереди сказки. Лассе попробовал было рассказывать истории про привидения. Да только, когда светит солнце, привидений никто не боится. Тогда Лассе предложил соревноваться, кто умеет ругаться лучше всех. Но мы с Бриттой и Анной ругаться не захотели. Ведь фрёкен говорила, что ругаются только глупые люди. Лассе

попробовал ругаться потихоньку, но это было во все не интересно, и он скоро перестал.

Первый день полоть репу было интересно. А потом нам это стало надоедать. Но все-таки пришлось продолжать. Надо ведь было кому-то ее пропалывать.

Однажды, когда мы только что начали полоть, Лассе сказал Улле:

— Петрушка сальдо бумбум.

А Улле подхватил:

— Кольфинк, кольфинк.

А Буссе добавил:

— Мойси дойси филлибум арапат.

Мы спросили, что это значит, а Лассе ответил, что это особенный язык, его понимают только мальчики, а девочкам его не понять.

— Ха-ха! — засмеялись мы. — Да вы и сами-то не понимаете, что говорите!

— А вот и нет, — заспорил Лассе. — То, что я сказал, значит: «Сегодня хорошая погода». А Улле ответил: «Ясное дело, ясное дело». А Буссе добавил: «Как здорово, что девочки нас не понимают».

Потом они долго болтали на своем языке. Тогда Бритта решила, что и нам тоже надо говорить на языке, понятном только девочкам. И мы стояли на коленках возле грядок и все утро болтали, мальчишки на своем языке, девочки — на своем. По мне, так никакой разницы в этих языках не было. Но Лассе сказал, что наш язык дурацкий. Мол, у мальчиков язык намного лучше, почти такой же, как русский.

— Кольфинк, кольфинк, — повторял Улле.

Мы успели выучить, что на языке мальчишек это значит «ясное дело, ясное дело». И теперь мы с Бриттой и Анной зовем Улле не иначе как Улле Кольфинк.

Однажды мы сидели на гряде камней, пили шоколад и ели бутерброды, которые прихватили с собой на прополку. И вдруг небо сразу потемнело, и началась страшная гроза. Пошел град. Градин нападало так много, что земля побелела, как зимой. Мы бросились бежать. Полоть мы ходили босиком. И теперь, когда пришлось бежать по этим сугробам, ноги у нас сильно замерзли.

— Бежим к Кристин из Лёвнесета! — крикнул Лассе.

Мы почти всегда слушаемся Лассе. И на этот раз послушались. Кристин живет неподалеку в маленьком красном доме. Мы помчались туда. К счастью, она была дома. Кристин — старенькая старушка, вроде нашей бабушки. Она очень добрая. Я была у нее много раз.

— Ах ты, батюшки! Ах ты, батюшки! — сказала она, всплеснув руками. — Ой-ой-ой! Бедные детки!

Она развела большой огонь в открытом очаге у себя в комнате. Потом она испекла нам в очаге вафли и сварила кофе, поставив треногий кофейник в середину очага.

У Кристин живут три кошки, одна из них только что принесла котят. Они лежали в корзине, такие хорошенькие, и мяукали. Их было четверо. Кристин сказала, что ей придется раздать всех

котят, кроме одного. А не то у нее будет столько кошек, что ей самой будет негде жить.

— Ой! А нельзя нам взять их? — воскликнула Анна.

Кристин сказала, что с радостью отдаст нам котят. Да только не знает, что скажут на это наши мамы.

— Но ведь все люди любят котят, — заявила Бритта.

Мы стали просить, стали кланчить, чтобы нам отдали их хотя бы на время, на пробу. Как раз в каждый двор по котенку: в Норргорден, Меллангорден и Сёргорден. Лассе выбрал котенка для нас. Маленького, полосатого с белым пятнышком на лбу. Бритта и Анна взяли вовсе белого, а Улле черного.

Когда одежда высохла, мы пошли домой со своими котятами. Я рада, что кошке оставили одного котенка. А то у нее вовсе не осталось бы детей.

Своего котенка мы назвали Мурре, Бритта и Анна дали своему имя Сессан, а Улле назвал своего Малькольмом. Все мамы не стали нас ругать и позволили оставить котят.

Я много играла со своим Мурре. Привязывала на шнурок бумажный бантик и бегала кругами, а Мурре бегал за мной и старался поймать бантик. Буссе и Лассе сначала тоже играли с ним, но им это скоро надоело. Пришлось мне кормить его. Он пил на кухне молоко из блюдечка. Только пил он не как люди, а высовывал язык, розовый-розовый, и лакал молоко. Я приводила в порядок корзинку,

в которой он спал. Стелила ему мягкие тряпочки. Иногда мы выпускали Мурре, Сессан и Малькольма на травку, чтобы они играли вместе. Ведь они же родственники и им хочется видаться.

На прополке репы я заработала девять крон и сорок эре. Все эти деньги я положила в свою копилку. Хочу накопить на велосипед. Красный велосипед.

Как Улле получил собаку

Улле у родителей один, братьев и сестер у него нет. Но у него есть собака. И, конечно, Малькольм. Собаку зовут Свип. А сейчас я расскажу, как Улле получил своего Свипа, так же как он нам рассказывал.

На полпути от Буллербю к Стурбю живет сапожник, его зовут Снэлль, что по-шведски значит «добрый». Хотя его так зовут, он ни капельки не добрый. Он вечно нас обманывает: придешь за починенной обувью в обещанное время, а он ничего не сделал. Агда говорит, что он слишком много пьет. Раньше он был хозяином Свипа. Он с ним плохо обращался, и Свип был самым злым псом во всем приходе. Пес все время стоял на привязи возле самой будки. Стоило кому-нибудь прийти к сапожнику со своей обувью, как Свип бросался на него с лаем. Мы его боялись и не смели подходить к нему близко. Сапожника мы тоже боялись, потому что он всегда злился и говорил: «Эти детки такие дряни, что их нужно лупить каждый день».

Сви́па он тоже часто лупцевал, хотя тот и не ребенок, а собака. Наверно, он считал, что собак тоже нужно бить каждый день. А когда Снэлль был пьяный, он забывал кормить Сви́па.

Когда Сви́п жил у сапожника, я считала Сви́па безобразной и злой собакой. Он был такой грязный, лохматый, вечно рычал и лаял. А теперь он добрый и красивый. Это Улле сделал его добрым. Ведь Улле и сам добрый.

Однажды, когда Улле принес сапожнику свои сапоги, Сви́п, как всегда, выскочил из будки и злобно залаял, словно хотел укусить. Улле оставился и стал ласково говорить с ним. Сказал: «Ты хорошая собачка, не надо лаять». Ясное дело, он стоял поодаль, чтобы Сви́п не мог на него наброситься. Ведь Сви́п был такой же злой, как всегда, и так же сильно бесился.

А когда Улле пришел за своими ботинками, он принес Сви́пу косточки. Сви́п лаял и рычал, но от голода он тут же схватил кость. Пока Сви́п грыз кость, Улле стоял и твердил ему, что он хорошая и добрая собака.

Улле пришлось ходить за своими ботинками много раз, и каждый раз они не были готовы. Каждый день он приносил Сви́пу что-нибудь вкусное. И в один прекрасный день, вы только подумайте, Сви́п вовсе не стал рычать на него, а весело лаял, помахивая хвостом. Улле подошел и погладил его, а Сви́п лизнул ему руку.

А однажды сапожник упал и вывихнул ногу. Он вовсе не беспокоился, что Сви́п голодный. Улле было жаль собаку. Он пошел к Снэллю и спро-

сил сапожника, можно ли ухаживать за его собакой, пока он болен. И как это только у него хватило храбрости спрашивать! А Снэлль ответил ему:

— Ха! Хотел бы я посмотреть, как ты это делаешь! Он вцепится тебе в горло, как только ты подойдешь к нему.

Но Улле пошел к Свипу и погладил его. А Снэлль стоял у окна и смотрел на них. И тогда он сказал, что Улле может ухаживать за собакой, пока он сам не может этого делать.

Улле принес в будку свежего сена, налил в миску чистой воды и накормил пса хорошенько. Потом он повел его на прогулку до самого своего дома в Буллербю. А Свип прыгал и визжал от восторга. Пока у Снэлля болела нога, Улле каждый день водил Свипа гулять и бегал с ним. Мы тоже бегали с ним, но Свип больше всех любил Улле и только ему позволял держать поводок. А когда мы пытались взять его, он ворчал.

Когда сапожник поправился, он сказал Улле:

— Ну, теперь хватит валять дурака. Это сторожевая собака, она должна сидеть в будке.

Свип думал, что теперь он всегда будет гулять с Улле, и стал прыгать и визжать. А когда Улле ушел и не взял его с собой, Свип заскулил от огорчения. Улле тоже сильно расстроился. Он ходил печальный столько дней, что под конец его папа не выдержал, пошел к Снэллю и купил Свипа для Улле. А все мы, дети из Буллербю, пошли поглядеть, как Улле купает Свипа у них в прачечной. И немножко помогали ему. Свипа вымыли,

вытерли, причесали, и он стал совсем другой собакой.

А теперь Свип вовсе не злой, и на цепи его не держат. Каждую ночь он спит у Улле под кроватью. А когда мы возвращаемся из школы, Свип встречает нас на полдороге, только никогда не доходит до дома Снэлля. Может, он боится, что сапожник выйдет и заберет его.

Хорошо, когда у тебя есть животные, но если есть дедушка — тоже неплохо

Хорошо, когда у тебя есть свои собственные животные. Мне тоже хотелось бы иметь собаку, но у меня ее нет. У нас в Буллербю животных очень много: лошади, коровы, телята, поросята и овцы. А еще у нашей мамы есть очень много кур. Наш курятник называют «птицеферма Буллербю». Мама посылает яйца людям, которые хотят выводить цыплят. Одну из наших лошадей зовут Айякс. Это моя лошадь. Не то чтобы Айякс был по-настоящему мой, как Свип у Улле. А вот кролики уж точно мои собственные. Они живут в клетке, ее построил для меня папа. Я каждый день рву для них траву и листья одуванчика. Зимой я переносу клетку в хлев. У них бывает много детенышей. Я продала целую кучу крольчат Буссе и Улле. Буссе занимался с ними недолго, они ему скоро надоели. Ему все быстро надоедает, кроме птичьих яиц. У нас в саду есть старое дерево. Мы называем его «совино

дерево», потому что у него в дупле живут совы. Однажды Буссе забрался на совиное дерево и взял из дупла яйца. Там лежали четыре яйца, и совам все-таки осталось три яйца. Буссе проколол яйцо, выдул оттуда жидкость и положил в бюро вместе с другими птичьими яйцами. Но потом он решил подшутить над мамой-совой, забрался на дерево и подложил в гнездо куриное яйцо. Странно, что сова не заметила разницы. Ничего не замечая, она продолжала высиживать яйца. И в один прекрасный день в гнезде появились три совенка и один цыпленок. Вот удивилась, наверное, мама-сова, увидев, что один из ее птенцов похож на маленький желтый шарик. Буссе испугался, что сова не полюбит цыпленка, и забрал его оттуда.

— Между прочим, это мой цыпленок, — сказал он.

Он привязал на ногу цыпленку красную нитку, чтобы узнать его, и пустил к другим маминым цыплятам. Буссе назвал его Альбертом. Но когда цыпленок подрос, мы увидели, что это не петух, а курица. Тогда Буссе стал звать ее Альбертиной. Теперь Альбертина уже большая курица. Когда Буссе ест яйца, он говорит:

— Наверно, это яйцо снесла для меня Альбертина.

Альбертина любит махать крыльями и вспорхнуть куда-нибудь выше остальных кур.

— Это потому, что она родилась в совином гнезде, — говорит Буссе.

Один раз Лассе решил тоже завести своих собственных животных и поставил в свинарнике три

мышеловки. В них попались шестнадцать больших полевок. Он запер их в бочке, а на бочке написал: «Крысоферма Буллербю». Но в первую же ночь полевки удрали из бочки, и с крысофермой ничего не получилось.

— А вообще-то на что тебе крысоферма? — спросила Бритта. — Ведь крысы и мыши яйца не несут.

— И все же занятно было иметь крысоферму, неужели не понимаешь? — ответил Лассе, расстроенный оттого, что полевки сбежали.

У Бритты и Анны нет ни собаки, ни кроликов и вообще никаких собственных животных. Но у них есть дедушка. Самый добрый дедушка на свете, добрее не бывает. Мы все, дети в Буллербю, называем его дедушкой, хотя дедушка он только Анне и Бритте, а не всем нам. Он живет на верхнем этаже в Норргордене. У него такая уютная комната, и дедушка этот такой хороший. Все дети из Буллербю навещают его, когда у них нет других дел. Дедушка сидит в кресле-качалке. У него длинная седая борода, точь-в-точь как у рождественского гнома. Он почти ничего не видит, не может читать ни книги, ни газеты. Но это не беда, ведь он знает все, что написано в книгах. Он рассказывает нам библейские истории и про то, как люди жили, когда он был маленьким мальчиком.

Мы с Бриттой и Анной читаем ему газеты о том, кто умер, кому исполнилось пятьдесят лет. Про несчастные случаи и разные объявления. Если в газете написано, что где-то был пожар, дедушка приводит в пример двадцать случаев таких

пожаров. Если там пишут, что кого-то насмерть забодал бык, дедушка рассказывает про всех, кого он знал и на кого нападал злой бык. Поэтому у нас уходит много времени, покуда мы прочитаем целую газету. Иногда мальчики тоже читают ему. Хотя ему больше нравится, как читают девочки. Потому что мальчишки читают как попало, пропускают много объявлений и еще кое-что. Но у дедушки в шкафу есть ящик с инструментами, которыми он разрешает мальчикам пользоваться. Он помогает мальчикам вырезать кораблики, хотя сам видит очень плохо. А когда мальчики хотят отливать оловянных солдатиков, они тоже идут к дедушке и плавят олово у него в печке.

У дедушки в шкафу всегда стоит ящик с яблоками. Ну конечно, не всегда, а в то время года, когда бывают яблоки. И каждый раз, когда мы приходим к нему, он дает нам по яблоку. Мы покупаем для него карамельки в магазине Стурбю, он хранит их у себя и угощает нас яблоками и карамельками.

У дедушки на окне стоят горшки с геранью. Он сам ухаживает за цветами, хотя он слепой. Дедушка разговаривает со своими цветами. У него в комнате на стенах висят красивые картины. Мне больше всего нравятся две из них. На одной из них нарисован Иона в животе у кита, а на другой — змея, которая уползла из зверинца и душит человека. Правда, картинка со змеей не очень-то красивая, зато страшная и интересная.

В хорошую погоду дедушка выходит на прогулку. Он нащупывает дорогу палкой. Летом чаще

всего он сидит под большим вязом, который растет на полянке перед Норргорденом. Он сидит и дремлет на солнышке. И вдруг ни с того ни с сего говорит:

— О-хо-хо, хохошеньки!

Мы спрашиваем его, почему он говорит это «о-хо-хо, хохошеньки», а он отвечает, что вспоминает свою молодость. Наверно, молодым он был очень-очень давно. Надо же, какие добрые дедушки бывают на свете! Мне он очень нравится. Я хотела бы, чтобы у меня лучше был такой дедушка, чем собака.

Мальчишки не умеют хранить тайны

Не успели мы закончить прополку репы, как всего через несколько дней надо было возить сено.

— Нынче я не хочу, чтобы ребята топтали сено у меня на сеновале, — сказал папа.

Он говорит это каждый год. Но никто не верит, что он решил это всерьез.

Мы целыми днями ездили на телегах с сеном и прыгали на сеновале. Лассе придумал соревнование: кто прыгнет выше всех. Нет, правильнее сказать, кто прыгнет с самой большой высоты. Мы забирались по бревнам под самую крышу сеновала и прыгали вниз на сено. Ой! Страшновато было, даже в желудке щекотало! Лассе сказал, что тот, кто выиграет соревнование, получит в награду тянучку. Он купил ее в Стурбю, когда покупал для мамы дрожжи. Мы долго прыгали, стараясь пере-

плюнуть друг друга. Под конец Лассе забрался выше всех, под самую крышу, и прыгнул на тоненький слой сена. Он так грохнулся, что долго лежал и не мог шевельнуться. После он рассказывал, что ему казалось, будто сердце у него упало в желудок и останется там на всю жизнь. Не успел никто сделать такой же прыжок, как Лассе записал тянучку в рот и сказал:

— Награда Ларсу¹ за славный подвиг на сеновале.

Однажды, когда Бритта, Анна и я ехали на возу с сеном вместе с работником из Норргордена, мы увидели на пригорке рядом с покосом земляничную полянку. Никогда еще не видела я так много земляники на одном месте. Мы решили ни за что не говорить мальчишкам про эту полянку. Мы набрали земляники и нанизали ягоды на соломинки. Получилось тринадцать соломинок. Вечером мы съели ягоды со сливками и сахарным песком. Лассе, Буссе и Улле мы тоже дали по две штуки. А когда они спросили, где мы собирали землянику, мы сказали:

— Не скажем ни за что на свете! Это секрет.

Потом мы несколько дней ходили собирать землянику и искали новые места, на сеновале нам играть вовсе не хотелось. А мальчишки все время торчали на сеновале. И как это им только не надоело!

Один раз мы набрали так много земляники, что сказали мальчишкам:

¹ Лассе — уменьшительное от имени Ларс (шв.).

— Теперь у нас есть целых семь земляничных полянок. Только мы вам их не покажем, это секрет.

А Улле ответил:

— Ха-ха! Подумаешь, секрет! Да у нас есть секрет почище вашего!

— А какой у вас секрет? — спросила Бритта.

— Не говори, Лассе! — крикнул Улле.

Но Лассе ответил:

— Скажу! Пусть девчонки узнают, что наш секрет в сто раз важнее, чем их!

— Ну и что же это за секрет? — спросили мы.

— Мы сделали в сене девять пещер, если хотите знать! — заявил Лассе.

— А мы их сейчас найдем! — сказали мы и побежали на сеновал искать пещеры.

Мы искали целый день и еще один день, но никаких пещер не нашли. Мальчишки напустили на себя важный вид, а Лассе сказал:

— Вы их никогда не найдете! Во-первых, их нельзя найти без карты, во-вторых, вам не найти карту, на которой они отмечены.

— А что это еще за карта?

— Карта, которую мы сделали и спрятали.

Тут мы с Бриттой и Анной начали искать карту. Мы решили, что она спрятана в Меллангордене. Ведь Лассе не согласился бы, чтобы ее спрятали в другом месте. Мы искали несколько часов в комнате Буссе и Лассе. Искали у них в кроватях, рылись в ящиках бюро, в шкафу, ну просто везде. Под конец мы сказали Лассе:

— Ты можешь хотя бы сказать нам, что это, рыба, птица или что-нибудь серединка на половин-

ку. Ну, как говорят, когда играют в игру «угадай, где ключ».

Тут Лассе, Буссе и Улле начали хохотать, а Лассе сказал:

— Это птица! Нет, уж это никак не птица!

И они начали хитро подмигивать друг другу. Мы искали в абажуре, за обоями, под потолком. Ведь нужно было искать где-то высоко, раз Лассе сказал «птица». Под конец Лассе заявил:

— Кончайте искать, все равно не найдете никакой карты.

Тогда мы решили наплевать на эту карту. На следующий день шел дождь, я хотела посидеть дома и решила попросить у Улле сказки «Тысяча и одна ночь». Буссе и Лассе не было дома, и я пошла в их комнату, чтобы оттуда перебраться по липе к Улле.

Раньше на липе жила маленькая птичка. В стволе липы было небольшое дупло, где было ее гнездо. Теперь там птицы не было. Но когда я лезла по веткам, то заметила, что из гнезда торчит веревочка. «Откуда тут эта веревочка?» — подумала я и потянула ее. А веревочка была привязана к свернутой в трубочку бумажке. И подумать только, это была карта! Я чуть не свалилась с дерева от удивления. Забыв про «Тысячу и одну ночь», я полезла назад, в комнату Буссе и Лассе, и помчалась к Бритте и Анне. Я так торопилась, что споткнулась на лестнице и ударила коленку.

До чего же Анна и Бритта обрадовались! Мы тут же побежали на сеновал и скоро нашли все их пещеры. Мальчишки прорыли в сене длинные хо-

ды, и все они были нарисованы на карте. Ползешь по такой пещере, а там темно и кругом столько сена, что думаешь: «А вдруг я не сумею отсюда выбраться?» Страшновато и интересно. Но под конец все равно вылезаете оттуда.

Темно было только в проходах на пути в пещеру. В самих пещерах было светло, потому что все они находились у стены сеновала и в щели туда попадал свет. Пещеры были большие и удобные. Мы поняли, что мальчикам пришлось хорошенько потрудиться, чтобы сделать их. В последнюю пещеру вел такой длинный ход, что мы решили, будто ему не будет конца. Я ползла первая, а за мной Бритта и Анна.

— Вот увидите, мы попали в лабиринт, из которого нам не выбраться! — сказала Бритта.

И тут я увидела просвет. То была пещера. И надо же, там сидели Лассе, Буссе и Улле! Вот они удивились-то! Мы все-таки натянули им нос!

— Как вы попали сюда? — спросил Лассе.

— Ха-ха! Ясное дело, нашли карту, — ответила я, — проще простого! И искать пришлось недолго!

Хоть один раз Лассе опростоволосился! Подумав немного, он сказал:

— Так и быть! Пусть девчонки играют с нами!

И мы целый день играли в пещерах. На дворе шел дождь, а нам было хорошо. Но на другой день Лассе сказал:

— Раз теперь вы знаете наш секрет, говорите, где ваши земляничные полянки. Это будет по справедливости.

— Еще чего! — сказали мы. — Ищите их сами. Ведь мы сами нашли пещеры!

Но чтобы им было полегче найти, мы с Бриттой и Анной наломали палочек и разложили их стрелочками на земле. Хотя расстояния между палочками были довольно большие, мальчишки все же под конец нашли земляничные полянки. Только не все. К самой хорошей полянке мы палочки не положили. Это был наш секрет, про который мы никогда-никогда никому не расскажем.

Мы ночуем на сеновале

Однажды Буссе сказал мне:

— Сегодня ночью мы с Лассе ночуем на сеновале, и Улле тоже, если ему позволят.

— Только бродяги спят на сеновалах, — ответила я.

— Вовсе нет. Мы спросили маму, и она позволила.

Я побежала рассказать об этом Бритте и Анне.

— Тогда мы будем ночевать у нас на сеновале, — решили они. — И ты с нами, Лиса.

Так мы и договорились. Вот будет здорово-то! Жаль только, что мальчишки это первыми придумали. Мама сказала, что маленьким девочкам не годится спать на сеновале.

— Что же, значит, только мальчикам можно, а девочкам, по-твоему, ничего нельзя? — обиделась я.

И мама позволила.

Мы еле дождались вечера.

— Неужели вы, девчонки, тоже будете спать на сеновале? И не боитесь? А вдруг явится привидение?

— Ничуть не боимся, — ответили мы и стали припасать бутерброды на случай, если ночью проголодаемся.

Мальчишки тоже стали готовить бутерброды.

В восемь вечера мы отправились на сеновал, мальчишки на сеновал Меллангордена, а мы на сеновал Норргордена. Каждый взял с собой байковое одеяло. Улле Кольфинк прихватил с собой Свипа. Счастливчик этот Улле, у него есть собака!

— Спокойной ночи, маленькие бродяги! — сказал папа.

А мама добавила:

— Я надеюсь, вы завтра рано придете домой и купите молока? Так делают все бродяги.

Когда мы пожелали мальчикам доброй ночи, Лассе сказал:

— Спите спокойно! Если сможете! В прошлом году я на сеновале Норргордена нашел в сене гадюку. Не знаю, может, она и нынче там живет.

— Может, живет, а может, и нет, — подхватил Буссе. — Но уж маленьких полевок-то там полным-полно. Фу, какая гадость!

— Бедные детки! — ответили мы мальчишкам. — Вы боитесь полевок? Тогда вам лучше спать дома в кроватках.

И мы отправились спать, прихватив одеяла и бутерброды. На дворе было еще светло, а на сеновале темнотища!

— Чур я сплю в серединке! — крикнула я.

И мы устроились на сене. Пахло здесь чудесно, но сено было колкое. Правда, когда мы хорошенько завернулись в одеяла, лежать стало здорово.

Мы болтали о том о сем. Например, о настоящих бродягах, которые всегда спят на сеновалах. Анна считала, что это, наверно, очень интересно. Спать нам вовсе не хотелось, но проголодаться мы уже успели и решили съесть свои бутерброды, куда совсем не стемнело. Но под конец все-таки стало так темно, что мы не могли даже увидеть свои руки, поднося их к глазам. Я была рада, что лежала между Бриттой и Анной. В сене что-то очень странно шуршало. Анна придвинулась поближе ко мне.

— Подумать только, а вдруг придет настоящий бродяга и уляжется здесь спать без разрешения? — прошептала Бритта.

Мы помолчали немножко. И тут вдруг послышался страшный вой. Страшный, ну просто ужасный вой! Будто разом завывала целая тысяча привидений. И как только мы не умерли от страха! Но мы не умерли. А только закричали. Тогда Лассе, Буссе и Улле захохотали. Ведь это они выли. И они же, ясное дело, шуршали, когда ползали по сену. Бритта сказала, что пугаться нельзя. Потому что, когда человек пугается, кровь застывает в жилах. И добавила, что пожалуется своей маме. А Лассе ответил:

— Ну и что же? Уж и пошутить нельзя, что ли?

А Буссе стал дразниться:

— Ябеда-беда! Ябеда-беда!

Анна сказала, что у нее кровь немножко застыла в жилах.

Под конец мальчишки убрались в свой сарай.

Мы хотели было тоже пойти и напугать их. Да только мы устали и хотели спать.

Проснулись мы оттого, что нас разбудил норргорденский петух. И еще от холода. Брр! До чего же мы замерзли! Мы не знали, который был час, но решили, что надо вставать. Едва мы успели высунуть нос из сарая, как увидели, что Лассе, Буссе и Улле тоже выходят из сарая Меллангордена. Они тоже замерзли. Мы побежали греться в кухню. Надо же, еще никто, кроме нас, в Буллербю не проснулся! Все спали, ведь было еще только половина пятого! Но вскоре зазвонил будильник Агды. Ей нужно было доить коров. Она дала нам всем теплого молока с булочками. Ах, как это было вкусно!

Потом я поскорее улеглась в свою кровать, ведь я еще не выспалась. Наверно, кровать придумал очень умный человек. Ведь в кровати спать куда лучше, чем на сеновале.

Как мы с Анной собирались убежать из дому

Больше всего я люблю играть с Анной. Мы с ней придумываем самые интересные игры, которые, кроме нас, никто не знает. Иногда делаем вид, будто мы взрослые и ходим друг к другу

в гости. Будто бы Анну зовут фру Бенгтссон, а меня — фру Ларссон. Анна делает важный вид и говорит ужасно вежливо. Я тоже говорю с Анной, ну когда она будто бы фру Бенгтссон, очень вежливо. А иногда мы делаем вид, что фру Бенгтссон и фру Ларссон рассорились, и Анна говорит:

— Вы, фру Ларссон, можете идти домой со своими противными детьми!

Это моих кукол она называет противными детьми. А я ей отвечаю:

— Это ваши дети противные, а не мои!

Но после мы миримся, идем в магазины покупать бархат и конфеты. Свои деньги «понарошку» мы делаем в комнате дедушки. Мы боимся, что мальчишки узнают и будут над нами смеяться. А дедушка знает про нашу игру и сам иногда играет с нами, мы у него покупаем что-нибудь на наши деньги.

В дождливое время мы с Анной сидим в дедушкиной комнате и читаем ему газету. Дедушкины папа и мама умерли, когда он был совсем маленьким. Ему пришлось жить у чужих людей, которые с ним плохо обращались. Они заставляли его много работать, хотя он был такой маленький; его наказывали и давали ему очень мало еды. Под конец ему это надоело, и он убежал. До того как он попал к добрым людям, ему пришлось пережить столько интересных и опасных приключений, что даже поверить трудно!

Однажды в дождливый день, прочитав дедушкину газету, Анна попросила:

— Дедушка, расскажи мне про то, как ты убежал.

— О-хо-хо, — ответил дедушка. — Я тебе про это уже рассказывал много раз.

Но мы стали его упрашивать, и он снова рассказал нам про это.

И тут Анна выпалила:

— Как это здорово — убежать из дому. Мне самой захотелось убежать.

— Тогда тебе сначала надо найти злых людей, от которых придется убежать.

— И вовсе это не обязательно. Можно и без этого убежать. Только немножко, а потом вернуться домой.

— Давай убежим, — согласилась я.

— А что ты скажешь, дедушка? — спросила Анна. — По-твоему, нам можно убежать?

И дедушка позволил нам немножко убежать. Мы решили, что убежим ночью и никому об этом не скажем. Мы попросили дедушку никому об этом не говорить, и он обещал молчать.

По вечерам меня всегда клонит ко сну. И я боялась, что не проснусь, когда надо будет бежать. Тогда Анна придумала:

— А ты ложись и спи! Мы привяжем тебе к большому пальцу на ноге веревочку. Я дерну за нее, и ты проснешься.

Анна решила нарвать веток можжевельника и положить их себе в кровать, чтобы не заснуть, пока все не захрапят.

Мы спросили дедушку, что надо брать с собой, когда убегаешь из дому. Он сказал, что нужно

взять еду и немножко денег, если они у тебя есть. Мы решили убежать в первую же ночь, и нам пришлось немало похлопотать со сборами.

Я пошла к маме и попросила дать мне несколько бутербродов. А мама спросила:

— Неужели ты успела проголодаться? Ведь мы только что пообедали.

Я ничего ей не ответила. Ведь не могла же я рассказать ей, что мы задумали. Потом я взяла две кроны из тех денег, что я получила за прополку репы, и положила их под подушку. А после отыскала длинную веревочку, чтобы привязать ее к большому пальцу ноги.

Вечером все мы играли в лапту. Когда пришло время ложиться спать, я подмигнула Анне и шепнула ей:

— В половине одиннадцатого!

Я пожелала маме и папе спокойной ночи и крепко-крепко обняла их, ведь я должна была все-таки на довольно долго расстаться с ними. А мама сказала:

— Завтра мы с тобой нарвем немного черной смородины.

Мне стало жаль маму. Ведь завтра у нее уже девочки не будет.

Потом я пошла к себе в комнату, привязала к пальцу веревочку, спустила ее в окно и легла в кровать, решив, что успею немного поспать. Перед тем как бежать, нужно хорошенько отдохнуть.

Каждый вечер я засыпаю сразу, стоит мне только положить голову на подушку. Но тут сон никак

не хотел приходить ко мне. Я изо всех сил пыталась уснуть, но стоило мне только чуть-чуть пошевелиться, как веревочка на пальце натягивалась. Потом я стала думать о том, что скажет мама, когда придет утром и увидит мою кровать. Мне стало так жаль ее, что я заплакала. И я плакала долго-долго.

Под конец я уснула, но вдруг проснулась, потому что с одним моим пальцем на ноге случилось что-то непонятное. Потом я все вспомнила. Видно, кто-то дернул за веревочку.

— Да, да, Анна! Иду, иду! — крикнула я и подбежала к окну. И тут я увидела, что на дворе уже совсем светло. Под моим окном стоял Лассе и дергал за веревочку. Ну и рассердилась же я!

— Ой, ой, ой! — закричала я. — Отпусти веревку!

Но Лассе продолжал тянуть ее.

— Тебе говорят отпусти! — закричала я. — Отпусти веревку!

— Это почему же? — спросил Лассе.

— Потому что она привязана к моему большому пальцу на ноге! — ответила я.

Лассе засмеялся и сказал:

— Вот так рыбка попалась мне на крючок!

Потом он спросил, зачем я привязала к ноге эту веревку, но я не стала ему рассказывать, а помчалась в Норргорден. Я подумала, что Анна решила убежать одна. Бритта сидела на крылечке и играла с Сессан.

— А где Анна? — спросила я.

— Спит, — ответила Бритта.

Я поднялась в комнату девочек и увидела, что Анна и в самом деле спит. Она даже храпела. Я стала привязывать веревочку к ее большому пальцу, но тут она проснулась.

— Ой, — воскликнула она, — который час?

Я ответила, что уже восемь утра. Она долго сидела молча, а потом сказала:

— Не знаю, почему это люди не могут заснуть на можжевельных ветках. Меня так от этих веток еще больше клонит ко сну!

А когда мы пришли к бабушке читать газету, он удивился и спросил:

— Вот тебе и на! Так вы не убежали?

— Убежим в другой раз, — ответили мы.

Мы строим дом

Под конец нам надоело играть в сене. Буссе, Лассе и Улле каждое утро где-то пропадали. Мы не знали, куда они девались. Да нас это мало и трогало, нам и без них было весело. На выгоне позади Сёргордена есть много каменистых горюшек и скал. И мы там играли — Бритта, Анна и я. Однажды Бритта придумала устроить в расселине скалы себе домик и там играть. Такого замечательного домика у нас еще не было. Я попросила маму дать нам несколько половичков, и мы постелили их в нашей каменной зале. И она стала еще больше похожа на комнату. Потом мы взяли ящики из-под сахара, сделали из них шкаф, а квадратный ящик поставили посредине вместо стола. Бритта с позво-

ления мамы взяла клетчатую салфетку и накрыла ею стол. К столу мы подставили маленькие скамеечки. Я принесла сюда свой красивый розовый кукольный кофейный сервиз, а Анна — маленький цветастый графинчик для сока со стаканчиками. Все это мы расставили на полочках нашего шкафа из ящиков. Но сначала постелили на эти полочки цветную бумагу. Потом мы нарвали колокольчиков и ромашек и поставили их на стол в баночках с водой. До чего же стало у нас красиво!

Агда в этот день пекла булочки, и я тоже испекла малюсенькие булочки. А после мы уселись в нашем домике вокруг стола и стали пить кофе из розовых чашечек и есть булочки. А еще мы выпили сок из цветастого графина Анны.

Бритта была понарошку хозяйкой дома, и ее звали фру Андерссон. Я была горничной Агдой, а Анна хозяйской дочкой. Мы нарвали малины, которая росла рядом на выгоне, и стали выжимать ее в белую тряпочку. Это мы понарошку делали сыр. Бритта, которая была понарошку хозяйкой, сказала мне:

— Неужели ты, Агда, так никогда и не научишься делать сыр как следует?

А я ей ответила:

— Вы, фру Андерссон, можете сами делать свой старый сыр.

Только я успела это сказать, как увидела челку Буссе, торчавшую из-за камня, и сказала Бритте и Анне:

— Мальчишки за нами подглядывают.

И мы закричали:

— Ха, ха! Мы вас видели, выходите! Нечего прятаться!

Лассе, Буссе и Улле вышли из засады, стали по-глупому кривляться и передразнивать нас:

— Неужели ты, Агда, так и не научишься делать старый сыр?

Они так пристали к нам, что играть в домике в этот день мы больше уже не смогли. Лассе предложил играть в лапту, и мы согласились. Хотя Лассе не переставал дразниться:

— Не могли бы вы, фру Андерссон, поворачиваться поживее! Опять вы промазали, фру Андерссон.

Говорила же я, что мальчишкам нас не перехитрить

На другое утро, как только мы съели за завтраком кашу, Лассе, Буссе и Улле снова исчезли. Бритта, Анна и я отправились играть в свой домик. А когда нам надоела эта игра, стали гадать, куда подевались мальчишки, что они делают целыми днями. Раньше мы об этом не думали, а теперь вспомнили, что целую неделю видели их только по вечерам, когда играли в лапту.

— Давайте подкараулим их, — предложила Бритта.

— Ладно, — согласились мы с Анной. — Только сначала нужно узнать, где они прячутся.

Перед обедом мы уселись на крыльце и стали ждать. Сначала появился Лассе. Чуть погода при-

шел Буссе, а потом показался Улле. Только пришли они не одним путем. Тут мы поняли, что у них опять появился какой-то секрет от нас. А не то они бы пришли вместе. Мы принесли на крыльцо кукол, чтобы мальчишки не догадались, что мы шпионим за ними. Мы играли в куклы и ничего не сказали мальчишкам. Потом мы пообедали вместе с ними. А как только поели, опять стали играть в куклы.

Вскоре Лассе вышел из дому. А мы по-прежнему играли в куклы. Лассе поиграл чуть-чуть с Мурре, а потом скрылся за углом. Мы побежали наверх, в мою комнату, чтобы смотреть оттуда в окно. Лассе настороженно огляделся, пробежал между кустами смородины и перепрыгнул каменную ограду, окружавшую наш сад. Дальше мы уже разглядеть ничего не могли. Вскоре показался Буссе. Он настороженно прокрался по саду и исчез в том же направлении, что и Лассе.

— Смотри, смотри, Бритта, сейчас и Улле вынырнет. Бежим! Спрячемся в кустах смородины и поглядим, что будет дальше!

Так мы и сделали. Схоронились за кустами и сидели там тихо-тихо. И тут, ясное дело, явился Улле. Он пробежал мимо нас так близко, что мы могли бы схватить его, но Улле нас не заметил. Мы кинулись за ним.

За нашим садом раскинулся большой выгон. Там растут густой орешник, можжевельник и другой кустарник. Есть там и деревья. Папа собирается вырубить все кусты, чтобы скотине было про-

сторнее пастись. Но я надеюсь, что он этого не сделает, ведь там так здорово прятаться!

Мы довольно долго бежали за Улле, перебегая от одного куста к другому. Но он юркнул в густые заросли и исчез. Мы потеряли его из виду и найти никак не могли. Хотя мы точно знали, что они прячутся здесь, на выгоне, отыскать их так и не смогли. Наконец Анна выпалила:

— Давайте позовем Свипа! Уж он-то обязательно отыщет Улле.

Мы с Бриттой решили, что Анна это ловко придумала. Мы помчались к Сёргордену и попросили маму Улле дать нам ненадолго Свипа.

— Берите, пожалуйста, — разрешила его мама.

Вот обрадовался-то Свип, что его берут на прогулку. Он стал прыгать и весело лаять. А мы ему сказали:

— Свип! Где Улле? Ищи Улле!

И Свип принялся нюхать землю, потом побежал. Нам оставалось только идти за ним. Он помчался по нашему саду, потом по выгону, а мы пустились за ним. Пес ворвался в заросли орешника и прыгнул прямо на Улле. А рядом стояли растерянные Лассе и Буссе. И секрет был тоже здесь. А заключался он в том, что мальчишки построили на выгоне хижину!

— Ха-ха! — закричали мы. — Что, взяли? Небось ошалели от удивления?

И они в самом деле малость ошалели.

— И не думайте заводить от нас секреты, — заявили мы. — Все равно мы все узнаем, нас вам не перехитрить.

— Куда уж от вас спрячешься, когда вы берете с собой ищеек! — рассердился Лассе.

А Свип знай себе весело прыгает. Видно, он думал, что сделал что-то замечательное. Мы пообещали дать ему на ужин вкусную косточку.

Мировой шалаш построили мальчишки. Они прибили несколько досок к четырем деревьям, которые стояли как бы по углам квадрата. Получалось, что в каждом углу этой хижины стояло по дереву. Больше досок у них не было, и они вместо стен посадили кусты можжевельника. Потом они положили короткие досочки на крышу, а на пол постелили старую лошадиную попону.

— Ну, как вы думаете, можно девчонки будут здесь с нами играть? — спросил Лассе у Буссе и Улле.

— А ты как думаешь? — спросили они в ответ, им хотелось узнать, что об этом скажет Лассе.

Ну а Лассе сказал:

— Пусть играют.

И мы стали играть в этом шалаше в индейцев. Лассе был вождем племени, и его звали Сильной Пантерой, Буссе — Быстрым Оленем, а Улле — Летящим Соколом. Бритту назвали Ревущим Медведем, Анну — Желтым Волком, а меня — Хитрой Лисой. Я хотела выбрать имя получше, но Лассе не позволил. Огня в хижине мы не разводили, но делали вид, что сидим у очага и курим трубку мира, вместо которой у нас были лакричные полоски. Я откусила маленький кусочек этой конфеты, она была ужасно вкусная. Мальчишки смастерили луки и стрелы для себя и для нас.

Лассе сказал, что на другом конце выгона тоже есть индейцы. Это племя команчей, они коварные и опасные, и всех их надо убить. Мы взяли свои стрелы и со страшным воем помчались по выгону. На другом краю выгона паслись наши коровы. Лассе сказал, что они и есть команчи. Вон какой у них свирепый вид! Ох, как эти команчи удирали от нас! Лассе что-то кричал им вдогонку на языке индейцев, но мне кажется, они этого не поняли.

Снова идем в школу

Что до меня, так мне после долгих летних каникул очень даже хочется идти в школу. А Буссе говорит, что собирается написать королю и попросить его опять закрыть школы. Но я надеюсь, что король этого делать не станет. Потому что мне школа нравится. Мне нравится наша фрёкен и мои друзья. И учебники мои мне тоже нравятся. Я обернула их новой красивой бумагой, наклеила на них картинки и написала свое имя и фамилию. Буссе и Лассе не оборачивают свои учебники новой бумагой, пока мама или фрёкен не заставят их. И книги у них вечно перепачканы. Лассе вырезал из журналов Кронблума, Кнолля, Тотта и разные другие фигурки и наклеил их на рисунки в учебнике географии. Он говорит, что так веселее учить. Конечно, веселее, я тоже так считаю. Например, под картинкой написано: «Китайский крестьянин сажает рис», а лицо у него не китайца, а Кронблума.

Все мы, дети из Буллербю, ходим в школу вместе. Берем с собой бутерброды и молоко, чтобы позавтракать во время перемены. Иногда Лассе, Буссе и Улле съедают свой завтрак по дороге в школу.

— Какая разница, нести завтрак в животе или в ранце? — говорит Лассе.

Наша фрёкен живет в школе на верхнем этаже. Там у нее красивая комната, пианино, много книг и маленькая хорошенькая кухня. Иногда она дает нам почитать книжки, а иногда угощает шоколадом.

Один раз мы пришли в школу, а фрёкен заболела и уроков у нас в этот день не было. Все дети, кроме нас, знали об этом заранее, потому что в Стурбю есть телефон, а в Буллербю нет. Мы не знали, что нам делать. Школа закрыта, ни детей, ни фрёкен. Под конец мы поднялись на верхний этаж и постучали в дверь фрёкен.

— Войдите, — сказала фрёкен.

И мы вошли. А она была больна и лежала в постели. К ней должна была прийти одна старушка, но она не пришла. И фрёкен спросила, не хотим ли мы помочь ей. Мы сказали, что хотим. Мальчики побежали за дровами. Бритта растопила печь и поставила чайник на огонь. Я подмела пол и поправила и взбила фрёкен подушки, а Анна приготовила поднос. И мы напоили фрёкен чаем с бутербродами.

Фрёкен сказала, что ей ужасно хотелось приготовить на обед гуляш, она купила мясо. Она спросила нас, смогли бы мы приготовить гуляш, если она скажет нам, как это делается.

— Мы можем попробовать, — ответила Бритта. — Если у нас не получится гуляш, может, выйдет что-нибудь другое.

И все же у нас получился гуляш. Теперь мне не надо будет учиться его делать, когда я вырасту большая. Фрёкен предложила нам попробовать гуляш. До чего же он был вкусный! Потом Бритта вымыла посуду, а мы с Анной ее вытерли. Лассе, Буссе и Улле сидели возле полки с книгами и все время читали. Ведь от мальчишек вовсе нет никакой пользы. Мы пробыли у фрёкен, пока не подошло время идти домой, ну как бы после уроков. Под конец мы спросили ее, собирается ли она и на другой день болеть. Она сказала, что собирается. Тогда мы спросили, можем ли мы прийти и помочь ей. И фрёкен ответила, что она будет рада, если мы придем.

Когда на другой день Бритта, Анна и я пришли к ней, фрёкен лежала в неприбранной постели. Ей, бедняжке, очень хотелось овсяной каши. Мы усадили ее в кресло-качалку, аккуратно застелили постель. И когда она снова легла в постель, то сказала, что чувствует себя просто-напросто принцессой. Потом мы сварили ей овсяную кашу и напоили кофе со свежими булочками, которые я принесла из дому. Фрёкен сказала, что ей прямо-таки нравится болеть. Но к сожалению, на следующий день она совсем выздоровела. А иначе мы бы научились готовить много других блюд.

Осенью и зимой мы идем в школу и из школы почти что в темноте. По одному идти было бы скучно и неприятно, но вшестером нам всегда весело. Дорога почти все время проходит по лесу, и Лассе

пугает нас, говорит, что в лесу полно троллей, великанов и ведьм. Может, так оно и есть. Только мы еще никого из них не видели. Иногда, когда мы идем домой, на небе уже горят звезды. Лассе уверяет, что звезд два миллиона пятьсот тысяч пятьдесят четыре и что он знает название каждой звезды. Только я думаю, что он все врет. Один раз я спросила, как называется вон та звезда, а он ответил: «Большая красивая звезда». А когда мы шли из школы домой, я опять спросила про ту же звезду, и он ответил: «Корона королевы».

— А как же ты вчера сказал, что это Большая красивая звезда? — засмеялась я.

А Лассе ответил:

— Нет, это была другая. Большая красивая звезда упала прошлой ночью. А эта называется Корона королевы. Точно! Можешь мне поверить!

Иногда мы по дороге из школы поем «По холмам, по лесу, по долинам» и другие песни. Подумать только, а вдруг кто-нибудь услышит нас? И будет ломать голову над тем, кто это поет. Ведь в темноте никто не сможет разглядеть, что это мы, дети из Буллербю, топаем по дороге и поем, хотя вокруг такая тьма.

Мы устраиваем маскарад

Однажды вечером этой осенью все наши родители отправились в гости к торговцу в Стурбю. В Буллербю остались одни дети. И еще дедушка. И Агда. Я посигналила карманным фонариком

в окно Бритте и Анне. Это означает: «Идите скорее ко мне! Мне надо что-то вам сказать».

Чуть погодя я уже услышала, как они топают по лестнице. Но сказать-то мне им, по правде говоря, особо и нечего было. Просто я хотела, чтобы мы вместе придумали что-нибудь интересное. Сначала мы стали рассматривать книжные закладки. Потом немножко поиграли и уже собирались идти поболтать с Агдой. И тут Анна кое-что здорово придумала:

— Давайте переоденемся так, чтобы Агда не узнала нас.

Ох, и заторопились мы! На чердаке у нас хранилась целая куча маминой и папиной одежды. Бритта сказала, что она нарядится мужчиной. Она надела папины полосатые брюки, коричневый пиджак и черную папину шляпу. Брюки, ясное дело, были ей слишком длинны, пришлось их подвернуть и заколоть английскими булавками, а рукава пиджака закатать. Потом она нарисовала себе жженой пробкой усы и бороду. Бритта стала похожа на смешного маленького дяденьку. Мы с Анной так хохотали над ней, что с трудом напялили юбки. Я надела мамину черную юбку, блузку в цветочек и черную шляпу с вуалью. Когда я опустила на лицо вуаль, Анна с Бриттой просто не могли узнать меня. Анна тоже захотела надеть шляпу с вуалью, но ни шляпы, ни вуали больше мы найти не могли, и Анна надела на голову платок. На ней была тоже длинная юбка и шерстяная кофта.

Буссе и Лассе были у Улле, и мы смогли спуститься с лестницы незамеченные. Мы прокрались

к парадному входу, а оттуда прошли к дверям кухни и постучали. Мы не просто стучали, а барабанили.

— Кто там? — спросила Агда испуганно.

Мы не сразу догадались, что ответить, а потом Бритта сказала грубым голосом:

— Бродяги!

— Сюда нельзя, их нету дома! — растерянно ответила Агда.

— А мы хотим войти! — крикнули мы и стали барабанить в дверь. Но после мы не могли удержаться и рассмеялись. Я старалась смеяться тихонько, но смех прямо-таки вырвался у меня из горла, и я решила, что Агда услышала меня. Она осторожно приотворила дверь, и мы проскользнули на кухню.

— Да вы только посмотрите! — воскликнула Агда. — Что это за знатные господа к нам пожаловали!

— Меня зовут господин Карлссон, — сказала Бритта. — А это мои жены.

— Ах, какие прекрасные у вас жены, господин Карлссон, — засмеялась Агда. — И даже целых две! Разрешите угостить вас соком, господа хорошие?

И мы, конечно, разрешили. Мы пили сок и делали вид, будто мы взрослые. В одежде взрослых у нас это получалось гораздо лучше.

Потом мы решили пойти в Сёргорден и показаться мальчишкам. Дверь была не заперта, и мы вошли в дом. Когда мы поднимались по чердачной лестнице в комнату Улле, Анна запуталась в длинной юбке, споткнулась и грохнулась. Улле открыл дверь, чтобы поглядеть, в чем дело. И подумать только, увидев нас, он так испугался, что даже

подпрыгнул. Ведь на чердаке было темно, падала только полоска света из его комнаты. Улле подумал, что на лестнице стоят три привидения.

Когда Лассе увидел, как мы нарядились, он тоже захотел как-нибудь вырядиться. И Улле с Буссе тоже захотели. Лассе надел платье мамы Улле и туфли на высоких каблуках. А Буссе и Улле вырядились во взрослые мужские костюмы. Лассе бегал мелкими шажками, махал руками и тоненьким голоском спрашивал:

— И как это, госпожа, у вас получается такое вкусное печенье с корицей?¹ Не дадите ли мне рецепт?

Он решил, что так говорят взрослые дамы.

Потом все мы пошли к дедушке и рассказали ему, что устроили настоящий маскарад. К сожалению, он этого увидеть не мог. Но мы сыграли для него спектакль, который тут же сами придумали. Лассе был злой теткой. Ух, и посмеялись же мы над ним. Дедушка тоже смеялся. Хотя видеть нас не мог, а только слушал.

Буря

А сейчас я расскажу про сильную бурю, которая разыгралась перед Рождеством.

Папа сказал, что такой свирепой бури он еще никогда не видел.

¹ Традиционное шведское печенье (леппаркау́р) с корицей, гвоздикой и перцем.

С начала декабря Лассе каждый день по дороге в школу говорил:

— Вот увидите, не будет снега к Рождеству!

А я каждый раз расстраивалась потому, что очень хотела, чтобы был снег. Но день проходил за днем, а с неба не падало ни одной малюсенькой снежинки. Но, подумать только, как раз за неделю до Рождества, когда мы сидели на уроке и считали, Буссе крикнул:

— Поглядите! Снег идет!

И снег в самом деле шел! Мы так обрадовались, что закричали «Ура!». А фрёкен велела нам встать и спеть «Вот и зима пришла».

Когда мы на переменке вышли на улицу, на школьном дворе лежал толстый слой снега. Мы вытоптали на снегу большую восьмерку. Весь перерыв мы топтались по этой восьмерке и весело кричали. А Лассе сказал:

— Да, но больше снега, чем сейчас, не будет. А до Рождества он успеет растаять.

Откуда ему было это знать! Не успели мы войти в школу и прикрыть за собой дверь, как снег повалил сильнее. Снег шел так сильно, что за окном все побелело. Мы не могли даже разглядеть школьный двор. Снег валил целый день. Вдобавок поднялся ветер. Ветер выл, мела пурга, пурга мела, ветер выл. Фрёкен стала беспокоиться и сказала:

— Не знаю, как дети из Буллербю доберутся сегодня домой.

Она предложила, чтобы мы остались у нее ночевать, и нам этого очень хотелось. Но мы знали,

что дома, в Буллербю, все будут сильно беспокоиться. И мы ответили, что не сможем остаться. Тогда фрёкен велела нам поскорее идти домой, покуда не стемнело.

Мы вышли из школы в час дня. Ох, какие сугробы намело повсюду! И до чего же сильно дул ветер! Нам пришлось нагибаться чуть ли не до самой земли.

— Ну как, теперь тебе хватит снега? — сердито спросила Бритта Лассе.

— Так ведь еще не Рождество, — ответил он.

Но ветер выл так громко, что мы еле слышали его слова. Мы держались за руки, чтобы нас не унесло. Ноги проваливались выше колен, и идти было тяжело. А ветер продувал нас насквозь. Мы замерзли до того, что пальцы на ногах и носы онемели. Под конец ноги у меня так устали, что я должна была отдохнуть и сказала об этом Лассе.

— Даже не думай об этом, — ответил Лассе.

Анна тоже устала и хотела передохнуть, но Лассе объяснил, что это опасно. Тогда мы с Анной заплакали. Нам уже не верилось, что мы когда-нибудь доберемся до Буллербю. Ведь мы прошли всего полпути. Но вдруг Улле придумал:

— Давайте пойдем к сапожнику! Ведь не пооткусывает же он нам носы!

И мы с Анной захотели идти к сапожнику, даже если бы он и укусил нас за нос.

Ветер дул с такой силой, что нас прямо-таки внесло в сени сапожника. Увидев нас, он не очень-то обрадовался:

— Что не сидится дома мелюзге в такую погоду?

Мы не осмелились сказать, что погода была нормальная, когда мы вышли из дому. Мы сняли пальто и шапки, сели и стали смотреть, как он вбивает гвозди в подошвы. Мы ужас как проголодались, но об этом тоже сказать не посмели. Сапожник сварил кофе, стал его пить и есть бутерброды, а нас не угостил. Не то что Кристин из Лёвнесета. Она-то нас накормила, когда мы прибежали к ней во время грозы. Когда стемнело, снег перестал падать и ветер утих. Но сугробы намело такие большущие, что домой нам было все равно не попасть. Ах, как мне хотелось поскорей к маме, поскорей лечь в свою постель!

И подумать только, вдруг забренчали колокольчики! Мы подбежали к окну и увидели, что это подъехал папа в санях-волокушах, которыми расчищают снег. Мы отворили дверь и окликнули его. А сапожник сердито закричал:

— Не впускайте холод!

Увидев нас, папа очень обрадовался. Он крикнул, что сначала расчистит снег до Стурбю, а на обратном пути заберет нас.

Так он и сделал. Мы с Анной ехали домой на санях, а остальные шли сзади пешком. Теперь дорога была расчищена и укатана, идти по ней было совсем легко.

Мама стояла у кухонного окна и волновалась, поджидая нас. Лассе, Буссе и я поели горячего мясного супа с клецками. Ничего вкуснее мы не

ели за всю жизнь! Я слопала три тарелки, а после сразу повалилась в постель. До чего же это было здорово! Мама сказала, что это она попросила папу расчистить снег, она просто чувствовала, что мы все-таки отправились домой, несмотря на метель, и бредем где-нибудь по дороге. Нам повезло, что она это почувствовала. А не то пришлось бы целую ночь сидеть у сапожника.

Ближится Рождество

На другой день сияло солнце, на ветвях деревьев лежал белый, как сахар, снег. Был последний день перед рождественскими каникулами. Фрёкен сказала, что она не спала всю ночь, лежала и думала, как мы добрались до дому в эту пургу.

Она прочитала нам рождественский рассказ, ведь был последний день перед Рождеством. В этот день все нам казалось каким-то удивительным. А перед тем, как нам идти домой, случилось самое замечательное. Фрёкен послала письмо в Стокгольм и заказала для нас книжки сказок. Она дала нам полистать журналы, где были напечатаны обложки этих книжек с красивыми картинками. И каждый выбрал, какие книжки он хочет заказать. Я заказала две, Буссе и Лассе тоже заказали по две книжки. На обложке моих книжек были нарисованы красивые принцы и принцессы. И как раз в последний день перед Рождеством фрёкен получила эти книжки. Она прошла по

классу и раздала нам их. Я еле дождалась, пока очередь дошла до меня. Но мама сказала, что читать их мы начнем не раньше сочельника.

Перед тем как идти домой, мы спели все рождественские песни, которые знали. Потом фрёкен пожелала нам веселого Рождества. И мы были уверены, что Рождество у нас будет веселым.

Бритта, Анна и я забежали в лавочку и купили красную, желтую, зеленую, белую и синюю глянцевою бумагу, чтобы сделать из нее корзиночки и повесить их на рождественскую елку. Когда мы возвратились домой, было совсем светло и погода стояла такая хорошая. По дороге домой Бритта достала одну из своих новых книжек и понюхала ее. И мы тоже понюхали свои книжки. Новые книжки так вкусно пахнут! Можно по одному запаху догадаться, как интересно будет их читать. Потом Бритта начала читать. Ее мама тоже говорила, что эти книжки нужно читать в сочельник. Но Бритта сказала, что прочитает только маленький-премаленький кусочек. Когда она прочитала чуть-чуть, нам было так интересно, что мы попросили ее прочитать еще кусочек. Она еще прочитала. Но и этого нам показалось мало.

— Я должен узнать, — сказал Лассе, — был принц заколдован или нет.

Пришлось ей прочитать еще кусочек. Так она читала, пока мы не пришли домой в Буллербю. И Бритта успела нам прочитать всю книжку до конца.

— Ну и что из того! — сказала она. — В рождественский вечер я все равно ее перечитаю!

Дома у нас был ужас какой беспорядок. Мама и Агда готовили рождественскую колбасу. Мы поели и сразу все трое, Лассе, Буссе и я, вышли в сад и стали лепить из снега большой фонарь. А Бритта, Анна и Улле помогали нам.

На липе сидела целая туча воробьев, снегирей и синиц. Вид у них был очень голодный. Я побежала и спросила папу, нельзя ли нам поставить рождественские снопы чуть раньше. Папа разрешил. Тогда мы все побежали на гумно и взяли пять снопов овса, которые мы оставили на Рождество, когда обмолачивали зерно. Мы поставили их у нас в саду под яблоней. И птицы тут же налетели на них и стали лакомиться. Наверное, они решили, что сочельник уже наступил. Рождественские снопы на снегу были такие красивые и все вокруг было так красиво!

Вечером Бритта, Анна и я сидели у бабушки и мастерили корзиночки для рождественской елки. Мальчики тоже туда пришли. Сначала они не хотели делать корзиночки, но потом все же не утерпели. Мы все сидели за круглым бабушкиным столом и сделали пятьдесят четыре корзиночки. Потом поделили их поровну. Восемнадцать пришлось на Норргорден, восемнадцать на Меллангорден и восемнадцать на Сёргорден. Бабушка угостил нас яблоками и постным сахаром. Мы сидели там и думали о том, что на следующий день будем печь печенье с корицей. Нам было почти так же весело, как в сочельник.

Лассе вдруг выбежал в сад и зажег свечу, которую мы поставили в снежном фонаре. Ах, как

красиво светился снежный фонарь в темноте! Я смотрела на огонек в фонаре и вспоминала про себя рождественскую песенку: «К нам с улыбкою пришел снежный зимний праздник».

— Верно ведь, Рождество веселый праздник? — шепотом спросила Анна.

И я согласилась с ней. Потому что я тоже люблю этот праздник. Ведь он самый веселый в году. Все мы, дети из Буллербю, веселимся в эти дни. Правда, мы веселимся и в другое время. Летом, зимой, весной и осенью. Ах, как нам весело живется!

Снова про детей из Булмербю

Все мы из Буллербю

то мы: Лассе, Буссе, я, Улле, Бритта и Анна. Все мы из Буллербю. Лассе, Буссе и я живем в Меллангордене, Улле живет в Сёргордене, а Бритта и Анна — в Норргордене.

В Норргордене живет также дедушка. Ясное дело, почему он там живет, ведь он папа папе Бритты и Анны. Но мы все в Буллербю называем его дедушкой. Ведь это у нас единственный дедушка.

А мам и пап у нас несколько. Я хочу сказать, что мама и папа есть в Норргордене, в Меллангордене есть мама и папа, и в Сёргордене тоже. Но ведь иначе и быть не могло! Больше у нас в Буллербю нет никого. Нет, еще здесь живет Агда, наша горничная, и Оскар, наш работник, и Калле — работник из Норргордена. А еще в Сёргордене живет один человек. Маленький-премаленький человечек. Это крошечная сестричка Улле, она родилась всего несколько месяцев назад. Такая малышка не может ни говорить, ни ходить, поэто-

му ее нельзя еще считать настоящим человеком. Хотя Улле считает, что его сестренка важнее самого короля.

Вот я и пересчитала всех, кто живет в Буллербю. Ясное дело, я не считала Свипа, собаку Улле, и еще Малькольма, Мурре и Сессан, всех наших кошек, Альбертину, курицу Буссе, и всех наших коров, лошадей, поросят и кроликов. Но ведь они не люди. Правда, Свип почти такой же умный, как люди. Лассе говорит, что он даже умнее, чем девчонки.

Как мы в Буллербю празднуем Рождество

Я не знаю, когда начинается Рождество в других местах, но у нас в Буллербю оно начинается, когда мы печем печенье с корицей. Тогда нам почти так же весело, как в сочельник. Лассе, Буссе и мне дают по большому комку теста с корицей и разрешают печь всё, что мы захотим. И подумать только, в тот самый день, когда мы прошлый раз пекли печенье, Лассе забыл про это и поехал с папой в лес за дровами! И вдруг в лесу он вспомнил, что это за день, и помчался домой. Папа говорил, что он бежал так, что снежная пыль столбом стояла. Мы с Буссе уже начали печь. Даже хорошо, что Лассе немножко опоздал. Потому что самые хорошие формы для печенья — это поросята, а когда мы печем все вместе, все формы в виде поросят забирает Лассе, нам они никогда не доста-

ются. А в тот раз мы с Буссе успели испечь десять поросят, когда он, запыхаясь, прибежал из леса. Ох, как он заторопился, чтобы догнать нас! А когда мы почти все испекли, то остатки теста сложили вместе в один большой ком, чтобы испечь один большущий пряник на приз, это мы всегда делаем. А вечером, когда мы всё печенье уже вынули из печки, то положили в бутылку 322 горошины, обошли Буллербю и просили каждого угадать, сколько горошин в бутылке. Тот, кто угадывал, получал призовой пряник. Лассе нес бутылку, Буссе — приз, а я записывала в блокнот, кто что сказал. Приз получил дедушка, и я была этому очень рада. Он сказал, что в бутылке 320 горошин, точнее всех угадал. А вот Анна думала, что там три тысячи горошин, вот ерунда какая!

А на другой день тоже было весело. Мы отправились в лес за рождественскими елками. Понятно, все папы и дети ходили вместе. А бедные мамы оставались дома готовить еду! Мы взяли большие сани, на которых возят бидоны с молоком из Буллербю в Стурбю на маслобойню. Лассе, Буссе, я, Бритта, Анна и Улле уселись в сани. Мой папа шел рядом, держал вожжи и правил. А папа Бритты и Анны и папа Улле шли сзади, разговаривали и смеялись. А мы сидели в молочных санях и тоже болтали.

В лесу было так много снега, что нам пришлось стряхивать его с веток, чтобы разглядеть, красивые они или нет. Мы срубили три прекрасные елки. Одну для Норргордена, одну для Меллангордена и одну для Сёргордена. И еще одну малень-

кую елочку для дедушкиной комнаты, а потом такую же для Кристин из Лёвнесета.

Вечером накануне сочельника я расстроилась. Я не верила, что мама с Агдой успеют все приготовить к Рождеству. В кухне был ужасный беспорядок. Я даже немножко поплакала.

Утром накануне Рождества я проснулась рано и побежала в кухню в одной рубашке. Ой, до чего же там было красиво! На полу лежали новые коврики, железные шесты возле печи были увиты красной, зеленой и белой шелковистой бумагой. А на большом раздвижном столе лежала рождественская скатерть. Вся медная посуда была до блеска начищена. Я так обрадовалась, что стала обнимать маму. Потом прибежали Буссе и Лассе. Увидев новые коврики, Лассе сказал, что он животом чувствует, как приближается Рождество.

Перед Рождеством мы, дети, всегда идем к Кристин из Лёвнесета с корзинкой, полной всяких лакомств. Но сначала мы пошли к дедушке, ну к дедушке Бритты и Анны, пожелали ему веселого Рождества и поглядели, как Бритта и Анна украшают ему маленькую елку.

Нам тоже каждый раз хочется помочь украсить его елочку, хотя Бритта и Анна любят делать это сами. Дедушка почти слепой и не видит, что мы вешаем на елку. Но мы рассказываем ему, что делаем. И дедушка говорит, будто он это видит в своих мыслях.

Когда мы шли в Лёвнесет к Кристин, погода была прекрасная. Какая и должна быть в рождественский вечер. К домику Кристин ведет такая

узенькая дорожка, что ее даже трудно разглядеть в снегу. Лассе нес корзинку, а Буссе и Улле — елочку. Мы с Бриттой и Анной ничего не несли. Ах, как удивилась Кристин, увидев нас! Правда, она, наверно, просто сделала вид, будто удивилась. Ведь знает же, что мы приходим к ней каждый год. Лассе выложил на стол все, что лежало в корзинке. А Кристин покачивала головой и повторяла:

— Ой, ой, ой! Как много всего! Даже слишком много!

Мне не казалось, что это слишком много. Но все же в корзинке у нас оказалось довольно много всего. Большой кусок окорока, круг колбасы, головка рождественского сыра, кофе, печенье с корицей, свечи, конфеты — я даже всего не помню. Мы украсили елку Кристин свечами, потанцевали немного вокруг елочки, чтобы малость потренироваться перед вечером. Кристин была нам очень рада. Когда мы уходили, она стояла в дверях и махала нам.

Мы вернулись домой и стали украшать свою елку, Лассе, Буссе и я. Нам помогал папа. У нас на чердаке лежали красные яблоки, которые мы припасли для рождественской елки. Мы повесили на ветки печенье, которое сами испекли. И еще корзиночки, которые сплели у бабушки. Мы положили в них изюм и орехи. И ватных ангелочков, которых наша мама вешала на елку, когда была маленькая, мы тоже повесили на елку. И еще, конечно, много флажков, свечей и конфет. Ах, какая красивая получилась у нас елка, когда мы ее украсили!

Потом пришла пора макать хлеб в котелок с ветчинным отваром, а после ничего больше не оставалось, кроме как ждать! Лассе сказал, что вот от такого-то ожидания люди становятся седыми. Мы всё ждали и ждали, а иногда подходили к зеркалу поглядеть, не поседели ли мы и вправду. Однако мы оставались такими же белобрысыми. Буссе то и дело постукивал по стенным часам, думая, что они остановились.

Наконец стемнело и настала пора идти с рождественскими подарками в Норргорден и Сёргорден. Это можно делать только в темноте, а при свете неинтересно. Лассе, Буссе и я надели красные колпачки гномов. Лассе прихватил с собой и маску гнома, чтобы надеть ее позже. Теперь у нас Лассе наряжается гномом. Когда я была маленькая, то верила, что гномы в самом деле бывают, а теперь не верю. Потом мы взяли пакеты с подарками и шмыгнули в темноту. Ах, как много звезд было на небе! Я поглядела в сторону леса и подумала: «А может быть, там все-таки живет настоящий гном. Вдруг он придет к нам и притащит санки, полные рождественских подарков?» Я почти что желала, чтобы это случилось.

В прихожей перед кухней Норргордена было совсем темно. Мы постучали в дверь, потом отворили ее и побросали в кухню пакеты с подарками. Тут выбежали Бритта и Анна и пригласили нас попробовать их рождественское печенье и тянучки. Мы попробовали. И тоже получили рождественские подарки. Потом Бритта с Анной надели маски гномов, и мы все пошли к Улле в Сёргор-

ден. Улле сидел на кухне и ждал нас. Увидев вдруг целых пять гномов, Свип залаял изо всех сил. Улле тоже надел маску гнома. И мы все вместе помчались во двор и стали играть, будто мы и в самом деле настоящие гномы и приносим людям рождественские подарки.

Но вот пришел наконец рождественский вечер, и мы сели за праздничный стол у нас в кухне. На столе горели свечи и было очень много всякой еды. Но я ела почти только одну ветчину. Ну и рождественскую кашу, ясное дело. Но миндалинка мне все же не попала. У нас в Меллангордене есть работник. Его зовут Оскар. Ему очень нравится Агда, наша горничная. Тот, кому попадет в каше миндалинка, точно женится или выйдет замуж на следующий год. И подумать только, миндалинка разломалась на две половинки. Одна половинка досталась Оскару, другая Агде! Ну и смеялись же мы — Лас-се, Буссе и я! Агда рассердилась и сказала, что все это проделки ребятишек. Но мы тут были ни при чем. Миндалинка сама развалилась пополам.

Мы стали придумывать про это стишок. У Лас-се получилось вот так:

Миндалинка развалилась,
Оскар с Агдой поженились.

Здорово он сочинил! Но Агде его стишок не понравился. Правда, потом она повеселела. Это когда мы помогли ей вытирать посуду, чтобы поскорее начали раздавать рождественские подарки.

Потом все мы усадились в зале. На елке и на столе горели свечи. У меня по коже побежали му-

рашки. Они у меня всегда бегут, когда всё так красиво и очень ждешь чего-то интересного. Папа прочитал в Библии про младенца Христа. А я прочитала одно красивое стихотворение, которое начинается так:

Родился в яслях на соломе
Младенец неземной красоты.

Дальше в стихотворении говорится, что младенцу Иисусу нужно было бы подарить торт и много-много рождественских подарков. Я тоже так думаю. А вместо него рождественские подарки получили мы.

Пока все пели «Вот и пришло рождественское утро», Лассе потихоньку шмыгнул из комнаты и вернулся в наряде гнома с большим мешком на спине.

— Есть тут у вас хорошие дети? — спросил он.

— Да, есть, — ответил Буссе. — Целых двое. А еще у нас есть один озорник, его зовут Лассе. Только сейчас он куда-то вышел.

— Слышал, слышал я о нем, — ответил гном. — Это самый хороший мальчик у вас в стране. Ему достанется подарков больше, чем всем.

Но ему досталось столько же подарков, сколько нам. Я получила новую куклу, три книжки, занятную игру, материю на платье и много всякого другого. Всего пятнадцать подарков. Для мамы я вышила крестом скатерть. Она очень обрадовалась. А папе я купила календарь. Он тоже был рад. Мне нравится, когда люди радуются моим подаркам. Это так же приятно, как самой получать по-

дарки. Буссе и Лассе я подарила оловянных солдатиков.

Потом мы танцевали вокруг елки. И к нам пришли в гости все из Норргордена и Сёргордена. Дедушка тоже пришел, хотя танцевать он не может. Мне кажется, мы танцевали «Вот снова Рождество» и «Жни, жни овес» раз двадцать.

Перед сном я разложила свои подарки у себя на столике, чтобы сразу их увидеть, когда проснусь.

До чего же весело праздновать Рождество! Как жаль, что оно бывает только раз в году, а не чаще!

Мы катаемся на санках

Буллербю стоит на холме, и, когда мы идем в Стурбю, в свою школу или в магазин, приходится почти всё время спускаться под гору. А когда возвращаемся домой, надо, наоборот, подниматься. Лассе говорит, что когда он вырастет и станет инженером «крути-верти, вверх тормашками поворачивай», то изобретет горушку, которая будет поворачивать куда хочешь. И тогда мы всегда будем ходить под гору.

Зато на этих горушках от Буллербю до Стурбю мирово кататься на санках. Мы катаемся там все рождественские каникулы.

Нынче, на другой день после Рождества, когда мы уже успели прочитать все рождественские книжки и съели всё печенье с корицей, Лассе достал большие дровяные сани. И все ребята из Бул-

лербю отправились кататься с горок. А правил санками Лассе.

— Эй, там, под горой, берегись! — орали мы изо всех сил.

Хотя кричать было вовсе ни к чему, потому что по этим горкам почти никто никогда не ходит. Но нам было так приятно кричать. Санки мчались всю, только ветер свистел в ушах, зато потом было тяжело таскать санки обратно в гору к Булмербю. И Лассе всё время болтал про вертящуюся горوشку, которую он сделает, когда вырастет.

— А ты сейчас не можешь ее изобрести? — спросил Бусе.

Лассе объяснил, что на вертящуюся гору пойдет столько динамита, колес и гаек, что делать ее придется целых десять лет. А так долго нам ждать было ни к чему. Когда мы наконец затянули санки на гору и собрались снова усесться на них возле нашего хлева, оттуда вышли наш папа, папа Улле и папа Бритты и Анны. И наш папа сказал:

— Послушайте-ка, ребятишки! Дайте нам разок прокатиться!

И он уселся на санки. Дядя Эрик и дядя Нильс тоже сели, и санки помчались с горы. Мы стояли и ждали их. А когда они привезли санки назад, то захотели прокатиться еще раз. Им понравилось кататься. Подумать только, взрослые, а дурачатся, как дети.

Но тогда мы вывезли сани дровяные из Норргордена и покатали вслед за папами. А когда мы проехали половину первой горوشки, то увидели, что они лежат в сугробе и хохочут на весь лес.

— Не мог бы ты править половчее, Эрик? — сказал папа.

Их было никак не оторвать от саней, они всё катались и катались, пока мама Бритты и Анны не вышла и не сказала дяде Эрику, чтобы он шел домой и нарубил дров.

— Надо же, не дают хоть немного поразвлечься! — засмеялся дядя Эрик.

Мы остались одни и стали кататься наперегонки. Бритта, Анна и я взяли норргорденские санки, а Лассе, Буссе и Улле — меллангорденские. Мы придумали, будто это корабли викингов, плывущие в море. Лассе назвал санки мальчиков «Урмен Лонге»¹. А нашему кораблю мы дали имя «Русенгуль»², хотя Лассе сказал, что это дурацкое название для корабля викингов.

— Ну и пусть, а зато оно красивое, — ответили мы.

Раз уж мы придумали это название, не станем же мы его менять потому, что Лассе считает его дурацким.

Кататься наперегонки было здорово. «Урмен Лонге» и «Русенгуль» шли всё время рядом. Мальчики всё время кричали:

«Русенгуль» перевернулся,
Носом в землю он воткнулся.

Но воткнулся носом как раз «Урмен Лонге». Он влетел в сугроб, выбрался из него, но наткнулся на сосну у подножия другой горюшки.

¹ Длинный змей (шв.).

² Золотая роза (шв.).

— С задавалами так всегда бывает! — сказала после Бритта Лассе.

Но Буссе ударился головой о корень дерева, и на лбу у него выросла большая шишка. И мы не стали больше кататься. К тому же уже стемнело и мы проголодались. Поэтому пошли домой.

Мы встречаем Новый год

Утром, накануне Нового года, когда я сидела в кухне и ела кашу, пришли Бритта с Анной. Вид у них был такой взволнованный!

— Лиса, ты будешь с нами встречать Новый год? — спросила Бритта.

— Ой, как мне хочется! — ответила я, решив, что это предложение очень интересное.

Но сначала я должна была спросить маму, можно ли мне не ложиться спать до двенадцати ночи и ждать, когда придет Новый год. Мама разрешила. И мы сразу решили встречать Новый год у меня в комнате. Мама обещала дать нам на праздник яблоки, орехи и можжевельный напиток.

Тут пришли Буссе и Лассе, и я сказала им:

— Бритта, Анна и я будем сегодня встречать Новый год!

— Подумаешь! — ответил Лассе. — Буссе, Улле и я уже давно решили это делать!

Но я-то точно уверена: он сказал это только потому, что узнал про нашу задумку.

Мы побежали к дедушке и спросили его, не хочет ли он встречать Новый год с нами. Но де-

душка ответил, что ему теперь по вечерам сильно хочется спать. Дедушка такой добрый, такой добрый! Он подошел к своему шкафу, достал оттуда много маленьких комочков свинца.

— Вот вам, будете растапливать свинец, как положено под Новый год, — сказал он.

Дедушка рассказал нам, как гадают в новогоднюю ночь. Нужно растопить свинец, вылить его в холодную воду и поглядеть, что получится. Если растопленный свинец будет, например, похож на монету, значит, у тебя будет много денег в новом году. Мы одолжили у него маленький ковшечек, в котором мальчишки растапливают олово для оловянных солдатиков.

Мальчикам мы не сказали, что дедушка дал нам свинец.

Ах, какой веселый был этот вечер! Я хорошенько убралась в своей комнате, выколотила на дворе коврики, вытерла пыль, поставила на стол вазу с апельсинами, кувшин с можжевелевым морсом и еще вазу с орехами. Когда пришли Анна с Бриттой, я уже зажгла свечи, и они горели так красиво! И печку я затопила.

— Люблю я встречать Новый год! — сказала Анна.

Буссе, Лассе и Улле встречали Новый год не у себя в комнате. Их комнату и мою разделяет большой темный чердак. Только мы сели за стол, чтобы ждать, когда придет Новый год, как на чердаке послышались тихие, осторожные шаги. Чуть погодя там раздался страшный грохот. Но мы сделали вид, будто ничего не замечаем. Ведь нам стало

ясно, что это мальчишки хотят выманить нас на чердак. А как хлопает русская хлопушка Лассе, мы слышали и раньше.

Но когда все затихло, нам стало любопытно. Мы приотворили дверь и выглянули. На чердаке было совсем тихо и темно. Тогда мы решили прокрасться по чердаку и поглядеть в замочную скважину, что делают мальчишки.

— Я ничего не вижу, — сказала Бритта. — Их там нет.

— Я не удивлюсь, если они легли в постель и заснули! — воскликнула Анна.

— И это так они встречают Новый год! — засмеялась я. — Пошли возьмем одну из хлопушек Лассе и разбудим их.

— Бум! — раздалось у нас за спиной.

Мы даже подпрыгнули от страха.

— Эти паршивцы спрятались на чердаке! — крикнула Анна.

Я побежала за своим карманным фонариком и стала светить во все углы, за старыми ящиками и вешалками с одеждой. Но мальчишек нигде не было.

— Ну и ну! — удивилась Бритта. — Что за чудеса!

— Бум! — снова прогремело где-то совсем рядом, у нас за спиной.

Это опять грохнула русская хлопушка. Но мы уже подумали было, что здесь хозяйничает привидение.

— Ну, погодите! — рассердилась Бритта. — Стоит мне только поймать Лассе, я ему так задам, что век будет помнить!

— Давай попробуй! Задай мне! — слышался голос Лассе у нас над головой.

На балке под потолком стояли как ни в чем не бывало Лассе, Буссе и Улле. Ну и разозлились же мы!

— Ну и как проходит ваша дохлая новогодняя вечеринка? — спросил Лассе.

— Отлично, спасибочки! Мы будем топить свинец и узнаем, что нас ждет в новом году.

И тут им стало завидно. Они пошли с нами в мою комнату. А когда увидели, как у меня красиво — свечи горят и дрова трещат в печке, — то решили встречать Новый год вместе с нами. Буссе побежал и принес яблоки, орехи и можжевельный морс.

Потом мы топили в ковшичке свинец на огне в печке и выливали его в миску с водой. Сначала растопил Лассе. Когда его свинец остыл, Лассе взял его и хорошенько разглядел:

— Похоже, что я стану королем. Ведь это королевская корона.

— Ха-ха! — засмеялась Анна. — Никакая это не корона, а книга. Это значит, что в новом году ты будешь учиться в школе.

А мой свинец выглядел совсем странно.

— Это что-то похожее на велосипед, — сказал Улле. Я обрадовалась — ведь мне давно хотелось получить велосипед.

Когда мы растопили весь свинец, то уселись на пол перед печкой и стали рассказывать сказки. Лучше всех, по-моему, рассказывает Бритта. Мы съели целую гору яблок и орехов и запили их

можжевеловым морсом. А после мы стали играть в считалку на орехи, мы называем это «орешничать». Как играть в эту игру, я сейчас расскажу.

Сначала Бритта сказала:

— Дым валит!

А Анна ответила:

— Бегу на крышу.

Тогда Бритта спросила:

— Сколько мальчиков с собой возьмешь?

— Пятерых.

И раз у Бритты было в кулаке пять орехов, Анна выиграла. Мы выдумывали и другие игры, но лучше всех играла и больше всех выигрывала Анна. Под конец у нее оказалось вдвое больше орехов, чем у каждого из нас.

Но вот Буссе стал без конца зевать. Потом он сказал, что ляжет на мою кровать и будет ждать Новый год лежа. Так он и сделал. Но минуты через две он уснул. Мама и папа поднялись к нам и пожелали спокойной ночи. Они не собирались сидеть до полуночи.

Мы спросили Лассе, который час.

— Половина одиннадцатого, — ответил он.

Новогодняя ночь, по-моему, длиннее всех ночей. Я думала, что двенадцати часов мы так и не дождемся. Но наконец Новый год все-таки наступил. Я попыталась разбудить Буссе, но никак не смогла. Мы погасили свет и встали у окна, чтобы увидеть, как подъедет Новый год. Но ничего не увидели. Потом мы выпили можжевелового морса и стали кричать:

— С Новым годом! Да здравствует Новый год!

Мы решили, что всегда будем встречать Новый год, ведь это так весело.

Но потом я уже не хотела ничего, только лечь спать. А на моей кровати спал Буссе. Мы взяли его за руки и за ноги и плюхнули на его кровать. А он так и не проснулся. Лассе снял с него одежду и надел ночную рубашку. А потом взял и привязал ему в волосы мой бант.

— Пусть увидит завтра утром, как весело он встречал Новый год!

Мы едем в гости к тете Йенни

Самым интересным из всех рождественских каникул была поездка к тете Йенни. Тетя Йенни живет в усадьбе далеко от нас, за Стурбю. В первое воскресенье после Рождества она пригласила к себе в гости всех нас из Буллербю. Чтобы попасть туда, нам пришлось ехать на санях много часов.

Мама разбудила нас рано и навьючила на нас целую кучу кофт, свитеров и шарфов. Я думала, что задохнусь, прежде чем попаду в гости на праздничный обед. А мама хотела мне повязать на голову еще одну шаль. Тогда я сказала ей:

— Если ты хочешь, чтобы я явилась к тете Йенни чучелом, я лучше останусь дома.

Мы ехали в наших плетеных санях. Папа сидел за кучера и правил. На ногах у него для тепла были большие соломенные боты. Наши сани ехали первыми, за нами шли сёргорденские сани, а последними — норргорденские. Ах, как красиво зве-

нели колокольчики! Нам было так весело, что хотелось петь всю дорогу, но мама велела нам замолчать, чтобы мы не наглотались холодного воздуха. Но мы то и дело что-то кричали Улле, который сидел в санях позади нас. А он передавал наши слова Бритте и Анне.

— Если нас будут угощать селедочным салатом, я уеду домой! — крикнул Лассе.

— И я тоже! — ответил Улле.

Потом он стал объяснять Бритте и Анне, о чем мы говорили. Чуть погодя Улле крикнул нам, что Бритта и Анна тоже поедут домой, если им дадут селедочный салат.

Но мы не поехали домой, хотя нас угостили селедочным салатом. Потому что нам дали еще тысячу других блюд. И нам не обязательно было есть селедочный салат.

У тети Йенни три свои девочки, и она пригласила еще много других детей на праздничный обед. После обеда мы все время играли в зале на втором этаже. Под конец нам ужасно надоело есть. Но только мы разыгрались, как пришла тетя и велела нам снова садиться за стол. Взрослые в гостях только и знают, что едят.

Старшую дочку тети Йенни зовут Нанна. Понарошку Нанна была ведьмой и жила в гардеробной возле зала. Мы делали вид, будто гардеробная — это ее дом, а зал — это большой лес. Только мы пошли в лес и стали собирать ягоды, как ведьма выбежала из своего дома и поймала нас. Ух, до чего я испугалась! Хотя я и знала, что это Нанна, но испугалась, как будто это была настоящая ведь-

ма. В гардеробной стоял большой ящик. Понарошку это была ведьмина печь. Она собиралась зажарить в ней Лассе. Но в последнюю минуту он от ведьмы убежал.

— И все же я немножко подгорел! — сказал Лассе.

Несколько раз ведьма выбегала и кричала:

— Замрите! Я вас превратила в камни!

И мы должны были замереть и стоять как вкопанные. Один раз, когда ведьма крикнула: «Замрите!» — Лассе замер ужасно смешно. Он стоял на одной ноге, высунув язык, скосив глаза, и держался руками за уши.

Он должен был стоять не шевелясь, с дурацким видом, пока ведьма не сняла с него заклятие. Ох, и смеялись же мы над ним!

У дочек тети Йенни был красивый кукольный дом, который стоял в углу зала. Мы с Анной то и дело разглядывали его. В нем были кухня и столовая, спальня и гостиная. И там жила красивая кукольная семья. Нанна сказала, что это граф и графиня Юлленмуркла. И у них была красивая маленькая дочка, которая сидела на стуле в гостиной. Ее звали Исабелла Юлленмуркла.

Когда взрослые наконец наелись, они пришли к нам, и мы стали играть вместе. Мы играли в слепого козла¹. Слепым козлом был папа Улле. Ему завязали глаза большим клетчатым платком. Мы бегали, дергали его за пиджак, а сами старались увернуться. Потом мы стали играть

¹ То есть в жмурки.

в фанты. Я отдала свой фант — свое маленькое золотое сердечко. Когда мы выкупали фанты, мне пришлось три раза кувырнуться. Я кувырнулась и получила назад свое сердечко. Улле заставили крикнуть в печку три раза имя своей любимой. И, подумать только, он крикнул: «Лиса!»; Лассе засмеялся, а мне стало ужасно стыдно. Но Улле посмотрел на меня с насмешкой и сказал:

— Я сказал про свою маму. Ведь ее тоже зовут Лиса.

Папе было велено скакать по-сорочьи по всему залу. Ну и хохотали же мы над ним! Я никогда еще не видела, чтобы папа так смешно скакал! Но смешнее всего было то, что заставили делать тетю Йенни. Ей велели влезть на стол и, стоя на одной ноге, петь по-петушиному. Но она не захотела.

— Ну уж нет! — ответила она. — Стол не выдержит меня, толстую и старую!

Может, она и правду сказала. Ведь тетя Йенни весит, поди, сто кило.

Мы играли долго, ведь это очень интересная игра! Но мы с Анной все-таки то и дело потихоньку убегали от них и подкрадывались к кукольному домику, чтобы поглядеть на Исабеллу Юлленмурклу.

А еще самое интересное у тети Йенни было то, что мы все вместе остались у нее ночевать. Я люблю спать в незнакомом месте. Все кажется таким новым и необыкновенным. И пахнет все не так, как дома. Нас в гостях у тети Йенни оказалось четырнадцать детей! И постель нам всем постелили в зале на полу. Вот здорово — спать на полу! Нам дали соломенные матрацы без простыней и

одеяла без пододеяльников. Когда мы улеглись, взрослые пришли посмотреть на нас.

— Вот здесь лежит молодая Швеция, метр за метром, — сказал папа.

Когда они ушли, мы должны были заснуть. Но заставить четырнадцать ребятишек замолчать было невозможно. Нанна рассказывала нам про большое сокровище, которое один рыцарь зарыл совсем неподалеку. Лассе собирался отправиться и выкопать его этой же ночью. Но Нанна объяснила, что найти его никто не сможет, потому что оно заколдовано. И тут я уснула.

Мы поехали домой только на следующий день к вечеру. Мы еще не приехали в Буллербю, как стало совсем темно. По дороге домой мы не перекликались, потому что очень устали. Я лежала в санях на спине и смотрела на звезды. Их было так много, так много... И все они были очень далеко от нас. Я закуталась поплотнее в меховое одеяло и спела потихоньку, так чтобы Лиссе и Буссе не слышали:

Ярче, звездочка, свети,
Помоги тебя найти...

Я хочу, чтобы на будущий год мы опять поехали бы к тете Йенни на рождественский праздник.

Лассе проваливается в озеро

Если пробежать по коровьему выгону Норргордена, попадешь на берег маленького озера. Зимой мы катаемся по нему на коньках. Нынешней зимой

на нем такой гладкий, блестящий лед! Однажды мама запретила нам ходить на озеро, потому что папа и дядя Эрик сделали во льду большую прорубь. Они взяли оттуда лед для нашего ледника. Но я ответила маме:

— Мы же увидим можжевельники, которые они посадили вокруг проруби!

И нам позволили идти туда.

Иногда наш Лассе бывает какой-то дурной. Это когда он начинает задаваться. Так было и на этот раз. Он стал кататься возле самой проруби.

— Дорогу великому конькобежцу из Буллербю! — крикнул он и свернул от проруби только в последнюю секунду.

— Да ты просто спятил, Лассе! — сказал Улле.

Мы все стали ругать Лассе, но это не помогло. Он начал колесить вокруг проруби, выделявая разные фигуры. Даже катался задом наперед.

— Дорогу славному конькобежцу из Буллербю! — снова крикнул он и в ту же секунду плюхнулся спиной в прорубь.

Мы закричали, а громче всех кричал сам Лассе. Мы ужасно испугались, думая, что Лассе утонет. Потом мы легли на лед цепочкой, держа друг друга за ноги. Буссе лег у самого края проруби, и мы крепко-крепко держали его. Буссе вытащил Лассе из проруби, и мы со всех ног помчались домой. Лассе чуть ли не плакал.

— Подумай только, вдруг бы ты вернулся домой утонутым! — сказал Буссе.

— Дурак ты, дурак, — огрызнулся Лассе. — Про утопленников так не говорят.

Но вообще-то он был благодарен Буссе за то, что тот его вытащил. После обеда он подарил ему целую кучу оловянных солдатиков.

Мама сильно рассердилась на Лассе за то, что он свалился в прорубь. Она уложила его в постель и напоила горячим молоком, чтобы он согрелся. И велела ему лежать много часов.

— Лежи и думай о своих проказах, — сказала мама.

Тогда-то он и отдал Буссе своих оловянных солдатиков.

Но вечером мы стали строить в саду снежную крепость, а после играли в войну снежками. И Лассе, ясное дело, тоже играл с нами. У нас с Бриттой и Анной была своя крепость, а у мальчишек своя. Снежки у мальчишек были такие твердые и били очень больно. Я считаю, что это несправедливо. Они примчались к нашей крепости с целыми охапками снежков, и Лассе закричал:

— Вперед к победе! Берегитесь! Идет Гроза Севера!

А Бритта подковырнула его:

— Неужели? А мы-то думали, что это Великий Конькобежец из Буллербю!

И Лассе пришлось заткнуться.

Но мальчишки все-таки атаковали нашу крепость и взяли нас в плен. Они велели нам лепить для них снежки до самого вечера, если мы хотим остаться в живых.

— А на что вам столько снежков? — спросила Анна.

— Сбережем их до лета, ведь тогда их будет негде взять, — ответил Лассе.

— А не лучше ли тебе опять вернуться в озеро? — засмеялась Анна.

Тут мы с Бриттой и Анной пошли в хлев, потому что очень замерзли. А в хлеву было тепло и уютно. Мы стали играть в чехарду. Скоро и мальчишки пришли.

Коровы таращили на нас глаза. Я думаю, коровы не понимают, зачем это дети играют в чехарду. А вообще-то и я не понимаю, зачем это нужно. Просто весело.

Тут пришел папа и не велел нам больше устраивать свалку. Он сказал, что у одной коровы сейчас будет маленький теленок. И поэтому шуметь здесь нельзя. Эту корову зовут Лотта. Мы остались поглядеть. Папа помог теленку родиться. Это был маленький бычок, очень хорошенький. Лотта облизала его, она была очень довольна. Папа попросил нас придумать теленку имя.

— Гроза Севера, — предложил Лассе.

Ничего другого, кроме своей «Грозы Севера», он выдумать не мог. Глупое имя! Оно вовсе не подходит для маленького хорошенького теленочка!

— Может, он станет злым, опасным быком, когда вырастет, — сказал Лассе.

Улле предложил назвать теленка Петтером, и папе это имя понравилось.

— Тогда пусть его хотя бы зовут Петтер Севера, — высунулся Лассе.

Потом мы побежали к бабушке и рассказали ему, что у Лотты родился теленок.

Но тут уже настало время ложиться спать. Когда Буссе, Лассе и я стояли на чердаке и я уже собралась идти в свою комнату, Лассе сказал:

— Ха-ха-ха! Все-таки повезло мне, что я не утонутый!

— Знаешь что, нырни-ка ты лучше в озеро! — ответил Буссе.

Мы идем в школу и подшучиваем над Фрёкен

Когда рождественские каникулы кончились, дорога по-прежнему была хорошо укатана, и мы могли ездить в школу на финских санях. У нас было трое финских саней. Иногда мы их сцепляем вместе, и получаютсЯ одни санки, длинные-предлинные, с несколькими сиденьями.

Фрёкен сказала, что она рада снова видеть нас. Я тоже была ей рада. Она такая хорошая. В первый день учебы она угостила всех детей конфетами. Эти конфеты она купила на рождественских каникулах в Стокгольме. Я первый раз ела конфеты, купленные в Стокгольме.

Я была также рада увидеть всех ребят из Стурбю. На переменках мы обмениваемся книжными закладками. Но только не с мальчишками, ясное дело. У нас в классе есть девочка, которую зовут Анна Грета. У нее очень много книжных закладок. На первой переменке после каникул мы с ней поменялись. Я дала ей корзину с цветами и гнома, а она мне принцессу. Это была, пожалуй,

самая красивая закладка. Так что я хорошо поменялась.

Мальчики на переменках почти все время играют в снежки. Весной они играют в шарики. А мы играем в классы. Когда мальчишки больше ничего не могут придумать, они начинают драться. А во время уроков они то и дело шалят и зимой, и весной. Фрёкен говорит, что у мальчиков просто пальцы чешутся и они не могут не проказничать. Я считаю, что сильнее всего пальцы чешутся у Лассе. Угадайте, что он сделал однажды? Буссе подарил ему на Рождество маленького смешного поросенка. Поросенок был резиновый, которого можно надувать. А когда выпускаешь воздух, он громко пищит. И в один день Лассе взял поросенка с собой в школу. Он учится не в одном классе со мной. Но из-за того, что у нас в школе всего двадцать три ученика, мы все сидим в одном школьном зале. У нас всего один зал. И только одна фрёкен. Поэтому я знаю про случай с поросенком.

В нашем классе был урок чтения. Это мой самый любимый предмет. И как раз была моя очередь читать про Густава Васу¹.

«Тогда король ударился в слезы», — прочитала я. И только я это сказала, как послышался ужасно печальный писк. Можно было подумать, что это пищал Густав Васа. Но это пищал не Густав Васа, а поросенок, который стоял в парте Лассе. Лассе сунул руку в парту, вытащил пробку из

¹ Шведский король Густав Васа Эрикссон (1496—1560).

попки поросенка, и воздух стал выходить. Все дети захихикали. Похоже было, что фрёкен вот-вот тоже засмеется. Но она не засмеялась. Лассе пришлось стоять в углу целый час. И поросенку тоже.

Но безобразничает не один Лассе. Все мальчишки почти что одинаковые. Один раз фрёкен нужно было идти на собрание. Она велела, чтобы мы сидели одни, считали и рисовали. А Бритту она попросила, чтобы та сидела вместо нее. Потому что Бритта примерная ученица.

Но только фрёкен вышла за дверь, как мальчишки подняли шум.

— Фрёкен! Фрёкен! — кричали они Бритте и поднимали руки.

— Что вам надо? — спросила Бритта.

— Мы хотим выйти! — хором завопили они.

А один мальчишка, его зовут Стиг, крикнул:

— Фрёкен! Фрёкен! Сколько бифштексов получается из одной коровы?

А Буссе спросил:

— Вы не слышали, фрёкен, хороший ли нынче урожай картошки?

— Представьте себе, слышала!

Тогда Буссе добавил:

— Значит, у вас, фрёкен, отличный слух!

Лассе поднял руку и попросил у «фрёкен» разрешения показать ей, что он нарисовал. Потом он подошел к ней со своим альбомом для рисования. Весь альбом был измазан черной краской.

— А что ты здесь нарисовал?

— Пять черных негров в темном шкафу, — ответил Лассе.

Бритте вовсе не нравилось быть учительницей. Она обрадовалась, когда пришла настоящая фрёкен. Фрёкен спросила, хорошо ли вели себя дети.

— Только не мальчишки, — ответила Бритта.

Фрёкен поругала мальчишек и велела им сидеть и считать целый час. И подумать только, во время перемены Стиг подошел к Бритте и сказал: «Ябеда-беда», а после стукнул ее ранцем по голове. Разве это справедливо?

По дороге домой Бритта сказала нам с Анной, что никогда в жизни не будет больше учительницей.

Но мы плелись домой медленно-медленно, чтобы Лассе, Буссе и Улле могли догнать нас. Потому что, если бы они пришли домой на целый час позднее нас, их бы еще и мамы поругали хорошенько. А мы решили, что с них хватит наказания учительницы.

А один день мы в школе хорошо повеселились. Это было первого апреля. Мы тогда обманули фрёкен. Ведь первого апреля нужно обманывать. Ну не то чтобы нужно, но можно. И за это не наказывают.

Обычно мы приходим в школу в восемь утра. Но накануне первого апреля мы договорились, что на другой день придем в школу в шесть часов. В школьном зале на стене висят часы. Когда закончился последний урок, как раз перед тем, как фрёкен запереть зал, Лассе подбежал к часам и подвел время на два часа вперед.

И на другой день мы пришли в школу в шесть утра. Хотя часы на стене показывали восемь. Мы

изо всех сил топали и шумели в прихожей, чтобы фрёкен нас услышала. Ведь она живет в школе на втором этаже. Потом Лассе побежал наверх и постучал к ней в дверь.

— Кто там? — спросила фрёкен сонным голосом.

— Это Лассе. Будут занятия сегодня в школе?

— Ах, дорогое дитя, — ответила фрёкен. — Я проспала. Сейчас приду.

У фрёкен, конечно, есть часы, но она так торопилась, что не взглянула на них.

Она пустила нас в зал, когда часы показывали восемь часов двадцать минут.

— Не понимаю, почему мой будильник не разбудил меня? — сказала фрёкен. — Какая досада!

Ах, как нам трудно было удержаться от смеха! Первым уроком у нас была арифметика. И как раз когда мы старательно считали, наверху, в комнате фрёкен, зазвонил будильник. Потому что на самом деле было только семь часов, хотя школьные часы показывали девять.

— В чем дело? — удивилась фрёкен.

— Первый апрель, никому не верь! — закричали мы хором. — Мы тебя обманем, за уши потянем!

Такое можно говорить фрёкен только первого апреля.

— Ну что за проказники! — засмеялась фрёкен.

После всех уроков по расписанию мы думали, что пора идти домой, хотя был еще только час дня. Но тут фрёкен сказала:

— Первый апрель, никому не верь! Вам обман не будет впредь, посидим еще урок!

Пришлось остаться еще на час. Но мы не пожалели об этом. Потому что фрёкен рассказывала нам разные веселые истории.

— Лассе, погляди-ка, у тебя на заду брюки порваны! Большущая дыра!

Лассе стал вертеть головой, чтобы поглядеть, что там у него за дыра. А Улле засмеялся:

— Первый апрель, никому не верь!

Улле очень обрадовался, что сумел обмануть Лассе. Немного погодя мы повстречали на дороге злого сапожника, который живет на полпути от Буллербю до Стурбю. Улле решил и его обмануть:

— Поглядите-ка, господин Снэлль, вот там в кустах лисица сидит!

Но Снэлль даже не взглянул туда, а только сказал:

— А я вижу, что по дороге идет куча сопляков!

А Лассе засмеялся.

К вечеру, когда мы уже выучили уроки, Лассе побежал в Сёргорден и сказал Улле:

— Улле! В Норргорден пришел старьевщик. Он покупает камни.

— Камни? — удивился Улле, позабыв про первое апреля. — А какие камни?

— Да такие камни, как у нас в саду.

И Улле начал собирать камни в мешок. Набрал целую кучу и потащился с мешком в Норргорден. Там и в самом деле сидел старик. Да только он покупал пустые бутылки и тряпье.

— Вот я вам, дядя, принес еще камней, — сказал Улле с довольным видом и подвинул к нему мешок.

— Камней? — спросил дяденька, ничего не понимая. — Ты сказал камней?

— Ну да, — ответил Улле и просиял еще сильнее. — Булыжники первый сорт! Я сам набрал их в саду.

— Вот как, — усмехнулся дяденька. — Ну, тогда ты и в самом деле рубанул по камню¹, дружок.

И тут Улле вспомнил про первое апреля. Он покраснел как помидор и, не говоря ни слова, потащил камни назад. А Лассе стоял у изгороди и орал на всю округу:

— Первый апрель, никому не верь!

Пасха в Буллербю

А теперь я расскажу, как мы празднуем Пасху в Буллербю.

Рано утром на страстной неделе Бритта с Анной пришли ко мне, чтобы сделать «страстные объявления», которые незаметно прикрепляют людям на спину булавкой. Мы нарезали много бумажек и нарисовали на них смешные фигурки. Потом мы написали на них: «Злой орангутанг», «Берегись, злая собака» и тому подобное. В комнате у Буссе и Лассе стоял ужасный шум. Мальчишки тоже писали «страстные объявления». Им помогал Улле.

Мы написали целую кучу объявлений, рассовали их по карманам и пошли спросить мальчиков,

¹ У шведов «ударить топором по камню» означает «оплошать», «промахнуться», «сделать глупость».

не хотят ли они поиграть с нами во дворе. А придумали мы это только для того, чтобы прицепить им объявления.

Мы помчались на норргорденскую лесопильню, стали карабкаться на доски и бегать по ним, стараясь прицепить друг другу объявление. Каждый боялся повернуться к другому спиной. Тут из дому вышла Агда, наша горничная. Она позвала нас завтракать. Лассе тут же спрыгнул с досок, догнал Агду и пошел рядом с ней, болтая всякую ерунду. Агда и не заметила, как он прицепил ей на спину листок бумаги, на котором было написано: «Ах, как я люблю тебя, Оскар!» Оскар — это наш работник. Когда он пришел завтракать, Агда ходила туда-сюда по кухне, а на спине у нее было написано: «Ах, как я люблю тебя, Оскар!» Оскар ударил себя по коленям и со смехом сказал:

— Вот и славно, милая Агда, вот это здорово!

А Лассе, Буссе и я захохотали во все горло. Тогда Агда вспомнила про объявления, пошарила рукой по спине, сорвала бумажку и бросила ее в печь. Она тоже засмеялась.

Мы поели, и я ухитрилась прицепить бумажку к куртке Лассе, которая висела на стуле. Он снял куртку и ничего не заметил. И когда мы вернулись на лесопильню, Лассе вскарабкался на доски. А на спине у него красовалась бумажка с надписью: «Какая жалость, что я такой балбес!» Вот уж мы посмеялись над ним! Ведь Лассе говорил, что никому не даст прицепить на себя объявление!

В страстной четверг мы, девочки, нарядились в пасхальных ведъм, и мальчишки тоже. Я наде-

ла клетчатый платок Агды, полосатый передник и длинную черную юбку. И взяла кочергу, чтобы ездить на ней. А Лассе взял из хлева большую метлу. Я помчалась на кочерге в Норргорден и отдала пасхальное письмо Анне и Бритте. В письме я написала: «Веселой Пасхи желает вам старая ведьма, которая собирается отправиться на Блокуллу¹».

Папа в это время сжигал сухие листья у нас в саду. И все пасхальные ведьмы принялись бегать там, прыгать через кучи тлевших листьев, делая вид, будто это Блокулла. В саду пахло настоящей весной, это потому, что жгли листья. Мы с Анной договорились пойти поглядеть, не проглянули ли голубые подснежники на нашем секретном месте за прачечной.

В пасхальный вечер мама с папой собирались поехать в гости к пастору в Стурбю. А Лассе, Буссе и мне было позволено пригласить Улле, Бритту и Анну на яичный пир. У нашей мамы ведь есть птичник, и потому у нас много яиц. Буссе думает, что почти все яйца несет Альбертина. Альбертина — это собственная курица Буссе.

— Ты, ясное дело, думаешь, что Альбертина может выстреливать яйца, как пулемет, — сказал Лассе своему брату.

Мы ели в кухне. На столе, покрытом голубой скатертью, стояли желтые пасхальные тарелки и ваза с березовыми веточками. Лассе, Буссе и я подкрасили яйца в красный, желтый и зеле-

¹ В шведских народных преданиях гора, где собираются ведьмы.

ный цвет. По-моему, яйца надо красить круглый год, ведь это так красиво! На яйцах мы написали стишки. На одном яйце было написано: «Яйцо для Анны вместо каши манной». Это сочинил Лассе. Но Буссе сказал, что это глупый стишок.

— Ведь никто и не собирался дарить им манную кашу.

— Никто не знает, вместо чего мы дарим эти яйца, — ответил Лассе. — Ты думаешь, стишок будет лучше, если сказать: «Яйцо для Анны вместо сметаны»?

Буссе ответил, что это тоже плохо. Но исправить стишок мы во всяком случае не успели, потому что пришли Бритта, Анна и Улле. Мы уселись за стол и принялись есть. Нам было очень весело. Мы соревновались, кто съест больше. Я смогла съесть только три яйца, а Улле слопал шесть.

— Альбертина — хорошая курица, — заявил Буссе, когда мы наелись.

Потом мы стали искать пасхальные яйца с конфетами, которые мама купила нам заранее. Лассе, Буссе и мне каждый год дарят на Пасху по большому яйцу, в котором много-много конфет. А в этом году мама сказала, что если мы согласны, чтобы нам подарили яйца чуть поменьше, то она купит по яйцу Бритте, Анне и Улле. И это будет для них пасхальным сюрпризом, когда они придут к нам есть яйца. Мы, понятно, согласились. Мама запрятала эти сюрпризы очень хитро. Мое лежало в шкафу, где у нас стоят кастрюли. Оно было серебряное с маленькими цветочками. Ах, какое

оно было красивое! Внутри лежали марципановый цыпленок и много конфет.

Нам разрешили лечь спать когда захотим, ведь это был пасхальный вечер. Агда пошла гулять с Оскаром, и мы были одни во всем доме. Мы погасили везде свет и играли в прятки впотьмах. У нас есть своя считалочка, и мы стали считать: «Эппель-пэппель-пирум-парум». Первому водить выпало Буссе. Ой, до чего хорошее место я нашла! Я спряталась в зале у окна за шторой. Буссе прокрадывался мимо несколько раз, совсем рядом, но не заметил меня. Но самое лучшее место нашла Бритта. В прихожей стояли папины резиновые сапоги, а над ними висел большой плащ, в котором он возит молоко по утрам. Бритта вошла в сапоги и закрылась плащом. Под конец мы зажгли свет, стали везде искать ее, кричали: «Выходи!» — но она стояла тихо, как мышка. Как мы ни искали, найти ее не могли. Папины сапоги и плащ казались такими же, как всегда. Откуда нам было знать, что Бритта там прячется!

— Может, она умерла? — испуганно сказал Улле.

И тут в плаще кто-то захихикал, а после из-под него вылезла Бритта в папиных сапогах. Она хотела, чтобы мы стали играть в кота в сапогах. Но Анна позвала нас к дедушке, чтобы делать гоголь-моголь.

И мы взяли яйца, сахар и стаканы и пошли к дедушке. Дедушка сидел в кресле-качалке у огня. Он обрадовался, когда мы пришли. Мы сели на пол перед печкой и стали растирать гоголь-моголь так,

что только брызги летели. Анна сделала гоголь-моголь и дедушке, ведь он был почти слепой и сам сделать этого не мог. Дедушка рассказывал нам о том, как люди жили раньше. В старые времена детям не дарили яйца с конфетами. Я сказала дедушке, что мне подарили серебряное яйцо с маленькими цветочками. Он ведь не мог разглядеть его.

Мне нравится слушать рассказы дедушки про старые времена. Подумать только, однажды на Пасху, когда дедушка был еще маленьким, стояла холодная погода, и его заставили разбивать ступкой лед в бочке с водой, стоявшей в кухне. Вот ужас-то! И никаких пасхальных яиц ему не дали. Бедный мальчик!

Мы с Анной идем за покупками

Магазин, в котором мы покупаем сахар, кофе и другие продукты, находится в Стурбю неподалеку от нашей школы. Когда маме нужны какие-нибудь продукты, я чаще всего покупаю их ей после занятий в школе. Но однажды во время пасхальных каникул маме кое-что понадобилось, и она сказала мне:

— Лиса, ничего не поделаешь, придется тебе сходить в магазин.

Погода была хорошая, я с радостью согласилась и ответила:

— Ладно. А что нужно купить?

И мама стала перечислять, что мне надо было купить: двести граммов дрожжей, кусок самой

лучшей фалунской колбасы¹, пакет имбиря, пачку иголок, банку анчоусов, сто граммов сладкого миндаля и бутылку уксуса.

— Ладно, ладно, я все запомню, — успокоила я маму.

И как раз в эту минуту к нам в кухню вбежала вприпрыжку Анна. Она спросила меня, не хочу ли я сходить вместе с ней в магазин.

— Ха-ха! — ответила я. — А я как раз хотела идти к тебе и спросить, не хочешь ли ты пойти со мной.

На голове у Анны была новая красная шапочка, а на руке корзинка. А я надела свою новую зеленую шапочку и тоже взяла корзинку.

Анне велели купить жидкое мыло, пакет хрустящих хлебцев, полкило кофе, кило кускового сахара и два метра резинки. И, как и мне, кусок фалунской колбасы. Анна тоже не записала все, что ей нужно было купить.

Перед тем как идти в магазин, мы зашли к дедушке и спросили, не нужно ли ему что-нибудь. И дедушка просил купить ему постного сахара и камфарную мазь.

Мы уже стояли у калитки, как выбежала мама Улле.

— Вы идете в магазин? — крикнула она.

— Да, — ответили мы.

— Ах, миленькие мои, не возьмете ли вы мне кое-что?

¹ Сорт колбасы. Фалун — город в центральной Швеции, в провинции Даларна.

Мы, конечно, охотно согласились. Она хотела, чтобы мы купили катушку ниток сорокового размера и банку ванильного сахара.

— Погодите-ка, мне что-то еще было нужно, — добавила она, стараясь вспомнить.

— Кусочек хорошей фалунской колбасы? — подсказала я.

— Да, да, именно это я и хотела сказать. Как ты догадалась?

Потом мы с Анной пошли в Стурбю. Мы немножко волновались, боялись, что мы не запомнили все, что нам велели купить. Сначала мы стали вспоминать, перечислять друг другу все предметы. Но скоро нам это надоело. Мы шли рядом, размахивая корзинками. Солнышко сияло, деревья так хорошо пахли. Мы пели на весь лес: «Кусочек колбасы высший сорт!» И это звучало красиво. Сначала я пела «Кусочек колбасы» на красивый медленный мотив, потом Анна весело и бодро подхватывала: «Высший сорт, высший сорт!» Время от времени я пела на мотив марша, и мы шагали по-военному. А потом решили петь обе с начала до конца на очень печальный и красивый мотив. Такой печальный, хоть плачь.

— Ах, какая печальная эта песня про фалунскую колбасу, — сказала Анна, когда мы наконец дошли до магазина.

В магазине была уйма народу, и нам пришлось долго стоять в очереди. Взрослые все время подходили к прилавку, заставляя нас пропускать их. Ведь они думают, что детям можно стоять там сколько угодно. Они все время лезут без очереди. Но под

конец в магазин вышел сам дядя Эмиль. Мы его хорошо знаем. Он начал расспрашивать, как дела в Буллербю, много ли яиц мы съели на Пасху и скоро ли мы собираемся выйти замуж.

— Замуж мы, ясное дело, вовсе не собираемся, — ответили мы.

— А что вам, милые дамы, угодно купить сегодня? — спросил дядя Эмиль.

Он вечно задает чудные вопросы, но мы его все равно любим. У него маленькие рыжие усики, а за ухом ручка с пером. Он всегда угощает нас кисленькими леденцами из большой железной коробки.

Сначала Анна перечислила все, что должна была купить своей маме и бабушке. И дядя Эмиль взвесил по очереди все, что она выпалила, и положил в пакеты.

Потом настала моя очередь говорить, что мне надо купить для своей мамы и для мамы Улле. Мы обе ужас как боялись что-нибудь забыть. Дядя Эмиль угостил нас кисленькими леденцами, и мы отправились домой.

Возле школы стоял один знакомый мальчик. Он увидел, что у нас новые шапочки.

Когда мы ушли уже довольно далеко, были уже возле перекрестка, там, где начинается дорога в Буллербю, я спросила:

— Анна, а ты не помнишь, купила я дрожжи или нет?

Анна сказала, что не помнит. Тогда мы стали щупать все пакеты в моей корзинке. На ощупь нам не попало ничего похожего на дрожжи. При-

шлось вернуться назад в магазин. Дядя Эмиль за- смеялся, дал нам дрожжи и еще угостил кислень- кими леденцами. И мы снова пошли домой.

Только мы дошли до перекрестка, как Анна за- кричала:

— Ой, а дедушкина камфарная мазь!

Когда мы дошли до другого перекрестка, Анна вдруг так испугалась, что мне стало жаль ее.

— Лиса! — воскликнула она. — Я почти уве- рена, что не купила сахар!

— Не выдумывай, Анна, — ответила я. — Яс- ное дело, сахар ты купила!

Мы опять принялись ощупывать все пакетики у нее в корзинке, но ничего сладкого не нашли.

Дядя Эмиль чуть не рухнул у прилавка, снова увидев нас. Но сахар мы получили. И еще не- сколько кисленьких карамелек.

— Придется мне заказать еще банку леденцов в запас, — сказал дядя Эмиль. — Я вижу, мне по- надобится их целый склад.

— Нет, больше мы уже не вернемся, — успо- коила его Анна.

Когда мы подходили к перекрестку, я сказала:

— Анна, давай быстро пробежим через улицу. А не то опять вспомним, что мы забыли купить.

И мы быстро пробежали перекресток.

— Здорово получилось! — обрадовалась Анна.

Наконец-то мы зашагали по дороге к дому. Ах, какой хороший был день! Один из первых теплых дней. Солнышко светило, и в лесу так хорошо пахло!

— Давай будем снова петь, — предложила Анна.

И мы запели. Это была опять песня про колбасу: «Кусочек колбасы». Песня у нас получилась такая же красивая, как по дороге в магазин. Анна предложила спеть ее в школе на экзамене. Мы не переставая пели, топая в гору.

И вдруг, когда я снова очень красиво пропела «Кусочек колбасы», Анна с диким видом схватила меня за руку.

— Лиса! — крикнула она. — Мы не купили ни кусочка фалунской колбасы!

Мы сели у обочины и долго не могли сказать ни слова. Потом Анна сказала:

— Хорошо, если бы этой колбасы вовсе не было на свете!

— Нечего было пробегать через перекресток! — рассердилась я.

Пришлось снова возвращаться в магазин. Делать было нечего. Ух, до чего нам это надоело! Мы больше не пели. Анна сказала, что петь про фалунскую колбасу на экзамене вовсе не годится.

— Не только на экзамене, но и вообще петь ни к чему. Такая дурацкая песня!

Увидев нас, дядя Эмиль схватился за голову и помчался за новой банкой леденцов. Но мы сказали, что больше леденцов не хотим.

— Вот как? Так что же вы хотите? — спросил он.

— Три куса фалунской колбасы, — ответили мы.

— Если только у вас есть колбаса высшего сорта, — добавила Анна.

Мы еле потащились домой. Когда мы дошли до перекрестка, Анна оглянулась и сказала:

— Погляди-ка! Вот едет Юхан Мельник на своей старой, страхолюдной буланой кобыле!

Юхан — это мельник с мельницы, которая стоит чуть подальше Буллербю.

Когда телега Юхана поравнялась с нами, мы попросили его подвезти нас.

— Садитесь, пожалуйста, — позволил Юхан.

И мы доехали до самого Буллербю. Я начала было мурлыкать «Кусок фалунской колбасы...». Но Анна оборвала меня:

— Если ты посмеешь хоть разок пропеть эту песню, я столкну тебя с телеги.

Когда я пришла в кухню, мама сказала:

— И где это ты так долго пропадала?

— А как ты думаешь? Одной только фалунской колбасы нужно было купить целых три куска!

Вынув все пакеты из корзинки, мама сказала:

— Вот умница, ничего не забыла купить!

Мы подкарауливаем водяного

Вообще-то проселочная дорога кончается в Буллербю. Дальше идет только узкая плохая дорога. Она тянется через лес и ведет к Юхану Мельнику. Юхан — маленький смешной старичок. Он живет совсем один в глухом лесу. Его маленький домик стоит рядом с мельницей. А мельница стоит

на ручье Видебэккен¹. Это вовсе не такой тихий ручеек, как у нас на коровьем выгоне. Нет, этот ручей мчится с шумом и ревом. А иначе на нем не могла бы работать мельница. Потому что вода должна торопиться, а иначе она не сможет вертеть большое колесо.

Не многие приезжают к Юхану молотить зерно. Это только мы из Буллербю и еще несколько человек, которые живут по другую сторону леса. Так что Юхану, наверно, очень тоскливо жить на мельнице одному. Он какой-то странный, этот Юхан. Взрослых он не любит. Когда мы к нему приходим, он болтает с нами без умолку. А придут взрослые, ни словечка не скажет, ну разве только на вопросы ответит.

Однажды весной папа велел Лассе отвезти на мельницу два мешка ржи на помол.

— Хорошо, — сказали мы все. — Мы тоже поедем.

У нас есть старая черная кобыла Свея. Она у папы с давних пор. Он называет ее своей сватовской кобылой. Потому что когда он ехал свататься к маме, то запряг в повозку эту кобылу.

Папа нисколько не боится посылать нас ехать со Свеей. Он говорит, что Свея умнее всех ребятишек из Буллербю, вместе взятых.

Два мешка муки и шестеро ребятишек — воз нелегкий. Свея повернула голову и посмотрела на нас. Вид у нее был недовольный. Но Лассе щелкнул вожжами и сказал:

¹ Ивовый ручей (шв.).

— Свея! Свея! Не дури!

И мы поехали по лесной дороге. Дорога была ухабистая. Когда телега подпрыгивала на камнях, мы стукались друг о друга, но это нас только смешило.

Шум Видебэккена можно услышать задолго до того, как увидишь мельницу. Он слышен, как только въедешь в лес. Ах, как там интересно, на мельнице! Очень уж там красиво. И немного страшно. Когда стоишь у мельницы и хочешь что-то сказать, надо кричать, если хочешь, чтобы тебя услышали.

Юхан нам обрадовался. Мы пошли с ним на мельницу. Он все время хихикал, и вид у него был какой-то хитрый. Мы принесли свои мешки, поглазели на все вокруг и уселись на траве возле мельницы. А Юхан принялся болтать с нами. Он много дней ни с кем не разговаривал и теперь стал болтать без умолку.

Он рассказал нам, что на мельнице живет гном. Сам Юхан видел его много раз. Гном этот вообще-то добрый, но иной раз учиняет всяческие проказы. Например, схватит жернов и не дает ему вертеться. Или возьмет и рассыплет на пол целый мешок муки. А один раз, когда Юхан пришел на мельницу рано-рано, гном дал ему пощечину. Юхан только отворил дверь, как его словно молнией ударило. А сам гном тут же пропал. Но обычно гном этот добрый. К тому же он сам подметает пол и прибирается на мельнице.

Да, мельница эта в самом деле замечательная. За домиком Юхана есть маленькая полянка.

Юхан говорит, что на ней танцуют эльфы. Юхан сидит в своей каморке и подглядывает за ними из-за занавесок. Как только эльфы приметят Юхана, сразу прячутся. Лесовицу он тоже видел. Она пряталась за сосной, высовывала только нос и хохотала на весь лес. Вот счастливый Юхан, что видел их всех!

Мы слышали про это и раньше, но в тот раз, когда мы сидели на траве, он снова рассказывал нам эти истории.

— А знаете, кого я видел нынче ночью? — почти шепотом спросил он.

Откуда нам было знать! И тогда Юхан рассказывал нам, что видел водяного.

Анна схватила меня за руку, и я крепко сжала ее руку.

— А где ты, Юхан, видел водяного? — спросил Лассе.

И Юхан рассказал, что водяной сидел на камне в воде и так красиво играл на скрипке, что Юхан не удержался и заплакал. Мельник даже показал нам камень, на котором сидел водяной. Обидно только, что водяного уже не было.

— Он показывается только по ночам, — объяснил Юхан.

— А что, он появляется каждую ночь? — спросил Буссе.

— Да, по весне он сам не свой, знай играет на скрипке по ночам.

Свое не терпелось отправиться домой, мы это точно видели. Мы сказали Юхану «до свидания». Анна побежала еще раз взглянуть на камень водяного.

От мельницы к хуторам вела еще другая лесная дорога. Лассе решил, что нужно прокатиться и поглядеть на эти хутора. Он почмокал и подергал за вожжи, пытаясь заставить Свею свернуть на эту дорогу. Но это оказалось невозможным! Свея стояла как вкопанная и отказывалась сдвинуться с места. Она только поворачивала голову и смотрела на Лассе. Как будто хотела сказать: «Никак ты спятил?» Пришлось возвращаться старым путем. Ах, как весело бежала Свея домой!

Вдруг Лассе сказал:

— Я собираюсь нынче ночью отправиться на мельницу и поглядеть на водяного. Хочет кто-нибудь идти со мной?

Сначала мы думали, он шутит, но он вовсе не шутил. Тогда Буссе и Улле тоже захотели поглядеть на водяного.

— Идет, — согласился Лассе. — Пойдут с нами девчонки или нет, нам все равно.

— А почему бы и нам не пойти с вами? — спросила Анна.

— Вот именно, — добавила Бритта.

— А мне-то что? — сказал Лассе. — Идите. Вы, поди, не много водяных видели в своей жизни!

— А ты-то сам видел хоть одного?

Лассе не ответил, но вид у него был такой загадочный, будто он видел их не одну дюжину.

Ой-ой-ой! Вот было интересно! Лассе сказал, что нам надо выйти из дому поздно ночью. Мы тут же все обсудили. Лассе решил, что у взрослых разрешения спрашивать не нужно. Мало ли что взбрет им в голову, если дети спросят, можно

ли им поглядеть на водяного. Лучше спросить разрешения после, так оно будет вернее.

У Лассе был старый будильник, и он обещал всех нас разбудить.

Я проснулась ночью оттого, что Лассе, стоя возле моей постели, дергал меня за волосы. Я быстро вскочила с постели.

Вечером, перед тем как лечь спать, Лассе придумал, как разбудить Бритту и Анну. Он привязал к камню веревку. Камень он положил на пол в комнате Бритты и Анны. Потом он протянул эту веревку через мое окно. Моя комната находится как раз напротив комнаты Бритты и Анны, а дома наши стоят совсем рядом. Он начал дергать веревку, камень застучал у них в комнате, и они проснулись.

Разбудить Улле было проще простого. Вскрабаться на липу, которая растет между Сёргордемом и Меллангордемом. Мальчики всегда забираются на нее, когда хотят навестить друг друга.

Сама не понимаю, как нам удалось выйти из дому. Когда мы спускались по лестнице, она так скрипела, что мама с папой могли проснуться. Но они не проснулись.

Я бы в жизни не осмелилась пойти ночью в лес одна. Потому что ночью лес совсем не такой, как днем. По дороге к мельнице я крепко держала за руки Анну и Бритту. И подумать только, когда мы подошли к мельнице так близко, что был слышен шум водопада, мне страшно захотелось бежать домой!

Но Лассе у нас упрямый.

— Сейчас мы должны прокрасться по одному и поглядеть на водяного, — велел он.

— По одному? — сказала я. — Ну уж нет, Лассе! Лучше уж я вовсе не увижу его, но одна не пойду.

— Какая же ты дуреха! Не можем же мы отправиться глазеть на него как на экскурсию, целым классом. Я, во всяком случае, пойду посмотреть на него один.

Буссе и Улле решили идти вместе. А мы, девочки, тоже сказали, что пойдем втроем. Ах, до чего же сильно колотилось мое сердце!

— Я прокрадусь первым, — сказал Лассе. — Если водяного там нет, я крикну и позову вас. Считайте до ста. Если я и тогда не крикну, можете идти туда, значит, водяной там.

И он пошел один. Ах, какой же он все-таки смелый! Мы лежали во мху и считали. Я почти что хотела, чтобы Лассе позвал нас. Чем дальше я считала, тем сильнее билось мое сердце. Но крика мы всё не слышали.

— Значит, водяной там, — сказал Буссе.

И он вместе с Улле пополз в одну сторону, а Бритта, Анна и я тихонько пошли в другую.

— Я, кажется, сейчас умру, — сказала Анна.

И вот мы увидели мельницу. И тот самый камень! И он там сидел! Водяной! Совсем голый! И играл. Правда, до нас доносились слабые звуки, ведь водопад сильно шумел. Хорошенько разглядеть его мы не могли в темноте. Но мы видели, что он там сидел.

— Ой, я вижу его, — прошептала Анна.

— Послушай, он играет, — тихонько сказала Бритта.

— Это вроде бы не скрипка, — шепнула я. — Ой, а что это он играет?

— Он... он играет «Сбор у водокачки», — сказала Бритта.

— Ну и ну! — удивилась я.

И в самом деле, он играл «Сбор у водокачки». Веселый был этот водяной. И был это, конечно, Лассе. Он сидел на камне и играл на губной гармошке. Совсем голый.

— Зато вы все-таки увидели водяного, — сказал нам потом Лассе.

Буссе сказал, что он отлупил бы Лассе, будь тот чуть-чуть постарше.

У Улле появляется сестренка

Иногда Буссе и Лассе мне до того надоедают, что я думаю: «Лучше бы у меня вовсе не было никаких братьев». Когда я играю в куклы, они меня дразнят. И с боксом своим они мне надоедают. Кулаки у них ужасно твердые. А как вытирать посуду, так они вечно кричат, что очередь моя. Один раз Лассе сказал маме, что заводить в доме девчонок ни к чему. Что куда лучше было бы, кроме него и Буссе, завести еще девять мальчиков. Тогда была бы целая футбольная команда. А мама ответила:

— А я очень рада, что у меня есть моя милая девочка. Девять мальчиков? Да ни за что на свете! Хватит с меня двух шалопаев!

А иногда я радуюсь, что у меня есть братья. Ну, когда у нас война и мы деремся подушками, когда они приходят ко мне и рассказывают истории с привидениями, когда наступает Рождество и еще иногда.

Как-то раз Буссе заступился за меня. Один мальчишка из нашей школы стукнул меня за то, что я его нечаянно толкнула и он уронил свои книжки. Тут Буссе поддал ему и сказал:

— Только попробуй еще раз дотронуться до нее!

— А чего она толкается? — ответил Бенгт. Это его так зовут, ну, этого мальчишку.

— А она виновата, что ли? — ответил Буссе. — Она тебя не видела. На затылке у нее глаз нет, придурок!

Тут-то уж я была рада, что у меня есть братья! Когда Буссе и Лассе покупают конфеты, то угощают меня. Так что иметь братьев вовсе не плохо. Хотя, ясное дело, сестер иметь лучше.

— Главное, чтобы были братья или сестры, — говорил Улле, пока у него не появилась маленькая сестренка.

Ему было так обидно, что он единственный ребенок в семье.

— У других в семье много детей, а у нас почему-то я один, — повторял он сердито.

Но вот у него появилась наконец-то сестренка. Ах, как он радовался! В тот день, когда она родилась, он примчался как угорелый и сказал, что мы должны немедленно посмотреть на нее. И мы пошли с ним.

— Вот она, — заявил он с таким видом, будто показывает нам какое-то чудо. — Верно, она хорошенькая?

Но она была ни капельки не хорошенькая. Какая-то красная и сморщенная, очень даже страшненькая. Хотя ручки у нее были довольно миленькие.

Лассе ужасно удивился, увидев сестренку Улле. Он вытаращил глаза и открыл рот, но ничего не сказал.

— Да, она очень хорошенькая, — согласилась Бритта, и мы вышли из комнаты.

А после Лассе сказал Буссе:

— Бедный Улле! Ну и сестренка у него! Правда, нашу Лису тоже красавицей не назовешь, но она все-таки выглядит как все люди. Подумать только, когда эта малявка пойдет в школу, Улле будет за нее стыдно. Ведь страшнее ее у нас в школе нет ни одной девчонки.

Потом мы целую неделю не были в Сёргордене. А Улле каждый день твердил, какая красивая у него сестренка. А у Лассе при этом каждый раз был очень странный вид. Но вот всех нас пригласили в Сёргорден на крестины сестренки Улле.

— Бедняжка! — сказал Лассе по дороге в Сёргорден. — Ей бы, пожалуй, лучше было бы умереть маленькой.

Зал в Сёргордене был нарядно убран. Повсюду стояли цветы. Ведь сестра Улле родилась весной, когда цвели ландыши и первоцвет. На камине стояла ваза с зелеными веточками, кофейный стол был накрыт. Улле нарядился по-праздничному.

Да и мы тоже надели все новое. Пастор стоял и ждал. Потом дверь открылась и вошла тетя Лиса с сестренкой Улле на руках. И подумать только, какой красивой стала эта малявка! Глаза темно-голубые, лицо розовенькое, а губки... ну даже не описать, какие красивые! На ней было нарядное белое крестильное платьице.

Лассе удивился так же сильно, как и тогда, когда увидел ее в первый раз.

— У вас что, родился новый? — шепотом спросил он Улле.

— Кто новый? — удивился Улле.

— Новый ребенок.

— Может, ты скажешь, что забыл, как я рассказывал, что у меня родилась сестренка! — ответил Улле, не понимая, про какого ребенка спрашивает Лассе. И Лассе не стал больше ничего говорить.

Пастор окрестил девочку и дал ей имя Черстин.

Ах, как я люблю Черстин! Она самая красивая малышка на свете. Анна, Бритта и я почти каждый день приходим в Сёргорден поглядеть, как тетя Лиса с ней занимается. Ой, до чего же смешно она дрыгает ручками и ножками! Ну, ясное дело, не тетя Лиса, а Черстин. У нее это так красиво получается! А иногда Улле пробует передразнить ее и тоже дрыгает руками и ногами. Но у него это получается вовсе не так красиво. А больше всего она дрыгается, когда ее купают в большой бадье. Ей очень нравится купаться. Иногда она болтает, лежа в кроватке. У нее получается что-то вроде «рюй-рюй». Улле думает, что она скоро начнет говорить.

Но тетя Лиса считает, что говорить Черстин еще рано, ведь ей только пять месяцев. Когда Улле подходит к кроватке и смотрит на Черстин, она весело улыбается, как будто радуется ему. Зубов у нее совсем нет, но смеется она все равно красиво. А Улле прямо-таки сияет, когда смотрит на нее. Свип немного ревнует Улле к Черстин. Ему, ясное дело, охота, чтобы Улле любил только его одного. Тогда Улле долго гладит Свипа и говорит ему:

— Свип хорошая, добрая собачка.

И Свип больше не завидует Черстин.

Один раз нам с Анной позволили посидеть с Черстин. У тети Лисы было много дел, она пекла хлеб. Нам повезло, что Улле не было дома. А не то он сам бы захотел ее нянчить. Вот было здорово! Вот как всё это было. Черстин лежала в кроватке и кричала во всю мочь. А тете Лисе как раз нужно было сажать хлебы в печь. Она была мокрая, голодная и злая. Ясное дело, Черстин, а не тетя Лиса. И тетя Лиса спросила нас:

— Вы сможете выкупать ее?

— Конечно сможем! — обрадовались мы.

Анна взяла ванночку, налила в нее воды. Тетя Лиса попробовала локтем, достаточно ли она теплая. И я вынула Черстин из кроватки. Подумать только, она сразу перестала кричать и начала смеяться. А когда я посадила ее на руки, она укусила меня за щеку. Мне вовсе не было больно, а даже приятно. Ведь зубов у нее пока нет. Щека у меня стала мокрая, но что из того!

Я знаю, как нужно держать маленьких детей. Тетя Лиса научила меня, что им надо поддержи-

вать спинку. И знаю, как держать их, когда купаешь, чтобы ни за что не окунуть в воду с головой. Я держала Черстин, а Анна мыла ее мягкой тряпочкой. Черстин дрыгала руками и ногами и говорила «рюй-рюй». И еще она старалась схватить ртом тряпочку, но ничего у нее не вышло!

— До чего она хорошенькая, — сказала Анна, — так бы ее и съела!

Анна положила на кухонный стол одеяльце и простынку, чтобы вытереть Черстин. Когда мы искупали малышку, я осторожно положила ее. Мы вдвоем завернули ее в простынку и вытерли. Потом мы напудрили ей все тельце. Черстин вдруг засунула большой палец своей ножки в рот и стала сосать его. До чего же ловко она это сделала! Ни у кого на свете нет таких хороших пальчиков, как у Черстин! Но нам пришлось вытащить их у нее изо рта. Ведь нам нужно было надеть на нее маленькую рубашечку и распашонку. Потом тетя Лиса помогла надеть на нее подгузник, потому что это уже потруднее. Потом мы надели на нее штанишки. Теперь она была готова, и тетя Лиса покормила ее.

Потом мы с Анной вышли во двор и стали катать Черстин в коляске. Мы играли, будто Анна — папа, а я — мама. Скоро Черстин уснула. Но мы продолжали катать ее, нам это очень нравилось. Но тут пришел домой Улле. Он тут же бросился к нам и отнял у нас коляску, как будто боялся, что мы украдем Черстин. Но когда он недолго покатал коляску, то позволил и нам поводить ее немного. Мы рассказали ему, как Черстин

сосала свой большой палец ноги. Улле радостно рассмеялся и сказал:

— Да, уж просто никто не поверит, что эта девчонка выделяывает! Может, она циркачкой станет, когда вырастет.

Он еще покатал ее, а потом добавил:

— Значит, она сосала большой палец ноги? Она это каждый день делает. Но я рад, что вы это тоже видели.

Тут Черстин проснулась и поглядела на Улле. А он пощекотал ей под подбородком и сказал:

— Привет, малявка! Так ты сосала палец ноги?

Он снова засмеялся и выглядел таким довольным.

Когда идет дождик

Однажды утром в начале летних каникул я проснулась в плохом настроении. Погода была плохая. Шел дождь, дул сильный ветер, гулять было нельзя. Вдобавок я поссорилась с Бриттой и Анной. Накануне вечером мы играли в классы, и Анна с Бриттой сказали, будто я наступила на черту, а я вовсе не наступала.

— Раз вы такие несправедливые, я не буду с вами играть, — сказала я.

— Ну и не играй! — ответила Бритта. — Без тебя обойдемся.

— Не думай, что станем тебя упрашивать, — добавила Анна.

И я пошла домой. А Бритта и Анна еще долго играли в классы. Я стояла в кухне за занавеской

и смотрела на них, только так, чтобы они меня не видели. И я решила никогда-никогда больше с ними не играть.

Но все же как скучно было мне в это дождливое утро! Я никак не могла придумать, чем мне заняться. Буссе и Лассе простудились и лежали в постели уже целых три дня. Я пошла к ним, чтобы немножко поболтать. Но они оба читали книжки. Когда я стала говорить с ними, они что-то пробубнили. По правде говоря, мне очень хотелось пойти посмотреть, что делают Анна и Бритта. Но я вспомнила, какие они несправедливые, и решила, что ни за что в жизни не пойду в Норргорден. Вместо этого я пошла в кухню к маме.

— Фу, мама, как скучно! — сказала я.

— В самом деле? — спросила мама. — А я и не заметила.

— Да... а! Все время дождик льет. Даже не знаю, что мне делать.

— Я бы на твоём месте взяла бы и испекла бисквит, — предложила мама.

Мама сказала так, будто она думала, что я умею печь бисквит. А я вовсе не умела, во всяком случае, никогда не пробовала.

И надо же! Я испекла все-таки бисквит без всякой помощи. И какой еще вкусный! Хотя мама сказала мне, как его надо делать. И вот как я его испекла. Сначала я растерла в миске два яйца и две кофейные чашки сахарного песка. Я растирала долго, и мне это очень нравилось. Потом я растопила в кастрюле кусочек масла и смешала все

вместе. После я взяла муку и молоко, не помню точно сколько. И насыпала туда тертой лимонной цедры и дрожжей в порошке.

Когда я пекла бисквит, то надела белый передник и белую косынку. Ах, как я волновалась, когда мама вынула бисквит из печки! Она выложила его на чистое полотенце. Он получился светло-коричневый и пышный. А я и не знала, что так хорошо умею печь бисквиты. Мама предложила мне угостить Буссе и Лассе бисквитом и соком. Я так и сделала. Они обрадовались. И сильно удивились, когда я сказала, что сама испекла бисквит.

А потом я придумала вот что. Хотя Бритта и Анна несправедливые, пойду-ка я к ним, прощу их и угощу своим бисквитом. Бритта, Анна и я посылаем друг другу письма в ящичке из-под сигар, который ездит у нас по веревочке от их комнаты в Норргордене к моей в Меллангордене. Я написала письмо, положила его в ящичек и посвистела. Мы так всегда свистим, это сигнал, что я посылаю письмо. А в письме я написала: «Я испекла бисквит, а вы приходите и поглядите, красивый ли он на вид».

Не успела я оглянуться, как они примчались. Они просто не поверили, что это я испекла такой вкусный бисквит, что мне никто не помогал. Но я сказала:

— Милые дети, это проще простого! Бисквит может испечь кто угодно!

Мы сидели у меня в комнате, ели бисквит и запивали его соком. А потом Бритта с Анной по-

бежали домой попросить свою маму, чтобы она тоже позволила им испечь бисквит.

А дождик все лил и лил. И я опять не знала, чем мне заняться. Я опять пошла к маме.

— Мама, мне скучно. Я не знаю, чем бы мне заняться.

— Я бы на твоём месте покрасила заново стол на веранде, — сказала мама.

Мама думает, будто я могу всё что угодно! Она помогла мне размешать краску в банке. И я принялась красить. Стол получился такой красивый, как новенький. Перед тем как начать красить, я надела старый комбинезон, чтобы не запачкать одежду.

Потом я поднялась к Буссе и Лассе и рассказала им, что выкрасила стол на веранде. Они тут же выпрыгнули из кроватей и побежали поглядеть. И сказали маме, что они уже поправились и тоже хотят красить что-нибудь. Буссе мама дала красить старый поднос, а Лассе — скамеечку. Потом Буссе и Лассе захотели выкрасить и кухонный диванчик, но мама сказала, что нельзя красить все в доме в зелёный цвет.

Вдруг Лассе мазнул нос Буссе кистью. Тогда Буссе тоже решил ляпнуть капельку зелёной краски Лассе на нос. Но Лассе ловко увернулся. Тут Буссе помчался за ним с кистью. Мама пришла как раз вовремя и увидела, как краска капает на пол. Она сказала, что, если они не перестанут шалить, она выкрасит их обоих в синий цвет. Но Буссе очень рассердился, ведь ему так и не удалось мазнуть Лассе по носу. Тогда мама капнула краской на нос Лассе и отобрала у них кисти.

У мальчишек вечно любое дело кончается неприятностью!

И как раз в это время пришли Анна с Бриттой. Они принесли бисквит, который испекли сами. Он был такой же вкусный, как мой. Правда, мой был все-таки попышнее!

Мы все уселись у нас на чердаке. Буссе перебрался по веткам липы к Улле и позвал его пробовать бисквит Анны и Бритты.

Вот здорово было сидеть на чердаке! Дождик сильно барабанил по крыше и журчал в водосточных трубах. А нам было мокнуть ни к чему, мы сидели себе и ели бисквит. Я радовалась, что помирилась с Бриттой и Анной.

— Может быть, ты вовсе и не наступила вчера на черту, — сказала мне Анна.

— А может, я все-таки немножко наступила, — ответила я.

По всему чердаку почти под самым потолком проходят две балки. На них можно влезать, хотя это и нелегко. Как раз там и стояли мальчики, когда пугали нас в новогодний вечер. А сейчас Лассе придумал, чтобы мы все вскарабкались на эти балки. Мы так и сделали. Было так весело забираться на них и спускаться вниз. Можно было также перепрыгивать с одной балки на другую. Но тогда приходилось быстро хвататься за потолок, чтобы не свалиться вниз. Вдруг на чердак поднялся папа. Мы замерли, стоя на балках, и папа нас не заметил.

— Нет, ребятишек здесь нет! — крикнул он маме. — Видно, они перебрались к Улле.

И он снова спустился вниз. Ну и смеялись же мы после! (После ужина мы рассказали папе, что стояли под потолком, когда он искал нас. И он назвал нас разбойниками.)

Когда мы стояли на балках, Лассе вдруг сказал:

— Поглядите-ка, между досками на потолке торчит какая-то бумага. И на ней что-то написано.

Мы прокрались к чердачному окну, и Лассе показал нам эту бумагу. А на ней было написано: «Ищите сакровище на острове в озере. Я закопал там настоящий жемчуг. Ищите пасредине озера. Тот кто жил в этом доме в старые времена».

— Вот это да! — сказала Анна. — Вот здорово! Только писать он умел плоховато.

— Так писали в старые времена, неужели не понятно? — ответил Лассе.

— Подумать только, настоящий жемчуг, — сказала я, — давайте попробуем его найти, а? Тогда мы ужас как разбогатеем!

Бритта промолчала.

— «Остров в озере» — это, наверно, островок в Норргорденском озере!

Ах, до чего же это было интересно! Дождливая погода все-таки не такая уж скучная! Да и дождь-то вдобавок перестал. Мы с Бриттой и Анной отправились к дедушке читать ему газету. Мы с Анной прыгали от радости, думая про жемчуг. Нам хотелось поскорее рассказать дедушке про сакровище. Но Бритта сказала:

— Не валяйте дурака! Неужели вы не понимаете, что это опять проделки мальчишек?

— А почему ты так думаешь? — спросили мы.

— Да потому что, если бы это и в самом деле был человек, который жил раньше в Меллангордене, он бы не подписался «тот, кто жил в этом доме в старые времена». Ведь для него-то это были не «старые времена», когда он писал это. Неужели не понимаете?

Об этом мы не подумали. Но Бритта предложила нам сделать вид, будто мы ни о чем не догадались, и отправиться на следующий день вместе с мальчишками на озеро искать сокровище.

Мы ищем сокровище

Рано утром на следующий день мы отправились на остров, поплыли на норргорденской лодке. Лассе сидел на веслах. Мальчики все время говорили об этих жемчужинах.

— Знаете что, — сказал Лассе, глядя на Улле и Буссе, — если найдем жемчужины, давайте отдадим их все девочкам. Ведь жемчуг больше подходит девочкам.

— Валяйте, — согласился Буссе. — Правда, можно жемчужины продать и заработать много денег. Но мне все равно, пусть жемчуг достается девочкам!

— Да что там говорить! — подхватил Улле. — Отдадим жемчуг девочкам! Мне не жалко!

— Ах, какие вы добрые, — сказали мы.

— Но тогда вы сами и ищите их, — заявил Лассе, когда мы приплыли на остров. — А мы с Буссе и Улле пока искупаемся.

И они улеглись на каменистом пляже загорать.

— Ищите в середине острова! — сказал Лассе. — И покричите нам, когда найдете! Не забудьте позвать нас! Мы хотим поглядеть, как вы будете открывать железную банку.

— А откуда вы знаете, что жемчуг в железной банке? — спросила Бритта. — В письме этого не было написано.

Лассе немножко смутился.

— Ну, в чем-то они ведь должны лежать, — сказал он.

Мальчики стали купаться, а мы — искать.

— Ну, получают они за эту железную коробку! — сказала Бритта.

В середине острова был каменистый холм, а на вершине было положено еще несколько камней, которых раньше здесь не было. Так что найти тайник было просто. Под этими камнями и в самом деле лежала заржавленная жестяная коробка. Мы открыли ее. В ней лежала записка: «Ха-ха-ха! Девчонкам можно вкрутить что угодно. Тот, кто жил в этом доме в старые времена».

Ранней весной сюда, на остров, привозили пас- тись злого барана из Норргордена. Он повсюду оставил свои маленькие твердые шарики. Мы набрали их несколько штук, положили в жестянку и написали новую записку на бумажке, которую прихватили с собой: «Вот он, ваш „настоящий

жемчук“! Берегите его, ведь его сделал тот, кто жил на этом острове в старые времена».

Потом мы положили коробку назад, под камни, пошли к мальчишкам и сказали, что найти сокровище никак не могли.

— Поищите его, а мы пока искупаемся, — попросила Бритта.

Мальчики отнекивались, но потом все-таки поплелись к середине острова. Они собирались найти для нас тайник попроще. Мы прокрались за ними. Прятались за кустами, как индейцы.

Мальчишки подошли к холмику. Лассе достал жестяную коробку.

— Эти глупые девчонки даже такой легкий тайник найти не могут! — сказал он и потряс жестянку.

— Там что-то бренчит, — удивился Буссе.

Лассе открыл коробку и прочитал вслух записку.

— Мы должны отомстить! — воскликнул он.

Тут Бритта, Анна и я выскочили из кустов и захохотали до упаду. Мы сказали, что с самого начала знали, что все это выдумал Лассе. Это мы, конечно, им наврали, но для пущей важности сказали, что мы поняли, что мальчишки поняли, что мы поняли, что это придумал Лассе. Тогда мальчишки ответили... нет, мне все это даже не повторить... Они столько раз сказали слово «поняли», что можно было чокнуться. Потом мы купались у нашей пляжной скалы. Мальчишки обрызгали нас хорошенько. Да и мы постарались, ясное дело, обрызгать их как только могли.

После этого Лассе предложил играть в разбойников. Но сначала нужно было найти на острове

подходящее разбойничье логово. Мы нашли старый сеновал. Сено там больше не хранили. Да и как в нем было что-то хранить? Потолок вовсе прохудился. Рядом с сеновалом растет высокая сосна. Мы решили, что этот сарай и будет нашим разбойничьим логовом. Лассе, конечно, стал предводителем банды. Он сказал, что его зовут Робин Гуд¹. Буссе был его помощником, и его звали Ринальдо Ринальдини². Лассе сказал, что мы будем грабить богатых и отдавать их добро бедным. Мы стали думать, кто же у нас богатый, и не придумали. И бедных у нас вроде тоже нет. Разве что Кристин из Лёвнесета.

Лассе то и дело посылал нас высматривать, не покажется ли вблизи острова вражеский разбойничий корабль. Мы карабкались по стене сарая, вылезали через дыру в потолке, цеплялись за ветки сосны и поднимались по стволу. Я не осмеливалась карабкаться на самую верхушку, а Буссе, Лассе и Улле забирались туда. Бритта с Анной поднимались не выше меня.

Но даже мальчишки не заметили ни одного вражеского корабля, хотя смотрели на воду у самой верхушки сосны.

Лассе велел нам с Анной грести на материк и награть немножко еды.

— Ограбьте кого-нибудь богатого! — приказал он.

¹ Робин Гуд — благородный разбойник, герой английских легенд.

² Ринальдо Ринальдини — герой одноименного романа Х. А. Вульпиуса, благородный разбойник.

Мы с Анной сели в лодку и поплыли. Но придумать, кого нам ограбить, мы так и не смогли. Тогда я пошла домой и спросила у мамы, нельзя ли мне немножко ограбить кладовку и взять еды с собой на остров, потому что мы с Буссе и Лассе не придем к обеду. Мама мне позволила. В кладовке я нашла оладьи, печенные на сале, жареную колбасу и холодную картошку. И еще я сделала много бутербродов с сыром. Все это я положила в корзинку. А мама дала мне десять булочек, горячих, только что из печки, и большую бутылку молока. Потом я забежала за Анной. У нее была тоже приготовлена целая корзинка еды: котлеты, холодная свинина, целый каравай хлеба, бутылка киселя и шесть ломтей рисового рулета.

Мы вернулись в разбойничье логово и разложили еду. Лассе был очень доволен.

— Молодцы! — сказал он. — Вы грабили с риском для жизни?

Мы с Анной точно не знали, что отвечать. Но на всякий случай сказали, что немножко рисковали жизнью, когда грабили еду.

— Молодцы! — повторил Лассе.

Вместо стола у нас был большой плоский камень, лежавший рядом с разбойничьим логовом. Мы легли вокруг него на живот и принялись за еду. Только у нас разыгрался аппетит, как Буссе вдруг сказал:

— Послушай-ка, Робин Гуд! Ты говорил, что надо отдавать бедным награбленное добро! Тогда что же ты лежишь и лопаешь всю еду сам?

— А я и есть бедный, — ответил Лассе и взял еще оладышек.

Бутылку с молоком и бутылку с киселем мы пустили по кругу. Каждый делал глоток, запивая еду. Мы съели все, кроме двух бутербродов с сыром, которые спрятали в разбойничьем логове.

Ой, до чего же весело было в тот день на острове! Мы купались много-много раз и лазили по деревьям. Потом мы разделились на две банды. Мы с Анной и Бриттой были одна банда, а мальчишки другая. Мы жили в разбойничьем логове и защищали его от банды мальчишек. Вместо ружей у нас понарошку были палки. Бритта стояла на карауле у дверей. Анна наблюдала через окно, а я выглядывала в дыру на потолке. Но мне скоро надоело там торчать. Я спустилась вниз и встала рядом с Анной. И подумать только! Мальчишки влезли по задней стене, где мы не могли их видеть, неожиданно прыгнули вниз через дыру в потолке, взяли нас в плен и пообещали расстрелять. Но как раз когда они собрались нас расстреливать, Лассе крикнул:

— Вражеский флот на горизонте!

Это был наш работник Оскар. Он приплыл на лодке, чтобы забрать нас домой. Оскар сказал, что уже девять вечера.

— Что же вы, мелюзга, допоздна здесь обретаетесь? Неужто вам невдомек, что давно пора домой?

Надо же, а мы и знать не знали, что уже так поздно!

— Что же, вам никогда есть не хочется? — сердито спросил Оскар.

И тут я вдруг почувствовала, что немножко проголодалась.

Мама с папой давно поужинали. Но на кухонном столе нас ждали бутерброды, молоко и яйца.

Мы с Анной радуем людей

Когда этой осенью мы снова пошли в школу, фрёкен как-то на уроке сказала, что мы всегда должны стараться радовать людей и никогда не делать того, что их огорчает. В тот же день мы с Анной сидели после обеда на кухонном крылечке и болтали. И решили тут же начать радовать людей. Но вся беда была в том, что мы не знали, как это делать. Мы решили начать с нашей горничной Агды и пошли к ней в кухню. Она мыла пол.

— Не ходите по полу, пока он не высох, — сказала она.

— Агда, что нам сделать, чтобы порадовать тебя, скажи нам.

— Если вы уберетесь отсюда и не будете мешать мне, я буду очень рада, — ответила она.

Мы вышли из кухни. Так радовать людей было вовсе не интересно.

Мама рвала в саду яблоки. Я подошла к ней и спросила:

— Мама, скажи, что мне делать, чтобы тебя порадовать?

— Я и так рада! — ответила она.

Я расстроилась, но решила не сдаваться и снова спросила:

— А что мне делать, чтобы ты еще больше обрадовалась?

— Ничего делать не надо. Просто будь по-прежнему моей маленькой доброй девочкой. И я всегда буду рада.

Я пошла назад к Анне и сказала, что фрёкен и понятия не имеет, как трудно кого-нибудь обрадовать.

— Давай попробуем обрадовать дедушку, — предложила Анна.

И мы пошли к дедушке.

— Никак мои маленькие друзья ко мне пожаловали? — сказал дедушка. — Я вам очень рад!

Вот обида! Опять не повезло! Стоило нам только открыть дверь и войти в комнату, как дедушка уже обрадовался. Значит, нам и делать для этого ничего было не надо.

— Нет, дедушка! — воскликнула Анна. — Не говори, что ты уже обрадовался. Мы хотим сделать что-нибудь, чтобы тебя обрадовать. Ты должен помочь нам и что-нибудь придумать. Ведь фрёкен велела нам радовать людей.

— Ну, тогда вы, может быть, читаете мне газету? — сказал дедушка.

Ну конечно, почитать мы ему могли. Но что в этом замечательного? Ведь мы так часто ему читали.

Тут Анна вдруг сказала:

— Бедный дедушка, ты все время сидишь в этой комнате. Ты, наверное, обрадуешься, если мы поведем тебя на прогулку?

С виду дедушка не очень обрадовался этой выдумке, но все же обещал пойти прогуляться с на-

ми. И мы пошли. Мы с Анной взяли его под руки с двух сторон и повели его, ведь сам он не видел, куда идти. Мы прошли по Буллербю и все время болтали, рассказывали ему про то, что видели. Поднялся ветер, немножко закапал дождик, но нам было все равно, мы во что бы то ни стало решили порадовать дедушку.

Но дедушка вдруг сказал:

— А не кажется ли вам, что хватит гулять? Я хочу отдохнуть на своей постели.

Мы проводили дедушку к нему в комнату. Он сразу же разделся и лег в постель, хотя было еще рано. Анна хорошенько укрыла его. У дедушки был немного усталый вид. Перед тем как нам уйти, Анна спросила:

— Дедушка, а что тебе сегодня понравилось больше всего?

Мы думали, что он скажет: прогулка. А дедушка ответил:

— Самым приятным за весь день было завалиться наконец на свою мягкую постель. Потому что я устал и мне как-то не по себе.

Потом мы с Анной пошли учить уроки, больше радовать людей в этот день нам было некогда. Вообще-то мы не были уверены, что сумели порадовать людей. Поэтому мы решили на следующий день спросить фрёкен, как это нужно делать. Фрёкен сказала, что для этого нужно очень немного. Например, спеть песенку кому-нибудь одинокому или больному, подарить кому-нибудь цветочек, кому цветов никогда не дарили, или поговорить ласково с кем-нибудь тихим и застенчивым.

Мы с Анной решили попробовать еще раз. После обеда я услышала, как Агда говорила маме, что Кристина из Лёвнесета заболела. Я сразу побежала к Анне и сказала:

— Вот повезло нам! Кристин из Лёвнесета заболела. Пошли к ней, споем ей песню!

Кристин и в самом деле обрадовалась, увидев нас. И все же она, наверно, удивилась, что мы не принесли с собой корзинку. Ведь мы всегда приносили ей что-нибудь в корзинке. Но мы решили, что она сильно обрадуется, как только мы запоем.

— Мы тебе споем что-нибудь, Кристин, — сказали мы.

Споете? — удивилась Кристин. — А зачем? Чтобы тебя порадовать.

Вот как? Ну спойте, пожалуй, — ответила Кристин.

И мы запели на весь дом «Бургомистр Мунте». Потом спели «Бушует северный ветер», все четверо куплета. Мне не показалось, что от наших песен Кристин стало веселее. Тогда мы спели еще «Прощай, отец», «Спи, ива молодая», «В лачуге рыбак» и еще несколько песен. Но развеселить Кристин никак не могли. Мы с Анной почти охрипли, но решили продолжать петь, пока не обрадуем Кристин хорошенько. Только мы собрались спеть еще «Милая черная Сара», но тут Кристин с трудом встала с кровати и сказала:

— Ну вы пойте сколько пожелаете! А я покуда выйду.

Тогда мы с Анной решили, что хватит стараться, попрощались с Кристин и ушли.

— Может, нам лучше бы подарить кому-нибудь цветы, кому их никогда не дарили? — предложила Анна.

Мы стали думать, кому бы их подарить. И вдруг мы увидели Оскара, нашего работника, который шел в хлев. Мы догнали его, и я спросила:

— Оскар, тебе когда-нибудь дарили цветы?

— Ну уж нет, я ведь еще не умер, — ответил Оскар.

Бедняжка, он думал, что цветы дарят только на похороны. Анна радостно поглядела на меня, ведь мы уже нашли человека, которому никогда не дарили цветы. Мы тут же побежали на норргорденский выгон и нарвали букет вереска. Букет получился очень красивый, и мы понесли его в хлев. Оскар толкал тележку с навозом, чтобы выкинуть навоз на навозную кучу рядом с хлевом.

— Оскар! Мы хотим подарить тебе цветы, — сказали мы и протянули ему букет. — На!

Сначала Оскар подумал, что мы смеемся над ним, и не хотел брать букет. Но мы сказали, что он должен взять его, и он взял. Немного погодя, когда Анна и я искали убежавшего кролика и пробегали мимо навозной кучи, мы увидели на ней букет Оскара.

— По-моему, наша фрёкен ошибается, — сказала Анна.

Мы решили, что больше не будем стараться. Но к вечеру, когда мы с Анной пришли к нам в кухню, там сидел один человек. Вид у него был какой-то застенчивый. Это был Свенссон из Стуббенсета. Он хотел купить у нас поросенка. Буссе и Лассе побежали за папой, который пахал в поле.

А Свенссон сидел у нас в кухне и ждал папу. Анна отвела меня в угол и шепнула:

— Верно, ведь он какой-то застенчивый и растерянный? Может, нам попробовать еще разок? Давай поговорим с ним, подбодрим его, как советовала фрёкен.

Я согласилась. Мы с Анной можем болтать без умолку. А вот когда нужно было поговорить со Свенссоном и порадовать его, мы никак не могли придумать, что ему сказать. Я думала, думала и под конец сказала:

— Сегодня хорошая погода.

— Да, — согласился Свенссон.

Наступило молчание. Немного погодя я опять сказала:

— Хорошая была вчера погода.

— Да, — снова согласился Свенссон.

И тут во двор вошел папа, а Свенссон встал и пошел к двери. Выйдя в сени, он снова приоткрыл дверь, сунул голову в кухню и сказал, весело улыбаясь:

— А какая погода была позавчера?

— Может, мы все-таки его немножко обрадовали, — сказала Анна погода.

— Может, и обрадовали. Но только я в это больше не играю. Не собираюсь больше никого радовать.

И все-таки я это сделала. И Анна тоже. Потому что на следующий день фрёкен рассказала, что одна девочка из нашего класса, которую зовут Мэрта, долго не придет в школу. Она тяжело заболела, и ей придется лежать в постели много месяцев. Вечером я долго не могла уснуть, лежала

в постели и думала о Мэрте. И решила, что отдам ей Беллу, свою лучшую куклу. Ведь я знала, что у Мэрты нет вовсе никаких игрушек.

Утром я рассказала Анне, что решила отдать Мэрте свою куклу. Тогда Анна сбегала домой и принесла свою лучшую книжку сказок. После уроков мы побежали к Мэрте. Она лежала в постели такая бледная. Мы положили Беллу и книжку ей на одеяло и сказали, что дарим ей и куклу, и сказки. Я никогда еще не видела, чтобы кто-нибудь так обрадовался, как Мэрта. Ой-ой-ой! До чего же она обрадовалась! Она обняла Беллу и книжку и стала весело смеяться. Потом она позвала свою маму и показала ей подарки.

Когда мы вышли из дома, где живет Мэрта, я сказала Анне:

— Вот видишь, мы все-таки обрадовали чело-
века, хотя и не собирались этого делать.

Анна удивилась и ответила:

— И в самом деле обрадовали!

И добавила:

— Хорошо, что мы не стали ей петь вместо подарков. По-моему, люди больше радуются, когда им дарят куклы и книги.

— Да, по крайней мере, дети, — согласилась я.

Дедушке исполняется восемьдесят лет

В прошлое воскресенье дедушке исполнилось восемьдесят лет. В этот день мы все в Буллербю встали рано. Уже в восемь утра все мы отправи-

лись к дедушке: папа, мама, Лассе, Буссе и я, Агда и Оскар из Меллангордена, дядя Нильс, тетя Лиса, Улле и даже Черстин из Сёргордена и, ясное дело, все из Норргордена. Тетя Грета, мама Бритты и Анны, приготовила поднос с кофе и всяким вкусным угощением. А мы все принесли дедушке цветы.

Дедушка уже поднялся с постели и сидел в кресле-качалке, такой нарядный и добрый. Мы, дети, спели ему песню, а дядя Эрик сказал речь. В конце его речи были такие слова: «Ни у кого на свете нет такого папы, как у меня». Тогда дедушка заплакал, и слезы капали ему на бороду. Я тоже чуть не заплакала.

Целый день дедушка получал письма, цветы и телеграммы.

— Охо-хо, хо-хо! — повторял дедушка. — Подумать только, что люди помнят меня, старика!

А мы, дети, оставались весь день у дедушки. Нам было так интересно читать ему письма и телеграммы.

Не знаю, сколько раз за свой день рождения дедушка сказал «охо-хо, хо-хо». Он сидел молча в кресле-качалке и только иногда повторял:

— Подумать только, до чего же я стар, восемьдесят лет! Охо-хо, хо-хо!

Когда дедушка сказал это в пятый раз, Анна подбежала к нему, взяла его за руку и попросила:

— Дедушка, обещай, что ты никогда не умрешь!

Но дедушка на это ей ничего не ответил, а только похлопал Анну по щеке и сказал:

— Ах ты, дружок мой, дружок мой!

Когда дедушка получил все письма и телеграммы, мы стали читать ему газету. И надо же! В газете, в одном месте, было написано: «В воскресенье, восемнадцатого октября, исполняется восемьдесят лет бывшему владельцу усадьбы Норргорден в Буллербю Андерсу Юхану Андерссону».

Мы прочитали это дедушке, а он закивал с довольным видом и сказал:

— Вот как! Стало быть, обо мне и в газете написали? Охо-хо, хо-хо!

Правда, я никак не могла понять, что бывший владелец усадьбы Андерс Юхан Андерссон и есть дедушка. Лучше бы написали: «Дедушке из Буллербю исполняется в воскресенье восемьдесят лет».

Мы прочитали дедушке всю газету. Но он несколько раз просил нас прочитать снова про владельца усадьбы. Между прочим, в газете было написано про разные печальные вещи — про войну.

— Надо же! — сказал Буссе. — А вдруг война придет к нам и разрушит Буллербю? Как ты думаешь, дедушка?

— Ну уж нет! — ответил дедушка. — Этого не будет! Бог не позволит разорить нашу маленькую деревню. Его святая рука защитит нас.

— Я тоже на это надеюсь, — сказала Бритта. — Ведь я хочу прожить в Буллербю всю жизнь.

Мы с Бриттой и Анной здорово придумали. Мы решили, что, когда Лассе вырастет большой, он женится на Бритте. И они будут жить в Меллангордене. Буссе женится на Анне, и они поселятся в Норргордене, а Улле женится на мне, и мы ста-

нем жить в Сёргордене. И тогда мы все сможем остаться жить в Буллербю. Когда мы сидели у дедушки, то рассказали мальчикам про это. Но Лассе ответил:

— Ха! Я найду себе жену покрасивее Бритты!

А Буссе сказал, что когда он вырастет, то уедет в Америку, станет вождем индейцев и женится на индеанке. Ее имя будет Смеющаяся Вода или еще какое-нибудь в этом роде.

— Вот здорово! — заорал Лассе. — Ты будешь кричать ей: «Смеющаяся Вода, готов кофе?» или «Смеющаяся Вода, ты поставила вариться картошку?»

Но Буссе ответил, что картошку они не будут есть. Ведь Буссе не любит картошку.

Улле заявил, что он и Черстин будут жить в Сёргордене, даже когда вырастут большими.

— Хотя, если уж мне будет обязательно нужно жениться, я, может, и женюсь на Лисе. Но точно не обещаю! — добавил он.

Ну и глупые же эти мальчишки! Но мы всё равно выйдем за них замуж, хотя они этого или нет. Ведь должно же что-нибудь быть по-нашему! Я, по крайней мере, собираюсь выйти замуж за Улле. Жаль только, что у него так мало волос на голове. Но быть может, они к тому времени отрастут.

Дедушка, услышав наши разговоры, долго смеялся, а потом сказал:

— Охо-хо, хо-хо! Долго же вам еще придется ждать! И это хорошо, детство — самая счастливая пора.

Когда дедушка устал, мы пожелали ему спокойной ночи и пошли домой. На дворе была темнотища. Лассе, Буссе и я проводили Улле до самых дверей сёргорденской кухни, чтобы ему не пришлось идти одному в таком мраке.

Больше рассказывать про нас, детей из Буллербю, мне некогда. Надо ложиться спать. Ведь завтра утром мы все пойдем копать картошку. Нас для этого отпустили из школы на три дня.

Копать картошку очень даже интересно. Мы надеваем одежду похуже, а на ноги — резиновые сапоги. Иногда на картофельном поле холодно и руки у нас мерзнут. Тогда мы дуем на пальцы.

Только что я получила письмо от Анны и Бритты в ящичке из-под сигар. А в письме написано: «Послушай-ка, Лиса, мы придумали что-то интересное. Узнаешь на картофельном поле. Мы хорошенько посмеемся над мальчишками. Ха-ха-ха! Вот будет здорово! Они точно разозлятся».

Интересно, что они придумали? Ну да ладно, узнаю завтра утром.

Весело живется
в Булмербю

Меня зовут Лиса, мне девять лет, и живу я в Буллербю, что по-шведски значит «шумная деревня». Мама говорит, что наша деревня называется так потому, что здесь живут дети, которые много шумят. Просто непонятно, как это шестеро детей могут поднимать такой шум. Можно подумать, будто их, по крайней мере, в три раза больше. Но мне кажется, что самый шумный у нас Лассе. Он уж точно шумит за десятерых. И Улле с Буссе тоже помогают ему шуметь, не отстают. А Бритта, Анна и я хоть иногда сидим тихо.

Тому, кто хочет приехать к нам в Буллербю, приходится подниматься по крутым горюшкам. Поэтому что Буллербю стоит на высоком холме. Лассе говорит, что, если бы этот холм был чуть повыше, мы могли бы снимать звезды с неба обыкновенными граблями. С нашего холма открывается такой красивый вид! Правда, вокруг видишь почти один только лес. И многие приезжают поглядеть на не-

го. Как-то раз приехала к нам на машине нарядная дама с девочкой.

— Мы просто хотим полюбоваться видом отсюда, — сказала нарядная дама.

Она была такая красивая. В красном пальто и красной шляпе. И девочка ее была тоже красивая в светло-голубом платье с маленькой красной брошкой. Девочку звали Моника, и лет ей было примерно столько же, сколько мне.

Мама спросила, не хотят ли они зайти к нам в сад и выпить вишневого сока. Она велела мне поговорить с Моникой. Мне хотелось, чтобы и Бритта с Анной были сейчас здесь и помогли мне. Но их не было дома, они ушли в Стурбю. А Лассе, Буссе и Улле были дома. Но с Моникой они разговаривать не собирались. Они торчали за углом и дурачились. То и дело выглядывали оттуда и громко хохотали.

— Это твои братья? — спросила Моника.

— Буссе и Лассе братья, а Улле нет.

— А который из них Улле?

— Вон тот, у которого на голове мало волос, — ответила я.

Но тут вышел Лассе на ходулях. Я знаю, что он просто выламывался перед этой девочкой. Ходули у него такие высокие, что, стоя на них, он может заглядывать в окна верхнего этажа в нашем доме. Один раз он так и сделал, когда я сидела у себя в комнате и играла в куклы. И вдруг я увидела, что Лассе сунул голову в окошко. Он приподнял шапку и сказал:

— Здравствуйте, как вы чувствуете себя в этот прекрасный вечер?

Сначала я испугалась, потом подбежала к окну и увидела, что это Лассе стоит на ходулях. Ему тогда только что их подарили.

А сейчас он захотел пофасонить перед Моникой. Лассе стал шагать по саду на ходулях и крикнул Буссе и Улле:

— Ох, и красивый же отсюда вид!

Агда, наша горничная, как раз в это время вышла из дому, чтобы накормить свиней. Она поставила ведро с помоями возле кухонной двери. И надо же было Лассе угодить прямо в него! Ведро опрокинулось, и он шлепнулся на кучу помоев.

— У нас отсюда тоже жутко красивый вид! — засмеялся Буссе и ударил себя по коленкам.

И Моника тоже засмеялась. Лассе юркнул в пивоварню, встал под кран и открыл воду. Чуть погодя он вышел оттуда мокрый, но такой же веселый. Он отжал волосы и сказал:

— Чего только не сделаешь, чтобы развеселить людей!

Мама велела ему переодеться, и он скоро вышел уже в сухой одежде. Потом мальчики стали разговаривать с Моникой. Только не Улле, ясное дело. Улле никогда не разговаривает с незнакомыми. Но вдруг он спросил Моника:

— Хочешь посмотреть на мою сестренку?

Он побежал домой и принес Черстин. Ей всего полгода. Улле очень любит ее. И чему тут удивляться? Ведь Черстин такая хорошенькая, и, кроме нее, у него нет ни братьев, ни сестер. Улле посадил ее Монике на колени, и Черстин дернула гостью за волосы и даже выдернула несколько во-

лосков. Но Моника не рассердилась, она знала, что малыши всегда так делают.

Я стояла и смотрела на брошку Моники. А потом сказала:

- Какая красивая у тебя брошка.
- Хочешь, я тебе ее подарю?

Но я отказалась, я похвалила эту брошку вовсе не для этого.

А Моника сняла с себя брошку и положила ее мне в руку. Ее мама тоже сказала, что я могу взять брошку. Но моя мама не согласилась:

- Нет, так не годится!

И все-таки я получила эту брошку. Такой красивой брошки я никогда еще не видела! Она была усыпана маленькими красными бусинками. Теперь это моя брошка. Она лежит в коробочке у меня в комод.

Немного погодя пришли из Стурбю Бритта и Анна. Увидев на дороге автомобиль, они вытаращили глаза. Ведь машины редко приезжают к нам в Буллербю, здесь дорога кончается. К тому же она узенькая и кривая. Бритта с Анной остановились у калитки и не решались войти к нам в сад, где моя мама и мама Моники пили сок, а мы разговаривали с Моникой. Но я крикнула им:

— Что вы там стоите и пялитесь? Людей не видели, что ли?

Тогда они подошли к нам. А Моника спросила:

- А сколько всего детей в вашей деревне?
- Шесть с половиной, — ответил Лассе.

Ведь он считает, что Черстин слишком маленькая, чтобы ее считать за целого ребенка. Но Улле рассердился и сказал:

— Ты сам и есть половина!

Мы рассказали Монике, что Бритта с Анной живут в Норргордене, Лассе, Буссе и я в Меллангордене, а Улле и Черстин в Сёргордене.

— Я тоже хотела бы здесь жить, — сказала Моника.

Когда мама Моники допила сок, она села в машину, и Монике, конечно, тоже пришлось идти с ней. Ее мама еще раз полюбовалась красивым видом и спросила:

— А не надоедает вам здесь? Не скучно жить в лесу?

А мама ответила:

— Нам некогда скучать, дел слишком много.

Я подумала, что мама Моники немножко глупая. Как можно такое говорить! Вовсе у нас не скучно. Нам весело живет в Буллербю.

Потом автомобиль уехал, а Моника все время махала нам.

Я решила, что мы больше не увидим Монику. Осталась только брошка на память о ней. Я дала брошку ненадолго Бритте и Анне.

Потом мы побежали к дедушке, который живет в мансарде Норргордена. Это дедушка Анны и Бритты. Он почти слепой. Но ему всегда хочется знать все, что случается в Буллербю. И нам нужно было рассказать ему про автомобиль и про Моника. Дедушка говорит, что, если бы не мы, дети, он не знал бы, что творится на свете. Ведь всем взрослым в Буллербю вечно некогда поговорить с ним.

Мы рассказали ему всё-всё. Он хотел узнать побольше про машину. И Буссе рассказал ему всё

подробно. Дедушка подержал в руке мою брошку. Я объяснила ему, что она усыпана маленькими красными бусинками. И дедушка сказал, что он видит где-то внутри своей головы, что эта брошка красивая. Потом я рассказала ему, что мама Монники думает, будто в Буллербю скучно живется.

— Охо-хо, хо-хо! — засмеялся дедушка. — До чего же глупые люди есть на свете!

Дедушка, так же как и я, считает, что в Буллербю живется весело.

Мне дарят ягненка

Пожалуй, веселее всего у нас весной. Мы с Анной не раз говорили о том, когда нам всего веселее. Анна считает, что летом, а мне веселее весной. И, ясное дело, на Рождество, это время нам обоим нравится.

А теперь я хочу рассказать вам, что случилось прошедшей весной. У нас в Буллербю есть много овец. И каждой весной они приносят ягнят. А ягнята — самые красивые зверюшки на свете. Они лучше котят, щенят и маленьких поросят. Я думаю, они даже красивее Черстин, хотя при Улле я этого не смею сказать.

В то время когда овцы приносят ягнят, мы каждое утро бегаем в овчарню поглядеть, сколько новых крошек народилось за ночь. Когда открываешь дверь в овчарню, овцы блеют изо всех сил. А ягнятки блеют так тоненько и красиво, не то что овцы и баран. Почти каждая овца приносит двух ягнят.

Однажды утром в воскресенье я пришла в овчарню и увидела на соломе мертвого ягненка. У его мамы не было в вымени молока. Бедный, бедный ягненок! Он умер от голода! Я села на пороге овчарни и заплакала. Чуть погодя пришла Анна. Узнав про бедного ягненка, она тоже стала плакать.

— Не хочу, чтобы ягнята умирали! — сказала я папе.

— Так ведь и никто этого не хочет. И все-таки, как это ни печально, еще один ягненок должен умереть.

И он показал на ягненка, которого держал на руках. Этот хиленький ягненок был братом умершего. Его мама и ему не могла дать молока. А новорожденные ягнята могут питаться только молоком. И папа сказал, что поэтому придется забить брата подошедшего ягненка, чтобы он тоже не умер от голода. Мы с Анной заплакали еще громче. Просто ужас, как сильно мы плакали!

— Я *не хочу*, чтобы ягнята умирали! — закричала я и бросилась на землю.

Тогда папа поднял меня и сказал:

— Не плачь, Лиса! Попробуй кормить этого ягненка из соски, если хочешь. Как маленького ребенка.

Ах, как я обрадовалась! Ну просто я никогда еще так не радовалась! Я не знала, что можно кормить ягнят как грудных детей. Папа сказал, чтобы я сильно не надеялась, что это может и не получиться. Он думал, что ягненок все равно умрет, но позволил нам попробовать его спасти.

Мы с Анной побежали к тете Лисе, маме Улле, и попросили ее дать нам бутылку с соской, из которой пила Черстин, когда была совсем маленькая. Потом мы вернулись к папе.

— Папа, можно, мы дадим этому бедняжке немного сливок?

Но папа объяснил, что от сливок у ягненка заболит живот. Его нужно поить молоком пополам с водой. Он помог мне смешать молоко с водой, и мы нагрели бутылку в горячей воде. Потом я сунула соску ягненку в рот. И подумать только, он сразу же начал ее сосать. Видно было, что он сильно проголодался.

— Ну вот, — сказал папа, — теперь ты приемная мама этому ягненку. Но его надо кормить и рано утром, и поздно вечером. Смотри, а вдруг тебе это надоест?

Анна сказала, что если мне надоест, то она с удовольствием будет кормить этого ягненка.

Но я ответила:

— Ха-ха! И не думай, что мне надоест кормить ягнят!

Я назвала ягненка Понтусом, и папа сказал, что теперь это мой собственный ягненок. Хорошо, что все это случилось до того, как Буссе и Лассе в то воскресное утро проснулись. А не то они бы стали спорить из-за Понтуса.

— Надо же, — рассердился Лассе, — нельзя выспаться хорошенько утром. Тут же Лиса забирает себе ягненка.

Ему стало завидно, что Понтус достался не ему.

В первые дни все ребятишки в Буллербю приходили смотреть, как я кормлю Понтуса. Но скоро им всем это надоело.

Просто удивительно, какой аппетит у этих ягнят! Кажется, будто они все время голодные. Каждое утро, перед тем как идти в школу, я бегала в овчарню и кормила Понтуса. Увидев меня, он бежал ко мне, подрагивая коротким хвостиком, и так ласково блеял. Он был весь беленький, а на мордочке — маленькое черное пятнышко, по которому его можно было отличать от других ягнят. Агда кормила его раз в день, когда я была в школе. Но как только я приходила домой, сразу снова кормила его. И поздно вечером опять ходила кормить его.

Как-то раз я попросила Анну покормить Понтуса, но она ответила:

— Покормлю завтра! Сегодня мне некогда.

Но я обещала папе, что мне не надоест ухаживать за Понтусом, и мне в самом деле не надоело. Ведь я его очень полюбила. Больше всего мне Понтус нравился за то, что он так радовался, когда я приходила в овчарню. Он, наверно, думал, что я его настоящая мама. Я спросила Буссе и Лассе, считают ли они, что Понтус думает, будто я его настоящая мама. А Лассе ответил:

— Ясное дело, думает, что ты его мама. Ведь ты точь-в-точь овца!

Однажды папа велел мне попробовать приучить Понтуса пить из ведерка.

— Ведь нельзя же поить его из соски, покуда он не станет большим бараном.

Бедный Понтус, он никак не мог понять, зачем я сунула ему под нос ведерко. Он не знал, как из него пьют. Он слегка толкал меня мордочкой, ища соску, и жалобно блеял.

Буссе стоял рядом и смотрел на ягненка.

— Ну пей же молоко-то! — сказал он. — Какой ты глупый! Сунь в ведро морду и пей!

Я разозлилась на Буссе.

— И вовсе Понтус не глупый! — возразила я. — Ты ничего не понимаешь в ягнятах.

Но Понтус только нюхал молоко, блеял и очень расстраивался.

Во всяком случае, я понимаю в ягнятах больше, чем Буссе. И я придумала, как его научить! Я сунула руку в молоко, — правда, при этом оно немного расплескалось.

Понтус стал сосать мои пальцы. Но однажды утром, когда ягненок сильно проголодался, он не стал ждать, чтобы я опустила руку в молоко, а сунул мордочку в молоко и стал пить. И у него это прекрасно получилось. После этого ему уже не надо было сосать мои пальцы. Мне даже жалко было, ведь он так забавно сосал их.

Когда весной стало тепло, овец выпустили пастись на выгон. Ягнятам нужно было научиться щипать траву. Но молоко им тоже нужно было пить. И я каждый день ходила на выгон и носила ведерко с молоком. Я подходила к воротам и во все горло кричала: «Понтус!» И тут далеко, в конце выгона, раздавалось негромкое «бе-е-е!...». И Понтус мчался ко мне, махая коротеньким хвостиком.

Теперь Понтус уже большой, и молока я ему не даю. Он ест траву и с хрустом грызет листики. Он очень умный, и из него выйдет большущий красивый баран.

Кто знает, может, у меня еще будут в жизни ягнята. А может, собаки, кошки или кролики. Но такого хорошенького, как Понтус, у меня никогда не будет. Никогда-никогда я не буду никого так сильно любить, как Понтуса.

Понтус ходит в школу

Чтобы подразнить меня, Лассе все время говорил:

— Уж во всяком случае, лучше иметь собаку, чем ягненка.

И Улле с ним, ясное дело, соглашался. Ведь у Улле у самого есть собака по кличке Свип.

— Что там говорить, конечно, собака лучше.

— А почему же это, позвольте спросить? — ответила я.

— Ха! Собаку можно всегда брать с собой. Куда ты идешь, туда и она.

— А твой Понтус только и знает, что топтаться на выгоне, — съехидничал Лассе.

— А ягненок все равно красивее, чем собака, — поддержала меня Анна.

— Какая польза от того, что он топчется на выгоне? — засмеялся Лассе.

Обо всем этом мы болтали однажды по дороге домой из школы.

На следующее утро я, как всегда, пошла на выгон и позвала Понтуса. Он прибежал, такой славненький, такой хорошенький. Ну прямо так бы его и съела! «Я не променяю его и на тысячу собак!» — подумала я. И еще кое о чем подумала я: «Как жаль, что он все время торчит тут, на овечьем выгоне, и никто, кроме меня, не видит, какой он хорошенький!»

Иногда Свип бежит за Улле до самой школы. Поэтому-то Улле и говорит, что собака повсюду идет за хозяином. Один раз фрёкен позволила Свипу войти в класс и лечь возле парты Улле.

Да, хорошо Свипу! А бедному Понтусу приходится все время торчать на овечьем выгоне. Он стоял и пил молоко из ведерка, а я думала о том, какой вредный Лассе и как несправедливо, что собакам можно везде ходить, а ягнятам нет. И когда Понтус допил молоко, я решила позволить ему идти со мной в школу. «Ну что, съел?» — скажу я тогда Лассе.

Наша школа находится в Стурбю. Идти туда довольно далеко, и мы, все ребята из Буллербю, ходим туда вместе. Мне трудно успеть собраться вовремя по утрам. Ведь сначала я должна сбегать на выгон и напоить Понтуса. И в то утро, когда я собралась взять Понтуса с собой в школу, все ребята стояли возле калитки Улле и ждали меня.

— Не копайся, Лиса! — крикнула Бритта. — А не то опоздаем!

Тут я повернулась к Понтусу и крикнула ему:

— Не копайся, Понтус, а не то мы опоздаем!

Ну и удивились же они все — Лассе, Буссе, Бритта, Анна и Улле, увидев Понтуса! Просто рты поразевали!

— Куда?.. — спросил Лассе. — Он-то куда намылился?

— В школу, — ответила я. — Может, тогда вы перестанете говорить, будто одних только собак можно повсюду брать с собой.

Ребята просто ахнули.

— Может, ты сегодня не в себе, Лиса? — спросил Лассе.

— А папа с мамой знают про это? — добавил Буссе.

Тут я немножко испугалась. Ведь об этом-то я и не подумала раньше. Но Анна хлопнула в ладоши и засмеялась.

— Если собакам можно ходить в школу, почему ягнятам нельзя? — спросила она.

Вот и я тоже так думала! И вдруг Лассе весело улыбнулся и сказал:

— Пускай идет с нами! Хотя фрёкен, верно, грохнется в обморок!

И мы потопали вниз под горку. А Понтус пошел за нами. То и дело он останавливался, как будто сомневался, хорошо ли он поступает. Но стоило мне крикнуть: «Понтус!» — как он отвечал: «бе-е-е!» и бежал ко мне. Вот умный барашек!

В это утро мы шли в школу дольше, чем всегда, и опоздали. Звонок уже прозвенел, и дети вошли в класс. В Стурбю и Буллербю детей немного, и мы все сидим в одном школьном зале. И учительница у нас одна, хотя мы учимся в разных классах.

Карабкаясь по школьной лестнице, Понтус спотыкался, и мне приходилось помогать ему немножко.

— Может, ему еще рано учиться, — съехидничал Лассе.

Несколько лет назад, когда Лассе только начал ходить в школу, он ни минутки не мог сидеть спокойно. И фрёкен сказала, что ему еще рано учиться. Она отослала его домой и велела приходить на следующий год. Она сказала, что ему лучше еще с годик посидеть дома и поиграть. Он, ясное дело, об этом не забыл. Потому и сказал так про Понтуса.

Бритта постучалась в дверь, и мы вошли в зал.

— Простите нас за опоздание, — сказала она.

И тут Улле принялся хихикать. Кроме Улле, мы все стояли молча, а Улле хихикал так, будто его щекотали.

— Что это тебе, Улле, так весело сегодня? — спросила фрёкен.

Понтус стоял позади нас, и никто его не видел. Но вдруг послышалось «бе-е-е...», и Понтус сунул голову в класс. Все дети, сидя за партами, прямо-таки подпрыгнули. И фрёкен, между прочим, тоже.

— Это что еще такое? — спросила она. — Никак вы ягненка сюда привели?

— Лиса... — начал было Буссе, но замолчал, думая, что фрёкен рассердится на меня.

Я тоже немножко испугалась.

— Мы сейчас проходим домашних животных, — довольно тихо сказала я. — Так я думала...

— Что ты думала? — снова спросила фрёкен.

— Что хорошо поглядеть на живого ягненка.

Правда, это я придумала только теперь.

Фрёкен громко засмеялась, и все дети тоже. Но громче всех смеялся Улле. У него даже что-то бурлило в горле.

Потом мы подвели Понтуса к доске. И все дети по очереди гладили его. Мы почитали в учебнике про овец, и я рассказала, как я выкормила Понтуса из рожка. Всем он очень понравился, и мы спели ему:

Белая овечка, бе... бе...
Дашь ли шерсти мне?

Мне показалось, что Понтусу надоел весь этот шум, что ему захотелось обратно на пастбище. Хотя он стоял послушно возле моей парты целый час. Правда, не все время. Иногда он немножко подпрыгивал и блеял. И каждый раз Улле принимался хохотать. Он клал голову на крышку парты и заливался так, что другие начинали смеяться.

В хорошую, теплую погоду мы на переменках сидим на школьном крыльце и едим бутерброды. И на этот раз мы пошли завтракать на крыльцо. У меня, как всегда, была с собой бутылка молока. Фрёкен дала мне ведро, и я напоила Понтуса молоком. Все ребята смотрели с интересом, как Понтус пьет. А Анна отлила мне половину своего молока.

Потом Понтус стал бегать по школьному двору и даже попробовал было щипать ботву морковки, которая только что начала пробиваться у фрёкен на грядках. Но я выгнала его с огорода и велела успокоиться и потерпеть до дома, когда он будет пастись на выгоне.

После уроков, когда мы снова собрались идти домой, Лассе сказал:

— Завтра мы будем проходить крупный рогатый скот. Вот будет интересно! Я приведу в школу быка.

Улле стал смеяться до икоты.

— Правда, быку будет тесновато стоять возле парты, — добавил Лассе.

Но фрёкен не велела нам больше приводить в школу животных. Хотя это и полезно, когда изучаешь живую природу.

— Но это все-таки неудобно, — добавила она.

— Да, подумать только, ведь мы будем проходить крокодила! — воскликнула Анна.

Тут Улле так захохотал, что прямо взвыл и, заливаясь смехом, с трудом выговорил:

— Ну тогда я приведу с собой крокодила!

По дороге домой Понтус устал, и мы по очереди тащили его, поднимаясь по горюшкам. Потом все вместе пошли на пастбище и выпустили его. Никогда еще я не видела, чтобы ягненок так весело скакал, как Понтус в тот раз. Он помчался галопом к другим овцам и блеял на весь выгон.

— Да, видно, в школу ходить ему еще рано! — сказал Лассе.

По дороге из школы домой

Нам, ребятам из Буллербю, всегда весело идти из школы домой. По дороге мы болтаем о том, что было в школе. Иногда мы даже рассказываем сказки или говорим о том, что станем делать, когда вырастем большими, или еще о чем-нибудь.

А иногда садимся немножко отдохнуть у дороги, влезаем на дерево или идем по ограде, а не по дороге. Это чтобы не было скучно.

Мама никак не поймет, почему в школу мы идем в два раза быстрее, чем из школы. Я и сама этого не пойму. Это и в самом деле странно. Но так уж у нас получается. Тут уж ничего не поделаешь.

Один раз, прошлой весной, мы пришли домой так поздно, что мама сказала:

— А ну расскажи мне, что вы делали по дороге из школы!

И я рассказала ей. А дело было так: сначала мы пошли в магазин в Стурбю и купили для дедушки постный сахар. Дедушка его очень любит, и мы охотно покупаем ему этот сахар. Дедушка держит его в угловом шкафу у себя в комнате и каждый раз угощает нас. И вот Бритта купила пакетик постного сахара. Нам всем хотелось его попробовать, но она не дала нам ни кусочка, а положила пакетик в свой ранец и сказала:

— Если шесть человек попробуют этот сахар, дедушке достанется один пустой пакетик.

— Нет, пробовать мы не будем, — согласился Лассе. — Давайте-ка лучше пойдем поскорее домой, пока не случилось беды!

И мы пошли домой. Но Буссе страшно любит карамельки и вообще всякие сладости. Он сказал:

— Ох, если бы у меня была корона! Я бы на всю корону купил карамелек.

— Но ведь у тебя кроны нет. Случайно! — съехидничала Анна.

— Нет, но ведь можно найти ее, — ответил Буссе. — Случайно!

— Интересно, как ты найдешь ее? — засмеялась Бритта. — Ведь ты вечно идешь, задрав голову. А нужно, по крайней мере, смотреть на землю.

И Буссе решил смотреть на землю. Он прошел не больше пяти-десяти метров, как нашел крону. Вот чудеса-то! Может, все-таки есть на свете гномы, которые подслушивают чужие желания и рассыпают на дороге кроны. Эта крона лежала как раз на развилке дорог, ну там, где начинается дорога в Буллербю.

Сначала Буссе остановился и уставился на эту крону, будто не верил своим глазам. Потом он взял ее, помчался в магазин и купил на всю крону карAMEЛЕК. Как и говорил раньше. А мы ждали его у развилки дорог. Когда он вернулся, то угостил нас всех карAMEЛЬКАМИ.

— Подумать только! Как легко находить монеты! — сказал Буссе. — Сколько же денег я прошляпил!

Теперь мы все стали смотреть на дорогу. Лассе сказал:

— Эх, была бы у меня крона!

Он думал, что, может, гном и ему даст крону. Но крона ему все не попадалась. Тогда он снова сказал:

— Эх, найти бы мне пятьдесят эре!

Но и пятидесяти эре он все не находил. Сдаваться ему все же не хотелось, и он опять крикнул:

— Эх, найти бы десятиэровую монетку!

Десять эре он тоже не отыскал и сердито рывкнул:

— Ну уж одно-то эре я всяко найду, вот увидите!

Но он ничего не нашел. И остальные тоже не нашли. Один только Буссе нашел тогда кро-ну, а кроме него, никто так и не нашел ничегошеньки.

Буссе всю дорогу угощал нас карамельками. Под конец он придумал соревнование — кто дольше продержит во рту карамельку, пока она не растает. Наверно, он выдумал это, чтобы мы не очень быстро съели его карамельки. Но нам понравилось это соревнование. Мы взяли в рот по конфетке и сосали ее как можно медленнее. Немного погодя мы встали в кружок и высунули языки, чтобы сравнить карамельки, но почти ни у кого карамельки уже не осталось. Мы стояли на полпути к дому, напротив дома сапожника. Сапожник высунул голову в кухонное окно и крикнул:

— А ну, у кого из вас есть в башке хоть капля ума? Отнесите Агде туфли с подбитыми каблуками!

Мы поскорее спрятали языки, чтобы он не увидел, как мы соревнуемся. И все-таки Бритта выиграла конфетное соревнование. А Лассе взял туфли Агды и сунул их в свой ранец.

Потом Улле придумал соревнование, кто дольше не будет дышать. И мы стали соревноваться. Но только когда, на всякий случай, отошли подальше от дома сапожника. Ведь он, наверно, опять скажет, что мы дураки: стоим посреди дороги и не дышим.

Мы не дышали долго. Я после сказала маме, что мы, ясное дело, не из-за этого пришли поздно домой. Но все-таки немножко и из-за этого. Ведь мы не дышали довольно долго. Лассе уверял нас, что он выиграл. Но Улле сказал:

— А вот и нет, у Буссе лицо сильнее посинело!

Тогда Лассе предложил:

— Давайте поспорим, кто дальше плюнет. Только без девчонок! Они в плевании слабаки.

Мы с Бриттой и Анной рассердились. Мы можем плевать не хуже мальчишек. Бритта сказала, что, если мальчишки не примут нас в игру по плеванию, она не позовет их завтра на свой день рождения. И они нас приняли. Но выиграл, понятно, Лассе. Хотя Анна переплюнула и Улле, и Буссе.

У сапожника есть лужайка, которую весной затопляет. Она становится похожей на маленькое озеро. А на лужайке лежит большущий камень. Весной он походит на островок. Мы поравнялись с лужайкой сапожника и остановились, чтобы немножко отдохнуть.

— Мне охота забраться на этот камень, — сказал Лассе.

Мы все закричали, что нам тоже охота. Тогда Лассе вытащил несколько жердей из изгороди и приложил их к камню вместо моста. И мы перелезли на этот камень. Лассе полез первым. Погода стояла теплая, солнечная, и сидеть на этом камне, греясь на солнышке, было здорово.

— Вот бы поесть чего-нибудь! — сказала Анна.

Но еды у нас не было. Карамельки мы уже съели. Тут Лассе поглядел в свой ранец. Там ле-

жали туфли Агды и еще бутерброд с сыром, который он не смог съесть на перемене.

Понарошку камень у нас был корабль, плывущий в море наугад, а мы — матросы. И все мы умрем от голода, если не подоспеет помощь. Лассе поделил бутерброд с сыром на шесть одинаковых кусочков и сказал:

— Друзья! Это все, что у нас осталось. Впереди голодная смерть. Но будьте стойкими, как ваш капитан!

Капитаном был, понятно, он сам. Потом он сказал, что у нас нет воды. Что это самое страшное и мы умрем от жажды.

Тогда Буссе крикнул:

— Да ты что! Вся лужайка полна воды, хоть залейся!

А Лассе сказал, что Буссе ничего не соображает. Что вокруг нашего корабля вода соленая, и он застрелит каждого, кто попробует пить эту воду. Ведь тот, кто выпьет соленой воды, сразу спятит. Он лег на камень и притворился, будто он бредит от голода и жажды. А Буссе сказал:

— Видно, он все-таки напился соленой воды!

Тут Лассе встал на колени, стиснул руки и заорал:

— На помощь! Помогите!

Он орал так громко, что эхо повторяло его слова. Нам даже страшно стало. И кто же примчался нам на помощь? Конечно, сапожник. Он решил, что мы взаправду зовем на помощь.

— Сумели туда забраться, чертовы дети, сами и выбирайтесь! — крикнул он, злой, как оса.

Но он все-таки побежал по воде, перетаскал нас по одному и пошвырял на сушу. Хотя на нем были резиновые сапоги, он ругал нас все время. Но все-таки с его стороны было очень любезно спасать нас. Вообще-то это нам вовсе было не надо. Правда, мы об этом не посмели ему сказать.

Мы поскорее пошли домой, а он кричал нам вслед, что эти сопляки из Буллербю надоели ему до смерти. И чтобы мы больше не смели дотрагиваться до жердей в его изгороди.

Мы прошли уже большой кусок дороги, как вдруг я взглянула на ранец Лассе и спросила:

— А куда ты дел туфли Агды?

Лассе растерялся. Он сказал, что туфли, ясное дело, остались на камне. Он положил их на камень, когда доставал бутерброд с сыром. Мы все вернулись, не хотели, чтобы Лассе возвращался один.

И в самом деле, туфли лежали на камне, завернутые в газету. Погода была теплая, солнышко пригревало, и Лассе сказал, что можно снять башмаки и идти к камню вброд. Так мы и сделали. Вода была вовсе не такая уж холодная. Мы придумали, будто это не камень, а разбитый корабль, а мы пираты и хотим захватить несметное сокровище — туфли Агды. Но на корабле, понятно, было полно других пиратов, охранявших сокровище. И мы, бегая по воде, стреляли в них. Лассе, наш предводитель, первым вскарабкался на корабль, а мы за ним, с ножами в зубах. Ну, ясное дело, вместо ножей мы держали в зубах палочки. Под конец мы все уже были на камне. И Лассе, размахивая туфлями Агды над головой, закричал:

— Вот она, наша добыча! Смерть каждому, кто посмеет приблизиться к нам!

И тут появился сапожник. Это он «приблизился» к нам. Мне даже стало жаль его, бедняжку. Ведь, увидев нас, он понял, что напрасно спасал нас. Он разинул рот и долго не мог сказать ни словечка. А мы молча сидели на камне. Но под конец сапожник опомнился.

— Убирайтесь отсюда! — заорал он. — Убирайтесь, покуда целы!

И мы плюхнулись с камня в воду, побежали по дороге, быстро надели чулки и башмаки и со всех ног пустились наутек. А сапожник кричал нам вслед:

— Неужели вам мало места озоровать в Булербю?

Тут мы пошли домой. И больше не останавливались. Ну разве что разок поглазели на птичье гнездо. Буссе знал одно дерево, на котором есть гнездо. Мы забрались на это дерево и поглядели на него. Там лежали четыре маленьких голубых яичка. У Буссе в коллекции есть такие яички. Но Буссе говорит, что птичьи гнезда и яйца надо беречь. И мы посмотрели осторожно. Ну, здесь мы задержались ненадолго.

Хотя, когда я все это рассказала маме, она сказала:

— Теперь я понимаю, что вам никак невозможно прийти домой из школы раньше пяти часов.

А Лассе пошел к Агде и пообещал ей, что на другой день принесет ей туфли с новыми набойками.

— Ты не беспокойся, — сказал он. — Я спрятал их в надежном месте. За ночь они никуда не денут-

ся. Они лежат на разбитом корабле, и их караулят морские разбойники. И еще злющий сапожник.

У Улле шатается зуб

Один раз на уроке фрёкен спросила Улле:

— Улле, ты почему это держишь пальцы во рту?

Улле застеснялся и ответил:

— У меня зуб шатается.

— Тогда вытащи его, когда придешь домой. А сейчас у нас урок арифметики. Завтра мы все поглядим на дырку, которая у тебя будет вместо зуба.

Улле испугался. Он считает, что вытаскивать зуб страшно, даже если он сильно шатается. Я тоже так думаю.

— Ерунда! — говорит папа. — Вытащить маленький молочный зуб вовсе не больно.

Может, это и не очень больно, но все равно страшно. За каждый зуб, который папа у нас вытаскивает, он платит нам по десять эре. Понятно, он вытаскивает только те зубы, которые шатаются, но с нас и этого хватает. Мне кажется, постоянно у кого-нибудь из нас зуб шатается. Вот Буссе ни сколько не боится, когда у него тащат зуб. Тогда нечего ему и давать за каждый зуб по десять эре. Он просто привязывает к зубу толстую нитку, потом «дерг» головой, и зуба нет. А папа всё равно дает ему десять эре — за храбрость.

А Улле, бедняжка, боится рвать зубы. По дороге домой мы пощупали его зуб. Он в самом деле шатался.

— Да я тебе его запросто выдерну, — пообещал Буссе.

— Так я тебе и позволю! — ответил Улле.

Он всю дорогу шел, опустив голову, и почти всё время молчал.

— Да брось ты расстраиваться из-за этого зуба, ерунда это и больше ничего, — сказала я.

Ведь страшно, только когда у тебя самой зуб шатается, а у другого — это пустяки.

— Я знаю, что надо делать, — заявил Лассе. — Когда мы придем домой, ты привяжешь к зубу толстую нитку, а другой конец нитки привяжешь к изгороди. А я раскалю докрасна железную кочергу и махну ею прямо у тебя под носом. Ты испугаешься и отпрыгнешь назад. И зуб повиснет на нитке!

— Я покажу тебе кочергу! — разозлился Улле. Ему это предложение вовсе не понравилось.

Но когда мы пришли домой, он все-таки привязал нитку к зубу и сказал, что будет понемножку дергать ее, чтобы зуб все больше расшатывался. Ведь как-то ему все-таки нужно было избавиться от этого зуба. Ведь фрёкен сказала, что поглядит завтра на дырку, где сидит зуб. Мне думается, он из-за этого больше всего расстраивается. Что ему обязательно нужно прийти на другой день в школу без этого зуба.

Анна, чтобы утешить его, сказала:

— Эх, да что там! Может, фрёкен и забудет завтра про твой зуб.

Хотя Анна не хуже Улле знала, что наша фрёкен почти никогда ничего не забывает. Лассе говорит, что люди с хорошей памятью опасны.

Мы поиграли на дороге в лапту. Весной по вечерам мы в лапту играем часто. А у Улле изо рта все время висела длинная черная толстая нитка. Так смешно было смотреть, как он бегал с этой ниткой! Иногда он, понятно, забывал про свой зуб, про нитку и про всю эту историю. Тогда он смеялся и разговаривал с нами, как всегда. Но потом вдруг снова хмурился, становился каким-то странным, осторожно дергал за нитку и вздыхал.

Под конец Лассе сказал ему:

— Уже семь вечера, а ты всё еще не выдернул зуб. Может, все-таки попробуем с кочергой, а?

А Буссе попросил показать ему зуб еще раз и объяснил:

— Да ты, видно, чокнулся! Он держится всего лишь на тонюсенькой полосочке кожи. Дерни его, и все дела!

При этих словах Улле вздрогнул. Ведь это особенно больно.

Когда нам надоело играть в лапту, мы пошли к дедушке и рассказали ему, что у Улле шатается зуб.

— Ему надо вытащить этот зуб сегодня вечером. Потому что фрёкен завтра поглядит на дырку, где он сидел.

Услышав это, Улле чуть не заплакал.

— Охо-хо, хо-хо! — воскликнул дедушка. — Ох, эти зубы! Когда я был маленький...

— Да, дедушка, расскажи, что ты делал, когда был маленьким, — попросила Анна и забралась ему на колени.

И дедушка рассказал, что, когда он был маленький, у него один раз целый месяц болел зуб.

Пришлось ему идти к кузнецу и просить вырвать зуб. В ту пору у них в приходе зубного врача не было. Кузнец взял большие щипцы, которыми вытаскивают гвозди из лошадиных подков, и вырвал у дедушки зуб. Дедушке было ужасно больно. А когда он вернулся домой, зуб заболел еще сильнее. Оказалось, что кузнец по ошибке вытащил здоровый зуб. После зуб у дедушки болел еще целый месяц. Но он боялся снова идти к кузнецу, ведь тащить коренной зуб простыми кузнечными щипцами очень больно. Но под конец зуб у него до того разболелся, что пришлось всё же опять идти к кузнецу. На этот раз кузнец вырвал больной зуб. Но ему пришлось прямо-таки повиснуть на щипцах, потому что у зуба очень большие корни и сидел он крепко.

— Бедный ты, дедушка, — сказал Улле.

Но я подумала, что Улле считает, будто вырвать его зуб так же страшно, как тот дедушкин, хотя у его зуба и вовсе не было корней.

— Подумать только, дедушка, ты тоже был маленьким и боялся, когда у тебя рвали зубы, — сказала Анна.

— Охо-хо, хо-хо, давно это было, — ответил дедушка. — Теперь у меня осталось всего три зуба, и они вот-вот вывалятся сами один за другим.

— И тебе больше не надо бояться, — обрадовалась Анна.

— Да, дружок, теперь-то уж мне нечего больше бояться.

Он пошел к угловому шкафу и достал для нас постный сахар. Он дал нам по кусочку и сказал:

— Не ешьте постный сахар! От него только зубы будут болеть! Охо-хо, хо-хо!

Мы пожелали дедушке спокойной ночи и ушли.

— Ну, как ты будешь избавляться от своего зуба? — спросил Лассе. — Он что, у тебя будет торчать, пока ты не состаришься, как дедушка?

Улле, понятно, разозлился.

— Он что, тебе мешает? — ответил он. — Мой это зуб или нет?

— Ну а когда ты его вытащишь? — спросила Бритта.

Улле подергал чуть-чуть нитку и ответил:

— Завтра утром. Может быть.

Потом он, бедняжка, побежал домой. И тут Лассе сказал:

— Жаль Улле. Но я знаю, что делать. Когда он уснет, я заберусь к нему и вытащу зуб.

— Ну уж нет, — удивились мы. — Это ты не сможешь сделать.

— Еще как смогу. Зубной врач Ларс Эрикссон удаляет зубы под общим наркозом, — сказал он, скорчив рожу.

Тут мы сказали, что хотим на это поглядеть. Мы побежали в комнату Буссе и Лассе и стали ждать.

Все три дома в Буллербю стоят очень близко друг от друга. От Сёргордена, где живет Улле, до Меллангордена, где мы живем, всего несколько метров. Между этими двумя домами растет липа. Лассе, Буссе и Улле всегда перелезают друг к другу в гости по этой липе. Комната Улле находится как раз напротив комнаты Буссе и Лассе, где мы сидели и ждали.

Мы слышали, как Улле с чем-то возился в своей комнате. Под конец Лассе крикнул:

— Эй, Улле, ты не собираешься, что ли, ложиться спать?

— Ложись сам!.. — крикнул ему в ответ Улле.

— Мы с Буссе уже легли! — соврал Лассе.

Мы тихонько хихикнули. Ведь они лежали в одежде на полу.

— Тебе что, не спится? — крикнул Буссе немного погодя.

Мы надеялись, что Улле уже по крайней мере лег в постель.

— Погаси свет, Улле! — снова крикнул Лассе.

— Гаси сам! — ответил Улле.

И Лассе погасил свет. Мы сидели в темноте и ждали. Немного погодя Улле погасил свет.

— Хоть бы он скорее уснул, — сказала Анна, зевая. — А не то я сама усну.

Тут в ветках липы послышался шорох. Это лез Улле. Мы с Бриттой и Анной быстро спрятались в шкафу, а Буссе и Лассе бросились на кровати, натянув одеяла на голову.

— Послушай, Буссе, — сказал Улле, сунув голову в окно. — Может, я завтра заболею и не пойду в школу. Тогда вы меня не ждите.

— Заболеешь? — удивился Лассе. — С чего бы это? Если будешь вовремя ложиться спать, будешь здоров, как сто коров.

— У меня живот болит, — ответил Улле и полез назад в свою комнату.

Я была уверена, что у него заболел живот от страха.

Мы ждали долго-долго. Под конец так захотели спать, что глаза сами закрывались.

— Ну, теперь уж он, поди, уснул, — сказал Лассе и полез по липе.

— Ты не спишь? — тихонько спросил он Улле.

— Нет, сплю, — ответил Улле.

Пришлось нам еще немного подождать. Под конец Лассе решил перебраться к Улле в комнату и поглядеть, заснул он или нет. Ведь если он не заснул, то, значит, заболел. Тогда Лассе поехал бы за докторами.

Лассе взял фонарик и полез по веткам липы, стараясь не шуметь. Мы полезли за ним. Он влез к Улле в комнату и посветил фонариком. Улле спал, а изо рта у него торчала нитка. Ох, как я испугалась, ведь я знаю, как страшно рвать зубы! А вдруг ему будет очень больно и он начнет кричать? И что он скажет, увидев, что мы все стоим у него в комнате?

Лассе схватил нитку и сказал:

Раз, два, три, пали,
на четыре говори,
а на пять жду опять,
а на шесть дело есть!

На слове «есть» он дернул нитку. Зуб вырвался и стал болтаться на нитке. А Улле даже не проснулся, а только пробормотал во сне:

— У меня живот болит...

Буссе попытался разбудить его, но не смог. Лассе сказал, что это даже хорошо. Пусть подумает, что зуб у него изо рта вырвало привидение. Лассе привязал нитку к лампе на потолке, и зуб

знай себе болтался. Улле сразу увидит его, как проснется утром. Вот обрадуется-то!

На другое утро живот у Улле вовсе не болел. Он, как всегда, стоял у калитки и ждал нас. Он засмеялся, и во рту у него мы увидали между верхними зубами большую дырку.

— Это ты, Лассе, вырвал зуб? — спросил он.

И мы рассказали ему, что тоже были у него в комнате. А Улле засмеялся. Когда мы сказали ему, что он говорил во сне, Улле захохотал еще громче. Он так радовался, что даже подпрыгивал по дороге в школу. И поддавал ногой все камни на дороге. А потом сказал:

— Вообще-то, не так уж трудно вырвать зуб.

— Легко, если под наркозом, — ответил Лассе.

И мы решили рвать друг другу зубы по ночам. Ну, ясное дело, те, которые шатаются.

Когда мы пришли в школу, Улле первым делом подошел к фрёкен, разинул рот и сказал:

— Поглядите, фрёкен, а я вырвал зуб.

— По правде говоря, это я его вырвал, — пробормотал Лассе, сидя за партой. Но фрёкен его не услышала.

Мы с Анной сами не знаем, что делаем

Мы с Анной нашли одно место за пивоварней, там, где растут первые голубые подснежники. И потом у нас еще есть другое место, где растет гусиный лук. А белых подснежников у нас на выгонах

полно, все полянки ими усыпаны. Мы рвем гусиный лук, голубые и белые подснежники. Если держать под носом букетик цветов и нюхать их, то, даже закрыв глаза, знаешь, что пришла весна.

У нас с Анной есть еще одно весеннее местечко — глубокая канава. У нас там есть два ящика из-под сахара, и мы сидим на них. Вокруг нас бурлит вода, а мы не мокнем. Ну, мокнем, но не очень. Вдоль канавы растет черемуха. Кусты черемухи густые-густые, и мы будто сидим в зеленой комнате. Мы забираемся туда довольно часто. Мне это место очень нравится, особенно когда черемуха цветет, солнце светит, а в канаве бурлит вода. А вот Бритта этого не понимает. Один раз, нынче весной, когда мы с Анной там сидели, Бритта сунула в кусты голову, увидела нас в канаве и спросила:

— А что вы тут делаете?

Мы с Анной поглядели друг на дружку и подумали: «Мы сами не знаем, что делаем».

Мы и вправду не знали. А Бритта пошла и сказала, мол, раз не знаешь сама, что делаешь, то и делать это ни к чему. Лучше заняться чем-нибудь другим. Но мы с Анной остались там, хотя и не знали, что делаем.

У нас в канаве растет первоцвет и золотой цветень¹. Я придумала, будто я — принцесса Гульпудра. Тогда Анна сказала, что она — принцесса Гульвива.

¹ Первоцвет весенний по-шведски — Гульвива, а золотой цветень — Гульпудра.

— Добро пожаловать в мой зеленый дворец, — сказала я.

— Пожалуйте вы в мой зеленый дворец, — подхватила Анна.

Мы начали спорить, чей этот зеленый дворец. Но я придумала, что Гульпудра и Гульвива — сестры-близнецы и живут каждая в своем крыле дворца.

Ах, зеленый мой дворец,
ах, бурливая река, —

сказала Анна голосом, каким она говорит, когда мы с ней играем. И я тоже сказала:

Ах, зеленый мой дворец,
ах, бурливая река, —

и воткнула в волосы веточку черемухи. Тогда Анна тоже воткнула веточку себе в волосы.

— Ах вы, белые цветы, — сказала я. И думала, что Анна скажет то же самое. Но она сказала:

— Ах вы, мои белые-белые... кролики.

— Какие кролики? — спросила я.

— Мои заколдованные кролики, — ответила Анна.

Она сказала, что у нее в зеленом дворце есть золотая клетка, в которой живут два маленьких заколдованных кролика.

— Ха-ха! — подразнила она меня. — А у тебя таких нет.

Но тут я увидела маленькую лягушку, которая сидела на краю канавы, и сказала:

— Ах ты, моя волшебная лягушка!

И поймала лягушку. Ведь все знают, что почти все лягушки — заколдованные принцы. Ну, ясное

дело, в сказках. И Анна это знала. Она позавидовала моей лягушке.

— Ой, дай мне ее немножко подержать, — попросила Анна.

— Держи своих белых кроликов, — ответила я.

Но Анна стала клянчить, чтобы я дала ей хоть на минутку подержать лягушку. И я позволила.

— Подумать только, а вдруг это в самом деле заколдованный принц? — сказала Анна.

— Это черемуха тебе в голову ударила, — ответила я.

Но тут я призадумалась. Может, у меня тоже голова закружилась. Ведь нагретые солнцем цветы черемухи так сильно пахли. И я вдруг подумала: кто знает, может, это и в самом деле заколдованный принц? Ведь в то время, когда были заколдованные принцы, жили и обыкновенные лягушки, вовсе никак не принцы. И тогда, может быть, какого-нибудь заколдованного принца нарочно оставили, чтобы люди думали, будто он лягушка. И если ни одна принцесса не захотела поцеловать его, он так и остался лягушкой навсегда. Даже после того, как все сказки кончились. И его, бедняжку, забыли здесь, у нас, в Буллербю, в канаве. Я спросила Анну, верит ли она в это, и она поверила.

— А раз так, — сказала я, — нам остается только одно. Мы должны поцеловать его, чтобы расколдовать.

— Фу, тви вале?¹ — воскликнула Анна.

¹ Так всегда восклицают сказочные скандинавские тролли.

Тогда я сказала, что если в прежние времена принцессы были так же трусливы и глупы, как она, то и сегодня в наших канавах, наверно, полным-полно заколдованных принцев.

— Но ведь мы не настоящие принцессы, — попробовала увильнуть Анна.

— Все равно нужно попытаться, — сказала я. — Если мы попробуем вдвоем, может, и получится.

— Давай ты первая, принцесса Гульльпудра, — предложила Анна и сунула мне «заколдованного принца».

Я держала его в руке, смотрела на него и не решалась поцеловать. Меня чуть-чуть тошнило. Но ничего поделать я уже не могла.

И вдруг я кое-что придумала:

— Анна, не забудь, что лягушка эта — моя, если это и в самом деле заколдованный принц.

— Что ты этим хочешь сказать? — спросила Анна.

— Ну, что ему достанется принцесса и полководства.

Тут Анна рассердилась:

— Ну уж нет! Если я тоже помогу ему и поцелую, он такой же мой, как и твой. Выбирай сама.

Тогда я решила, что принц сам выберет принцессу, Гульльпудру или Гульльвиу, и сказала:

Раз, два, три, пали,
на четыре говори,
а на пять жди опять,
а на шесть дело есть!

И, зажмурив глаза, я поцеловала лягушку.

— Видно, этот принц очень сильно заколдован, раз не расколдовался. Я, пожалуй, не буду его целовать, — сказала Анна.

— Нечего увиливать, — рассердилась я. — Пожалуйста, принцесса Гулльвива!

Она взяла лягушку и быстро-быстро чмокнула ее. Анна так торопилась, что уронила ее в канаву. И лягушка запрыгала прочь.

— Ну и свинья же ты! — сказала я. — Не видать нам теперь заколдованного принца!

— Знаешь, наверное, только настоящие принцессы могут расколдовать такого уродца, — решила Анна.

И тут в кустах послышался громкий хохот. Там стояли Бритта, Лассе, Буссе и Улле. Они всё видели и слышали.

— Поглядите-ка! — воскликнула Бритта. — Они сидят и сами не знают, что делают.

А Лассе поднял глаза к небу и, кривляясь, сказал:

Ах, зелёный мой дворец,
ах, бурливая река,
ах вы, белые цветы!

— Ах, мои белые-белые кролики! — добавил Буссе.

— И лягушке достались королевство и половина принцессы! — крикнул Улле и даже согнулся от смеха.

Тогда Анна взяла пустую банку из-под анчоусов, которая была у нас в канаве, и плеснула водой прямо Лассе в ухо.

— Да, да, мы с Анной сами не знаем, что делаем, — сказала я.

Шкатулка мудрецов

Улле так берег свой зуб, который вытащил Лас-се, как будто это был золотой слиток. Он носил его в кармане, в спичечном коробке и то и дело вынимал и разглядывал его.

Два дня спустя у Буссе тоже зашатался зуб. Раньше он всегда сам быстренько вытаскивал у себя больные зубы. Но теперь он вбил себе в голову, что этот зуб ему должны вырвать во сне. Поэтому он вечером, перед тем как лечь спать, привязал к зубу толстую нитку, а другой конец нитки привязал к дверной ручке. Когда Агда пришла утром будить мальчиков, она рванула дверь, и зуб выскочил. И Агде не пришлось даже будить Буссе, он сам проснулся.

— Надо же, — сказал Буссе в тот день по дороге в школу, — до чего же они занятные, эти зубы.

Он тоже положил свой зуб в спичечный коробок и стал сравнивать свой зуб с зубом Улле. Лас-се стало завидно, что у него нет выдернутого зуба. И он сказал:

— Интересно, куда я задевал свой коренной зуб, который у меня вырвал зубной врач в прошлом году, когда он приезжал в Стурбю?

Вечером он перерыл весь свой ящик письменного стола и нашел кучу полезных вещей, которые

считал потерянными навсегда. В ящичке из-под сигар лежало несколько каштанов, пустые ружейные патроны, ломаный свисток, ломаный карманный фонарик и коренной зуб Лассе. Зуб был тоже ломаный. Наверное, поэтому и пришлось его вытаскивать. Лассе поглядел на все свои ломаные вещи и сказал, что починит их, когда будет время. Но зуб уже, конечно, починить было нельзя. Его он положил в спичечный коробок. Весь вечер Лассе, Буссе и Улле только и делали, что бренчали, как чокнутые, спичечными коробками. Даже в лапту не хотели играть. А мы — Бритта, Анна и я — играли в классы и не обращали на них внимания.

— Мне так надоели они со своими вырванными зубами, — сказала Бритта, — что я скоро выплюну свои собственные.

И тут пришли мальчишки. До этого они долго сидели в комнате Буссе и Лассе. Вид у них был очень хитрый.

— Не говорите девчонкам, что вы делаете, — сказал Лассе.

— Как раз здорово было бы рассказать им об этом! — воскликнул Буссе.

— Ни за что на свете, — сказал Улле.

Мы с Бриттой и Анной просто лопались от любопытства. Но у нас хватило ума промолчать.

— Твой черед, Анна, — напомнила я.

И мы продолжали старательно скакать, делая вид, что нам это вовсе не интересно.

Лассе, Буссе и Улле уселись на обочине дороги и стали на нас смотреть.

— А ты хорошо *это* спрятал? — спросил Буссе у Лассе.

— Будь спок, — ответил Лассе. — Шкатулку мудрецов нужно прятать в надежном месте.

— Ясное дело, — согласился Улле. — А не то девчонки найдут ее, вот будет беда!

Лассе скорчил такую рожу, будто беды хуже и быть не могло.

— Ты что, Улле? — рявкнул он. — Такое даже и говорить-то страшно! А вдруг девчонки схватили бы это?.. Ой-ой-ой!..

— Теперь твой черед, Лиса, — сказала Бритта.

И мы продолжали играть в классы, как будто не слышали ни словечка про Шкатулку мудрецов.

Тогда мальчишки ушли. Они шли по дороге, все трое в ряд. А Анна показала на них пальцем и прошептала:

— Погляди, вот идут мудрецы! Ха-ха!

И мы захохотали как сумасшедшие. Лассе обернулся и сказал:

— Хорошо, что у вас веселое настроение, хотя есть вещи, про которые вы, бедняги, не знаете!

И тут мы решили разведать все про Шкатулку мудрецов. Мы поняли, что это новая выдумка мальчишек, но все равно захотели узнать, что за шкатулка.

Мальчики отправились на пастбище покататься на Свее, нашей черной кобыле. А мы пошли в комнату Буссе и Лассе. И стали искать. Ох, до чего же старательно мы искали! Но нелегко найти Шкатулку мудрецов, если даже не знаешь, как она выглядит. Мы поискали в ящиках письменного

стола, на полках, под кроватями, в шкафу, в печке и везде на чердаке. Но Шкатулку мудрецов нигде не нашли.

Мы искали изо всех сил, когда вдруг услышали, как хлопнула дверь на чердачной лестнице.

Ох, и заторопились же мы тогда! На чердаке у нас висит куча одежды. Мы спрятались за одеждой и притаились, как мыши.

— Давайте поглядим на нее еще разок, — предложил Буссе.

— Сперва надо узнать, куда подевались девчонки. Может, они играют в свои дурацкие куклы у Лисы в комнате? — сказал Лассе.

— Да ну! Тогда бы мы слышали, как они там возятся, — не согласился Улле. — Они, поди, в Норргордене. Доставай шкатулку.

Мы не смели шевельнуться. Я боялась чихнуть или рассмеяться. Мне казалось, что Лассе идет прямо на меня. Ой! Я чуть не умерла от страха! Но он остановился, нагнулся и что-то достал — я не могла разглядеть, что именно. Анна подтолкнула меня. И я подтолкнула Анну.

— Мудрецы! Поклянитесь не выдавать тайну! — сказал Лассе.

— А что мы должны говорить? — спросил Буссе.

Он не умеет придумывать ничего такого интересного, как мы с Лассе. Но Улле сказал:

— Клянемся никогда не выдавать тайник!

— Клянитесь, что не позволите неверным захватить Шкатулку мудрецов! — велел Лассе.

Неверными они, ясное дело, считали Бритту, Анну и меня. Я снова подтолкнула Анну.

Буссе и Улле поклялись, что никогда не позволят неверным захватить шкатулку.

— Если только неверные посмеют захватить ее, из нее выйдет тайная сила, — сказал Лассе.

Ах, до чего же мне хотелось увидеть эту несчастную шкатулку, но мальчишки стояли, заслонив ее. Под конец Лассе снова запрятал ее под неприбитую доску. И они снова потопали вниз по чердачной лестнице.

Мы не дремали. Как только дверь чердачной лестницы хлопнула, мы кинулись поднимать эту доску. И под ней лежала эта, с позволения сказать, Шкатулка мудрецов. Это был всего лишь старый ящичек из-под сигар, валявшийся раньше у Лассе в письменном столе. На крышке было большими буквами написано: «ШКАТУЛКА МУДРЕЦОВ» и нарисован череп.

— Открой ее поскорее, Бритта! Погляди, что у них там такого замечательного! — велела Анна.

И мы открыли ее. Анна и я чуть ли не сунули головы в эту шкатулку. Но мы ничего там не увидели, кроме трех маленьких белых зубов. Два были совсем маленькие, а один чуть побольше. Вот и все, что лежало в Шкатулке мудрецов.

— Иногда мне кажется, — сказала Бритта, — что у мальчишек в голове винтиков не хватает.

У нашей горничной Агды есть комод на чердаке. Мама не велела ни под каким видом лазить в этот комод. Но Агда очень добрая. Она не раз вынимала из своего комода разные красивые вещи и показывала их нам. У нее есть маленькая розовая подушка для иголок, обшитая кружевами, много кра-

сивых открыток с цветами, флакон духов, которые так вкусно пахнут, и браслет, почти что золотой... и еще... да, так много всего, что и не перечислить.

Когда в прошлом году в Стурбю приезжал зубной врач, он вставил Агде новые зубы. Он сказал, что таких безобразных вставных зубов, которые у нее были раньше, он в жизни не видел и что такой симпатичной женщине нужны зубы покрасивее. Но Агда не выбросила старые зубы. Она сказала мне, что, может быть, станет иногда по будним дням надевать их. Ну, хотя бы в плохую погоду, чтобы сберечь подольше новые.

— Кормить свиней да доить коров годится и со старыми зубами.

Но старые зубы ей надоели, ведь новые гораздо красивее. Агде нравится Оскар, наш работник, и ей хочется выглядеть красивой и по будням.

Старые зубы Агда хранила в верхнем ящичке комода, я это знала. И сейчас мне в голову пришла хорошая мысль.

— Знаете, что мы сделаем? — предложила я Бритте и Анне. — Положим вставные зубы Агды в Шкатулку мудрецов. Если у трех маленьких зубов есть таинственная сила, то у целой челюсти и подавно!

Бритта и Анна очень обрадовались моей выдумке. Бритта сказала, что это гораздо лучше, чем просто утащить Шкатулку мудрецов. Ведь когда мальчишки придумывают такие глупости, нужно показать им, что мы не принимаем их всерьез. Она сказала, что девочки не могут играть с ними в такие глупые игры.

Мы положили вставные зубы Агды в ящичек из-под сигар и поставили его на место. Потом мы пошли поглядеть, что делают мальчишки. Они играли в шарики. Мы сели у обочины и стали смотреть.

— Вот как, мудрецы играют вечером в шарики! — сказала Бритта.

Они не ответили. У Лассе были полные руки шариков. Тогда я добавила:

— По-моему, в Шкатулке мудрецов очень удобно хранить шарики.

Они опять не ответили. Но Лассе тяжело вздохнул. Видно, считал, что неверные вовсе погупели.

— А что ж вы не рассказываете нам про Шкатулку мудрецов? — спросила Анна и толкнула Лассе в бок.

Лассе ответил, что девчонкам ему рассказывать нечего. Шкатулка мудрецов полна тайной силы. С ее помощью можно делать чудеса. Он сказал также, что шкатулка спрятана в тайнике, который мы не сможем никогда, никогда, никогда найти. Только тайное братство знает, где она находится. А иначе шкатулка потеряет силу.

— А тайное братство — это ты, Буссе и Улле? — спросила Бритта.

Лассе промолчал с таинственным видом. А Бритта, Анна и я громко засмеялись.

— Видно, их злит, что они не знают, где ящи... где Шкатулка мудрецов, — сказал Буссе.

— Ясное дело, у вас в шкафу, — ответила Бритта с хитрой улыбкой.

— А вот и нет, — ответил Буссе.

— Вот как? Тогда, наверное, под отломанной доской в полу чердака, — сказала Анна.

— А вот и не угадала! — в один голос крикнули Лассе, Буссе и Улле.

Но ах, до чего же они испугались! Им сразу расхотелось играть в шарiki.

— Давай, Буссе, пойдем поглядим на твою коллекцию птичьих яиц, — предложил Лассе.

Поглядеть на коллекцию! Он думал, что нас так легко обмануть! Мы поняли, что они отправились спасать Шкатулку мудрецов.

— На коллекцию яиц? — удивился недогадливый Буссе. — Да вы уже видели ее много раз.

Но тут Лассе с такой злостью поглядел на него, что он наконец понял.

— Ну что ж, ясное дело, можно поглядеть на птичьи яйца, — согласился Буссе, сооротив хитрую рожицу.

И мальчики пошли. Медленно, чтобы мы не догадались ни о чем. Но мы даром времени не теряли. Мы помчались к маме Улле и сказали, что нам надо кое-что взять у Улле в комнате. А сами перелезли по веткам липы в комнату Буссе и Лассе, оттуда шмыгнули на чердак и спрятались за одеждой. Мы успели как раз вовремя. Мальчики, топая, поднимались по чердачной лестнице.

— Как ты думаешь, почему Анна сказала про чердачный пол? — спросил Буссе.

— Шшшшш... — шикнул на него Лассе. — Это она ляпнула наугад. Но все-таки лучше перепрятать Шкатулку мудрецов в другое место.

Лассе поднял доску, но нам ничего не было видно, потому что мальчишки загораживали шкатулку.

— Открой-ка ее, я хочу взглянуть на свой зуб, — попросил Улле.

— А я на свой, — добавил Буссе.

— Слушайте, мудрецы, — сказал Лассе, — неверные никогда не увидят то, что спрятано в этой шкатулке. Это можем видеть только мы.

Тут мальчишки замолчали, и мы поняли, что они открыли крышку. Потом они, наверно, увидели зубы Агды, потому что раздался громкий вой. А мы выскочили из-за одежды и засмеялись во все горло. А я сказала:

— Видно, вы набрались такой тайной силы, что вам хватит ее на целый год!

Тогда Лассе бросил зубы Агды на пол и сказал, что лучше бы девчонок не было на свете, раз они всё только портят.

А Анна попросила:

— Милый Лассе, сделай, пожалуйста, хоть маленькое чудо с сигарным ящичком.

— Никак вы на взбучку напрашиваетесь, а? — рявкнул Лассе.

Но потом Лассе, Буссе и Улле побросали свои зубы, и мы все пошли играть в лапту.

Лассе ловит зубров

Кое в чем я завидую Бритте и Анне. Во-первых, из-за дедушки. Правда, дедушка говорит, что, если бы у нас, в Буллербю, было еще больше детей,

он всем им был бы дедушкой. Но тогда Анна добавляет:

— Да, может, так и было бы. Но по-правдашнему, по-правдашнему-то ты только мне дедушка. Ну и, ясное дело, Бритте тоже!

И когда мы приходим к дедушке читать газету, Анна всегда сидит у него на коленях и он все время называет ее «мой дружок». Не пойму, как он может отличать Анну от нас остальных, ведь он почти слепой. Но он может. Ведь Анна не волосатая, как Исав¹. Папе Исава было легко различать своих детей, ведь один из них был волосатый, а другой нет. Но дедушка, по-моему, в самом деле молодец, ведь Анна ни капельки не волосатая. Вообще-то он добр ко всем нам. Так что пусть себе называет Анну своим «дружочком».

У Бритты и Анны есть еще и озеро. Этому я тоже завидую. Стоит только пробежать через коровий выгон, как попадаешь к Норргорденскому озеру. Летом мы там купаемся. Там очень хороший песчаный берег. Один раз, когда мы поссорились, Анна сказала, что не позволяет мне купаться в их озеро. А мама Анны разрешила мне там купаться сколько угодно. Она сказала, что так написано в законе и что Анна не может мне запретить купаться, как бы мы ни ссорились. Между прочим, мы почти всегда не ссоримся.

На другом берегу озера нет пляжа. Там крутая гора. Мне, по крайней мере, кажется, что она кру-

¹ Персонаж из Библии, сын Исаака и Ревекки, брат Иакова. На древнееврейском «Исав» означает «волосатый, лохматый».

тая. Хотя Лассе говорит, что ее не сравнить со Скалистыми горами. Понарошку мы называем высокий берег Норргорденского озера Скалистыми горами. Иногда мы берем норргорденскую лодку и гребем к этому берегу.

Лассе говорит, что скалы и валуны в Скалистых горах набросал когда-то великан. Это было очень давно, когда на свете еще не было людей. И Буллербю не было. Я рада, что меня тогда не было на свете. Когда не было Буллербю. Потому что тогда нам негде было бы жить. Лассе говорит, что тогда мы бы жили в пещере в наших Скалистых горах. Там и в самом деле есть хорошая пещера под двумя большими скалами.

У нас есть сосна, к которой мы всегда привязываем лодку, когда причаливаем к тому берегу. Потом мы карабкаемся по горе. Но не где попало. У нас есть особенные места, где есть за что ухватиться, когда поднимаешься. И там карабкаться вовсе не так уж трудно. Там есть ущелье, ну такая щель, мы называем ее Царапиной на носу. Потому что она такая узкая, что, когда лезешь по ней, обязательно оцарапаешь нос. Но через нее нужно пролезть обязательно, потому что это единственный путь. А еще нужно пролезть по скале с очень узеньким выступом. Эту скалу мы называем Соплеломом. Лассе говорит, что когда Буссе один раз свалился с нее, то сломал себе соплю. Буссе обещает за это вранье вздуть Лассе и говорит, что он чуть не сломал руку. Но скалу мы все равно зовем Соплеломом. А самое опасное место у нас называется Рука Мертвеца. Лассе говорит, что ес-

ли с нее сверзишься, то поедешь домой на тачке. А если пройдешь все эти опасные места, попадаешь на самую вершину. А если потом пройти немножко в сторону леса, придешь к пещере. Мы называем ее Громовой пещерой.

Нынче весной, в воскресенье, незадолго до каникул, мы отправились на экскурсию в Скалистые горы. Мы пошли на целый день и взяли с собой еду.

Лассе, как всегда, привязал лодку к нашей сосне. И мы начали подъем. По дороге мы болтали о том, что́ интереснее: лазать по деревьям или по горам. И решили, что все-таки чуть-чуть приятнее лазать по горам. Мы нашли еще новое место и назвали его Подожди Живот. Потому что, пролезая через него, нужно поджимать живот. Правда, не то чтобы это место было новое. Мы здесь и раньше пролезали. Но тогда не знали, что оно называется Подожди Живот.

Когда мы полезли по Руке Мертвеца, у меня по коже побежали мурашки, было чуть страшновато. Хорошо, что мама не видела Руки Мертвеца, а не то она ни за что не позволила бы нам лазать по Скалистым горам. Лассе посмотрел вниз и сказал:

— Кто собирается свалиться здесь, пусть поднимет руку или ногу!

Но никто из нас не мог поднять ни руку, ни ногу. Руки и ноги нам нужны были, чтобы цепляться за скалу и двигаться вперед. Но никто не свалился, и скоро мы очутились в Громовой пещере.

Рядом с Громовой пещерой была красивая полянка. Мы уселись на ней и разложили свою еду.

На дальних прогулках всегда хочется есть. Мы проголодались быстро и решили подкрепиться. У нас были с собой оладьи с вареньем. Мне кажется, штук сто, не меньше. А еще молоко, сок и печенье. Улле прихватил с собой пальты¹. Целых шесть штук, по пальту на каждого. Но холодные пальты нам есть не хотелось, ведь у нас было так много оладьев. У Анны с Бриттой остался только один кренделек. И его съел Буссе, ведь ему страшно хотелось съесть его. Он у нас большой сладкоежка.

Улле немножко рассердился из-за того, что никто не хотел есть его пальты. Бритте стало жаль его, и она сказала:

— Я тебе дам кренделек, Буссе. Но сначала ты должен съесть пальты Улле.

Буссе был уже сыт, но все же стал жевать пальт. Потому что ему очень хотелось, чтобы последний кренделек достался ему. Первый пальт он слопал быстро. Второй тоже уплел с легкостью. Хотя немножко медленнее. Принимаясь за третий, он вздохнул. Но Бритта держала кренделек у него перед носом, и он третий пальт все-таки умял. Потом взял четвертый, надкусил его и сказал:

— Четверое уже не лезет!

— Эх ты, чучело! — засмеялся Лассе. — Не «четверое», а четвертый.

— Я так объелся, что забыл все слова на свете, — ответил Буссе.

¹ Национальная шведская еда, кровяной хлебец (сорт колбасы).

Анна запрыгала вокруг Буссе на одной ноге и закричала:

Раз, два, три, пали,
на четыре говори,
а на пять жди опять,
а на шесть дело есть!

— Мне кажется, дело у меня сейчас будет, вот-вот обделаюсь, — сказал Буссе и отказался доедать пальты.

— Но кренделек я тебе все равно дам, — решила Бритта.

Но Буссе ответил, что он никогда не будет есть крендельки и уж ни за что на свете не возьмет в рот пальт.

Потом мы пошли в пещеру. Лассе сказал, что в каменном веке здесь жили люди. Ух, до чего же здесь было холодно зимой этим беднягам! Между скалами были большие щели, куда ветер наметал снег.

Бритта придумала игру, будто мы — люди каменного века. Лассе сказал, что это хорошая мысль, что он, Буссе и Улле будут ловить зубров и приручать их. А Бритта, Анна и я будем сидеть дома, в пещере, и варить еду. Вот еще выдумал! Во что бы мы ни играли, мальчишкам всегда выпадает делать что-нибудь интересное, а мы должны только обед варить и всякое такое. Но Бритта сказала, что мы можем наломать веток, подмести пол в пещере, воткнуть в щели березовые веточки, сделать там поуютнее.

А Лассе сказал:

— Делайте что хотите! Всякую там ерунду! Пошли, ребята, ловить зубров!

Но Буссе до того объелся пальтами, что был не в силах ловить никаких зубров.

— Тогда оставайся дома, в пещере, лупи женщин и детей, — велел ему Лассе. — Главное, займись каким-нибудь делом.

— Пусть только попробует нас тронуть! — сказала Бритта.

Но Буссе так наелся, что улегся на траву у входа в пещеру и лежал все время, покуда Лассе и Улле охотились на зубров, а мы с Анной и Бриттой подметали пещеру. Потом вернулись Лассе и Улле. Они примчались с диким воем. Лассе объяснил, что это значит: охота была удачная. Лассе вообще у нас любит поорать. Но такого дикого воя и рева я от него еще не слышала. Он сказал, что это первобытный вой. Что в каменном веке первобытные люди так выли во время охоты на зубров. Он принялся бессовестно хвастаться, какая опасная была охота и как много зубров он поймал. Хотя мы не увидели ни одного.

Тут пошел дождь, и мы уселись в пещере. Там было очень здорово. Небо сильно потемнело, и мы думали, что в этот день оно уже не прояснится. Но вдруг из-за тучи выглянуло солнце. Мы вышли из пещеры на берег озера и поглядели на красивый остров, который лежит посреди Норргорденского озера. Солнце освещало скалу на нашем пляже, где мы так часто загораем. И Лассе сказал:

— А что, если поплыть туда и искупаться?

Всего три дня назад мы спросили маму, скоро ли нам можно будет купаться.

— Нет, купаться еще слишком рано. Придется вам немного подождать!

— Ведь мы уже немного подождали, — решил Лассе.

Мы сели в лодку и поплыли к острову, потом разделись на нашем пляже и побежали наперегонки купаться. Первым в воду вошел Буссе. Пальты уже улеглись у него в желудке.

Вода была ужасно холодная, и мы все быстро выскочили обратно на берег. И тут, на берегу, нас встретил злой норргорденский баран. Он стоял, нагнув свои страшные большие рога. Норргорденского барана нельзя выпускать на выгон вместе со всеми овцами. Он перепрыгивает через изгороди и бодает всех, кто попадется ему на пути. Весной он пасется один на острове. Везти его туда очень трудно. Дядя Эрик, папа и дядя Нильс вместе связывают ему ноги веревкой, кладут его в норргорденскую лодку, дядя Эрик плывет на остров и выпускает барана.

Баран стоял на берегу и тарасил на нас глаза. Мы очень удивились, потому что забыли про него. Барана этого зовут Ульрик.

— Ой, надо же! — крикнула Анна. — Я совсем забыла про Ульрика!

Мне думается, Ульрику очень обидно, что его связывают и кладут в лодку на виду у всех его жен и ягнят. Может, поэтому он такой злой. И к тому же, наверно, скучно ходить по острову совсем одному.

Сейчас он, видно, был злее, чем всегда. Он нагнул голову и, мотая ею во все стороны, пошел на нас. Сначала он бросился на Улле и боднул его, сбив с ног. Улле вскочил и помчался во всю прыть. И мы все тоже пустились наутек. Буссе, Анна и Бритта забрались на высокий камень, Улле и я вскарабкались на дерево, а Лассе спрятался за кустом.

Я крикнула Лассе:

— Ты у нас мастер ловить зубров! Вот тебе один почти что зубр. Покажи, как ты его ловишь!

Но Лассе не посмел ответить. Он стоял за кустом и молчал, чтобы Ульрик не нашел его.

Ульрик разозлился, что ему не удалось хорошенько забодать нас. Он стоял под деревом, на котором мы с Улле сидели, и бодал кору так, что крошки летели во все стороны. Когда это не помогло, он подошел к камню, на который забрались Буссе, Бритта и Анна. Баран встал у камня и злобно уставился на них.

— Чего пялишься? — спросила Анна.

Тут мы стали думать, как нам оттуда выбраться. Похоже было, что Ульрику не надоест караулить нас.

— Жаль, что у нас нет при себе пальты! — пожалел Буссе.

Оставшиеся пальты мы спрятали в Громовой пещере и забыли взять их с собой. А теперь, когда Буссе вспомнил про пальты, мы все почувствовали, что проголодались.

— Ты что, заснул там, за кустом? — крикнул Улле.

Тогда Лассе высунул из-за куста голову и огляделся. Он решил прокрасться к камню, на котором

сидели Буссе, Анна и Бритта. Лучше бы он этого не делал. Потому что Ульрик прямо-таки подпрыгнул от радости и помчался за Лассе. Лассе с криком побежал. Страшно было смотреть, как Лассе бегаёт вокруг можжевельового куста, а за ним скачет Ульрик.

— Беги, Лассе, беги! — крикнула Анна.

— А я что делаю? — крикнул в ответ Лассе.

Один раз Ульрик сбил Лассе с ног, и тогда мы все завопили не хуже первобытных людей. Ульрик немного испугался нашего крика. Лассе вскочил и побежал дальше. Ульрик пустился его догонять. Мы заорали ещё громче, но это не помогло.

На острове есть старый сеновал. Крыша у него дырявая, и сена там больше нет. Дверь сеновала была распахнута. Лассе вбежал туда, Ульрик за ним. Я заплакала и сказала:

— Теперь Ульрик забодает Лассе до смерти в этом сарае.

Но тут мы увидели Лассе. Он вылез в дыру на крышу, спрыгнул вниз, подбежал к двери, запер ее и крикнул:

— Зубр пойман!

И только тогда мы осмелились спуститься с камня. Потом мы все залезли на крышу сарая и поглядели в дыру на Ульрика. Лассе плюнул на него и сказал:

— Тьфу на тебя, страшила!

А я добавила:

— Хоть бы только мой Понтус никогда не превратился в такого старого злого барана!

Потом мы решили, что нам пора домой. Лассе велел всем нам сесть в лодку. Чтобы потом самому

открыть дверь сеновала, бежать к берегу и прыгнуть в лодку, прежде чем Ульрик сообразит, в чем дело.

— Ведь нельзя же оставить его взаперти, чтобы он умер с голоду, — объяснил Лассе. — Пусть даже этот Ульрик злой и глупый.

И мы послушались Лассе. Мы всегда его слушаемся.

Когда мы отчалили от острова, Ульрик стоял на берегу и смотрел нам вслед. Вид у него был такой, будто он очень жалеет, что мы уплыли.

— Ну что, может, поймать для вас еще парочку зубров? Вы только скажите! — похвастался Лассе.

Но нам в этот день не нужны были больше никакие зубры. Мы устали, проголодались и мечтали поскорее вернуться домой.

— Я спрошу у мамы, нет ли у нас дома пальтов? — сказал Буссе.

Праздник лета в Буллербю

Может, Анна и права, что лето все-таки самое хорошее время. Хотя мне нравится ходить в школу. И когда фрёкен после экзаменов говорит нам «до свидания», я каждый раз чуть не плачу, зная, что долго ее не увижу. Но скоро я это забываю. Потому что ведь летние каникулы все-таки замечательное время!

В первый вечер летних каникул мы чаще всего ходим на Норргорденское озеро ловить рыбу. Удиль рыбу, по-моему, самое-пресамое летнее занятие. Мы все сделали для себя удочки из длин-

ных хлыстов орешника. Но блесны, поплавки, грузила и крючки у нас настоящие, мы купили их в магазине в Стурбю.

Первый вечер летних каникул Лассе называет Большим Рыболовным вечером. Там, на берегу, есть небольшая горушка, вот на ней мы и сидим, когда ловим рыбу. Мы назвали ее Окуневой горушкой. Анна говорит, что мы дали ей такое прозвище потому, что не поймали там ни одного окуня. Всё, что мы приносим оттуда домой, — волдыри от комариных укусов. Но вот в прошлый раз Буссе вытащил там большого окуня, а Бритта двух маленьких.

А мы с Анной, когда пришли домой в этот вечер, сели на кухонное крыльцо и стали считать комариные укусы. На правой ноге их у меня было четырнадцать, а на левой пять. А у Анны по девять на каждой ноге.

— Можно сочинить такую задачку, — предложила Анна, — написать ее на бумажке и отдать фрёкен: «Если у Лисы четырнадцать комариных укусов на одной ноге и пять на другой, а у Анны по девять на каждой, у кого больше укусов и сколько всего укусов у них обеих?»

Но тут мы вспомнили, что у нас летние каникулы. При чем же тогда арифметика?! И мы стали просто чесать искусанные ноги и весело болтать. Так мы просидели, пока не пришло время ложиться спать. Ой, до чего же хорошо летом!

А сейчас я расскажу, как мы праздновали день летнего солнцестояния¹. На лужайке в Сёргордене

¹ 24 июня.

поставили майский шест. Все в Буллербю помогали его ставить. Сначала мы поехали в лес на телеге, на которой возят сено, и наломали зеленых веток для майского шеста. Папа правил лошадьми. Даже Черстин разрешили поехать с нами. Она была очень этому рада и все время смеялась. Улле дал ей маленькую веточку, она сидела и махала ею. А Улле спел ей старинную песню:

Ехала Черстин в карете золотой,
В руке золотой кнут держала,
Кнутом золотым погоняла коней,
Проходим с улыбкой кивала.

Вообще-то мы все пели. Агда тоже рвала с нами ветки и пела:

Вот снова лето
и солнца свет.
Цветут цветы на лужайке...

А Лассе пел эту песню по-своему:

Вот снова лето
и солнца свет.
В лесу наклали коровы.

И в самом деле в лесу было полно коровьих лепешек. Но петь о них было вовсе ни к чему.

Вернувшись из леса, Агда, Бритта, Анна и я наломали целые охапки сирени, которая растет у нас за дровяным сараем, и отнесли их на Сёргорден, где Оскар и Калле уже обстрогали майский шест. Калле — работник в Норргордене. Мы украсили шест ветками и привязали к нему два больших венка из сирени. Потом мы поставили

шест и стали танцевать вокруг него. Дядя Эрик, папа Анны, хорошо играет на гармонии. Он сыграл много красивых песен, а мы все танцевали. Кроме дедушки и Черстин. Дедушка сидел на стуле и слушал. А Черстин сначала сидела у него на коленях. Она никак не хотела перестать дергать дедушку за бороду. Тогда папа Черстин подошел, посадил ее к себе на плечи и стал вместе с ней танцевать. Бедный дедушка не мог танцевать. Но он, кажется, вовсе не расстроился из-за этого, а только сказал:

— Охо-хо, хо-хо! Давненько не танцевал я вокруг майского столба!

А потом мы все пили кофе на лужайке. Кофе нам сварили тетя Грета и тетя Лиса. Понятно, мы пили его с булочками и с печеньем. Дедушка выпил три чашки. Ведь он очень любит кофе.

— Да уж, кофейку я непременно должен выпить!

Я-то сама вовсе не люблю кофе. Но когда пьешь его на зеленой лужайке в летний праздник, он кажется вкуснее, чем всегда.

Мы пили кофе, а в лесу так красиво пела птица. Буссе сказал, что это пел черный дрозд. Мне нравятся черные дрозды.

Мы играли в горелки и в разные другие игры. Здорово играть вместе с папами и мамами! Конечно, не каждый день. Но в летний праздник с ними даже веселее играть. Мы играли, а Свип с лаем бегал за нами. Наверно, ему тоже было весело.

В этот вечер нам разрешили ложиться спать когда захотим. Агда сказала, что если перелезть

через девять изгородей, прежде чем ляжешь спать, и положить под подушку девять разных цветков, то увидишь вещий сон. Приснится девушке жених, а парню невеста.

Мы с Бриттой и Анной решили попробовать перелезть через девять изгородей, хотя уже знали, за кого выйдем замуж. Я выйду за Улле, Бритта за Лассе, а Анна за Буссе.

— Ты что, перелезешь через девять изгородей? — спросил Лассе Бритту. — Вот и хорошо, перелезай. И сделай так, пожалуйста, чтобы тебе приснился не я, а кто-нибудь другой. Хотя я и не верю в такую чепуху. Но кто знает, вдруг это поможет?!

— Да уж, будем надеяться, — сказал Буссе.

— Точно, будем надеяться, — повторил Улле.

Ведь мальчишки дураки и не хотят на нас жениться.

Агда сказала, что перелезть через изгороди надо тихонько, не разговаривать и не смеяться.

— Ну тогда тебе, Лиса, лучше сейчас же ложиться спать, — засмеялся Лассе.

— Это почему же? — спросила я.

— Да потому, что через девять изгородей за две минуты не перелезешь. А ты дольше двух минут молчать не можешь. Разве только не считать, когда ты болела свинкой.

Мы не стали слушать мальчишек и пошли перелезать через ограды.

Мы начали с ограды на Сёргорденской лужайке и попали в лиственный лес рядом с ней. Ой, как странно в лесу вечером! Было еще не очень темно,

просто сумрачно. И так тихо, ведь птицы перестали щебетать. А как хорошо пахли деревья и цветы! Мы сорвали по цветочку. Я вот никак не могу понять, почему так хочется смеяться, когда смеяться нельзя. Как только мы перелезли первую изгородь, тут и началось. Да еще эти Буссе, Лассе и Улле увязались за нами и стали нас смешить.

— Не вляпайтесь в коровьи лепешки, — сказал Буссе Анне.

— Да здесь нет никаких ко... — начала было Анна, но тут же вспомнила, что разговаривать нельзя. Тут мы стали хихикать, Бритта, Анна и я. А мальчишки громко захохотали.

— Что это вы хихикаете? — спросил Лассе. — Забыли, что ли, что смеяться вам нельзя?

Тут мы захихикали еще сильнее. А мальчишки принялись бегать вокруг нас, дергать за волосы и щекотать, чтобы заставить нас смеяться. А мы не могли даже оборвать их, потому что разговаривать нам было нельзя.

— Уббелимууббелимукк! — крикнул Лассе.

Ни чуточки смешного в этом не было, но мы все трое — Бритта, Анна и я — покатались со смеху. Я запихала в рот носовой платок, но и это не помогло, смех вырывался изо рта тоненьким писком. А вот когда мы перелезали через девятую изгородь, нам стало вовсе не смешно. Мы разозлились на мальчишек и сказали им, что они нам все испортили.

Но я все-таки положила под подушку девять цветочков: лютик, подмаренник, колокольчик, ромашку, солнцезвезд и еще два цветка, названия ко-

торых я не знаю. Но в эту ночь мне ничегошеньки не приснилось. Я знаю, это все потому, что мальчишки рассмешили нас.

Но я все равно выйду замуж за Улле!

Вишневая компания

У нас в Буллербу много вишен. В нашем саду и в саду Анны и Бритты. В саду Улле вишен нет, во всяком случае вкусных. Зато у сёргорденцев есть вкусные груши: одно дерево дает вкусные груши в августе, а на двух других растут маленькие, но очень сочные и сладкие желтые груши. Под дедушкиным окном отличная вишня сорта бигарро. По моему, это самая большая вишня на свете. Мы ее так и называем — «дедушкина вишня». Ветки у нее висят почти до самой земли. И каждый год она стоит просто усыпанная крупными вишнями. Дедушка позволяет нам есть сколько хотим. Он только просит нас не рвать вишен с самых нижних веток, потому что их может достать Черстин. Она и в самом деле может сама рвать их, хоть и маленькая. Только Улле следит, чтобы она не проглотила косточку. Мы слушаемся дедушку и не объедаем вишни с веток Черстин. Ведь нам очень просто взлезть на дерево и нарвать вишен. На этом дереве много удобных веток и толстых сучков, на которых можно сидеть и есть вишни. Ешь до отвала, пока живот не заболит. Каждое лето мы немножко маялись животами. Но после вишен у нас долго не болит живот — до тех пор, пока не поспеют сливы.

У Лассе, Буссе и у меня есть у каждого своя собственная вишня. Моя вишня не очень большая, но на ней растут очень вкусные черные вишни. Нынче летом жутко много вишен. На деревьях Буссе и Лассе тоже.

Вишни можно высушить на зиму. Мама это делает каждый год. Она кладет вишни на сушильный противень и ставит противень в чуть теплую печь. Вишни становятся сухими и сморщенными, их можно хранить сколько угодно и варить зимой компот.

В этом году вишен у нас столько, что нам их не съесть, хотя нам помогают Бритта, Анна и Улле. Один раз Лассе решил посушить немножко вишен. Он наполнил целый противень и поставил его в печку. Потом он пошел купаться и забыл про это. А когда потом пошел поглядеть на свои вишни, на противне лежали лишь маленькие обгорелые комочки.

— Сушить вишни — только портить их, — сказал Лассе.

Потом мы сидели вечером у бабушки и читали ему газету. А в ней было написано, что в Стокгольме вишни стóят две кроны за литр. Лассе очень расстроился, что его дерево растет не в Стокгольме.

— Тогда я встал бы на углу какой-нибудь улицы, продавал бы вишни и стал бы богатый, как король, — пожалел он.

Мы попробовали подсчитать, сколько денег мы заработали бы, если бы наши деревья росли в Стокгольме. Получилось так много, что Лассе, думая об этом, даже немного побледнел.

— Если бы мое Норргорденское озеро было бы в Сахаре, я продавала бы воду по две кроны за литр, — сказала Бритта. Она считала, что Лассе говорит глупости.

Я думаю, что Лассе не мог уснуть ночью и думал о том, что в Стокгольме он продавал бы вишни по две кроны за литр. Потому что на другой день он сказал, что откроет вишневый магазин у большой дороги по другую сторону Стурбю. Там проезжает очень много машин.

— Кто знает, может, какие-нибудь чокнутые стокгольмцы будут там проезжать, — сказал Лассе.

Мы с Буссе сказали, что тоже хотим продавать вишни. И все мы решили организовать вишневую компанию. Бритта, Анна и Улле тоже захотели вступить в нашу компанию, хотя вишен у них нет. Но они помогли нам рвать вишни.

Мы встали в пять утра и стали рвать вишни. К восьми часам у нас уже было три полные корзины. Потом мы как следует наелись каши, чтобы не проголодаться, когда будем стоять, и пошли вниз по горюшкам в Стурбю. Там мы зашли в магазин к дяде Эмилю и на деньги, которые взяли в долг из копилки Буссе, купили много коричневых бумажных пакетов.

— А на что вам они? — спросил дядя Эмиль.

— Мы будем продавать вишни, — объяснил Лассе.

Корзины с вишнями мы оставили на крыльце магазина, и Улле караулил их.

— Люблю вишни! — сказал дядя Эмиль. — Может, купить мне у вас немножко?

Вот было здорово! Лассе побежал и принес одну корзину. Дядя Эмиль взял литровую кружку, отмерил два литра и дал нам две кроны. Он сказал, что в наших местах вишням такая цена. Это нам было полезно узнать. Мы отдали Буссе деньги, которые взяли у него из копилки. И у нас даже осталась сдача. Дядя Эмиль угостил нас карамельками. Улле увидел через стеклянную дверь, что нам дают конфеты, и ворвался в магазин, буд-то на нем штаны горели. Но, получив карамельку, так же быстро выскочил на крыльцо.

Мы сказали дяде Эмилю большое спасибо и вышли из магазина. И тут мы увидели, что Улле подбирает с травы вишни, которые он ухитрился просыпать.

— Ты что это делаешь? — сердито крикнул Лассе.

— Я... я просто очищаю твои вишни, — испуганно ответил Улле.

Но он просыпал всего несколько вишен, не стоило и расстраиваться.

Автомобильная дорога проходит недалеко от Стурбю. Осенью и зимой по ней ездит не так уж много машин, почти одни грузовики. Но летом на этой дороге машин много, ведь люди хотят поглядеть, как здесь красиво.

— Они мчатся как бешеные, — сказал Улле, когда первая машина с ревом промчалась мимо. — Где уж им заметить нас!

Мы сделали большой плакат с надписью «ВИШ-НИ» и поднимали его, как только приближалась машина. Но машины мчались мимо.

Может, те, кто сидят в машинах, думают, что у нас написано «ТИШЕ» или что-нибудь в этом роде. Поэтому-то машины и фырчали так страшно. Но Буссе нравилось смотреть на быстро мчащиеся машины. Он почти что забыл про вишни. Он смотрел на мелькающие машины, вытаращив глаза. Буссе знал марку каждой машины. Он сидел на обочине, делал вид, что ведет машину, и изображал, как гудит мотор. Потом он вдруг сказал, что мотор не в порядке, потому что он пыхтит как-то не так, как нужно.

— Ха-ха! — засмеялась Бритта. — Мы и так слышим. Это не мотор пыхтит, а Буссе.

А Лассе разозлился, что машины не останавливаются, и крикнул:

— Сейчас я проучу их!

Когда показалась следующая машина, он выбежал на дорогу, поднял плакат и отскочил только в последнюю секунду, а не то его бы задавили. Машина остановилась со страшным скрипом. Из нее вышел человек. Он схватил Лассе за руку и сказал, что, мол, мальчишка заслужил хорошенькую порку.

— Никогда больше так не делай, — добавил он.

Лассе обещал, что не будет. И подумать только, тогда этот дяденька купил у нас литр вишен и покатил своей дорогой.

На дороге стояла ужасная пылица. Мы прикрыли вишни бумагой, и хорошо сделали. Но сами мы укрыться от пыли не могли. Машины, проезжая, оставляли тучи пыли, и вся пыль падала на нас. Это было противно, и я сказала:

— Фу, какая пылица!

А Лассе спросил, почему я так говорю.

— Почему же тогда ты не говоришь: «Фу, как светит солнце!» или «Фу, как птицы щебечут!» — засмеялся он. — Кто решил, что нам должно нравиться, когда светит солнце, а не когда летит пыль?

И когда следующая машина обдала нас пылью, Лассе воскликнул:

— Какая сегодня прекрасная пыль!

А Бритта добавила:

— Да, на этой дороге много пыли, это просто замечательно!

Буссе решил не отставать.

— Хоть бы они пылили посильнее! — сказал он.

И ждать пришлось недолго. Промчался грузовик и поднял такую пылицу, какой я в жизни не видала. Наверное, такой столп пыли видели дети Израйля в пустыне, подумала я. Анна стояла в самой гуще этой пыли и кричала:

— Ах, какая чудесная-пречудесная пылица!

Но тут она закашлялась и не смогла больше ничего сказать. Когда пыль немножко улеглась, мы поглядели друг на друга. Все мы стали прямо-таки серо-черные. Бритта высморкалась и показала нам платок. На нем было черное пятно. И тогда каждый из нас высморкался. У Улле не было при себе носового платка, и он высморкался в платок Буссе. Но Бритта сказала, что нелегко угадать, много ли пыли у Улле в носу, потому что у Буссе платок всегда черный.

— Иди домой, пропись! — рассердился Буссе.

Хотя пыль на дороге была распрекрасная, мы немножко расстроились оттого, что машины не хотели останавливаться. Под конец Лассе решил, что мы выбрали плохое место. Посреди прямой дороги, где машины едут на полной скорости. Он велел нам перейти и встать у поворота. Так мы и сделали. Прошли немного вперед и нашли место между двумя крутыми поворотами. Мы встали цепочкой вдоль дороги и ждали.

— Как завидим машину, беремся за руки и машем вверх-вниз, — придумал Лассе, — будет здорово.

И в самом деле, получилось здорово. Почти каждая машина останавливалась. В первой машине сидели папа, мама и четверо детей. Все дети закричали, что хотят вишен. Их папа купил три литра вишен, а мама сказала:

— Ах, как хорошо! Мы ужасно проголодались и пить хотим!

Они купили мои черные вишни. Папа этих детей сказал, что они едут далеко-далеко, за границу. Вот чудеса! Мои вишни поедут за границу, а я сама останусь дома, в Буллербю. Когда я сказала об этом остальным, Лассе ответил:

— Эх ты! Да они слопают твои вишни задолго до того, как приедут за границу, неужели не понимаешь!

— Все равно мои вишни попадут за границу, пусть хотя бы и в желудке этих ребят.

Ой, как много вишен мы продали! Один дядя купил целую корзину. В этой корзине были ягоды Буссе. Дядя сказал, что его жена сделает из них сок, потому что он очень любит вишневый сок.

— Вот чудеса! — сказал после этого Буссе, передразнивая меня. — Подумать только, мои вишни превратятся в сок, а я не превращусь!

Под конец мы продали всё до последней вишенки. А в ящичке из-под сигар, который мы прихватили, чтобы класть туда деньги, оказалось тридцать крон. Наконец-то Шкатулка мудрецов пригодилась по-настоящему. Тридцать крон! Целая куча денег! Мы разделили их, и вышло по пять крон каждому. Пусть даже у Бритты, Анны и Улле вишен не было, зато они помогали нам рвать их и продавать.

— Теперь, когда у вас вишен не осталось, — сказала Бритта, — вы можете рвать что хотите у нас в саду.

— А я дам вам слив, когда они поспеют, — пообещал Улле, получив свои пять крон.

Так что мы поделили деньги по-честному.

Возвращаясь домой, мы зашли в кондитерскую в Стурбю, съели по пирожному и выпили по бутылке лимонада. Теперь у нас на это были деньги. Остаток денег мы решили сберечь. Мое пирожное с марципаном было очень вкусное.

Когда мы пришли домой, мама взглянула на нас и сказала, что такой чумазой вишневой компании она еще в жизни не видала. Она велела нам пойти в пивоварню и вымыться хорошенько. Но как раз в эту минуту прибежала Анна и крикнула:

— Вот повезло! Баню истопили!

У норргорденцев есть баня на берегу озера. Мы взяли чистую одежду и помчались со всех ног по коровьему выгону.

В бане смыли с себя эту распрекрасную пыль и сравнили шайки, у кого вода грязнее. Но разницы не увидели.

Потом мы посидели в бане, чтобы хорошенько пропотеть, и решили основать сливовую компанию, если сливы уродятся.

В бане было ужасно жарко, под конец мы чуть не зажарились и побежали охладиться в озере. Ох, до чего же было здорово! Мы брызгались, плавали и ныряли. А когда вышли на берег, в волосах у нас не осталось ни одной распрекрасной пылинки. В воде мы хорошенько сморкались, чтобы промыть нос от черной пыли.

Погода была мировая. Мы сидели на берегу озера и загорали. А Лассе сказал:

— Фу, как солнце печет!

А Улле засмеялся и добавил:

— Фу, как птицы поют!

Мы с Анной хотим стать нянями... может быть

Пастор в Стурбю пригласил однажды на свой день рождения всех взрослых из Буллербю. Детей он, ясное дело, не пригласил. А маму, папу, дядю Эрика, тетю Грету, дядю Нильса и тетю Лису пригласил. И дедушку тоже. Тетя Лиса расстроилась. Ей хотелось пойти со всеми, но она не могла из-за Черстин. Тогда мы с Анной сказали, что присмотрим за ней. Ведь Анна и я решили стать нянями, когда вырастем. Так можно ведь попробовать начать прямо теперь.

— Что же, вы собираетесь тренироваться на моей сестре? — спросил Улле.

Ему самому хотелось ухаживать за сестрой, но ему велели подоить коров и накормить свиней и кур, пока его мама с папой гостили у пастора. Бритта тоже, ясное дело, хотела присмотреть за Черстин, но она сильно простудилась и лежала в постели.

Тетя Лиса очень обрадовалась, услышав, что мы хотим посидеть с Черстин. А мы с Анной обрадовались еще больше. Я ущипнула Анну за руку и спросила:

— Правда будет здорово?

А Анна тоже ущипнула меня и ответила:

— Скорее бы только они уезжали, чтобы нам поскорее можно было нянчить Черстин.

Но взрослые так долго возятся, собираясь в гости. Дедушка был готов уже в шесть утра, хотя уезжать из дому они должны были в десять. Он надел черный костюм и свою лучшую рубашку. И как только дядя Эрик запряг лошадей в коляску, дедушка уселся в нее и стал ждать, хотя тетя Грета еще даже не надела свое выходное платье.

— Скажи, дедушка, тебе хочется ехать в гости? — спросила Анна.

Дедушка ответил, что хочется. Но я думаю, для него это было одно беспокойство. Потому что он вдруг вздохнул и сказал:

— Охо-хо, хо-хо! Сколько раз можно тащиться в гости!

Но дядя Эрик вспомнил, что дедушка в последний раз ездил в гости пять лет назад, поэтому ему жаловаться не приходится.

Тетя Лиса до последней минуты наставляла нас. И наконец папа, дядя Нильс и дядя Эрик дернули поводья, и коляски тронулись.

Тетя Лиса велела нам держать Черстин подольше на воздухе, потому что малышка послушнее ведет себя, когда гуляет. Но в двенадцать часов нужно подогреть еду и покормить ее. А потом уложить спать часа на два.

— Ой, как интересно! — сказала Анна.

— Да, — согласилась я. — Когда я вырасту, обязательно буду няней.

— И я тоже, — сказала Анна. — Ухаживать за детьми вовсе не трудно. Нужно только не забывать, что говорить с ними надо ласково. Тогда они будут слушаться. Это было на днях написано в газете.

— Ясное дело, обращаться с ними надо бережно и ласково, а как же иначе! — согласилась я.

— Ага, ты думаешь, мало людей, которые рычат на детей? — сказала Анна. — А они от этого становятся злыми и упрямыми и вовсе никого не слушаются. Это тоже было написано в газете!

— А кто будет рычать на такую вот золотую малышку? — спросила я и пощекотала пятки Черстин.

Черстин сидела на одеяле, расстеленном на траве, и весело смотрела на нас. До чего же она хорошенькая! У нее маленький выпуклый лобик и голубые-голубые глаза. Во рту у нее четыре верхних зуба и четыре нижних. Когда она смеется, зубы у нее кажутся рисинками. Говорить она еще не умеет. Она может сказать только «ай, ай» и повторяет это все время. Может, она каждый раз хочет этим сказать совсем разное, кто знает.

У Черстин есть деревянная тележка, в которой ее возят.

— Давай прокатим ее немножко в тележке, — предложила Анна.

Так мы и сделали.

— Иди сюда, Черстин, миленькая, — сказала Анна и посадила ее в тележку. — Сейчас мы тебя прокатим.

Она говорила ласково и приветливо, как и надо говорить с маленькими детьми.

— Ну вот, миленькая Черстин, садись хорошенько, — уговаривала ее Анна.

Но Черстин это не понравилось. Она хотела стоять в тележке, прыгать и кричать «ай, ай!». Но мы боялись, что она упадет.

— Давай привяжем ее, — придумала я.

Мы взяли толстый шнурок и привязали ее к тележке. Но раз теперь она не могла стоять и кричать «ай, ай!», то начала громко реветь на всю округу. Улле прибежал из хлева и спросил:

— Что вы делаете? Никак вы бьете ее?

— Еще чего выдумал, дурак! — ответила я. — Мы говорим с ней ласково и приветливо.

— Правильно, — ответил Улле, — так и надо. Позволяйте ей делать всё, что хочет, тогда она не будет плакать.

Ясное дело, Улле лучше знал, как обращаться с его сестрой. И мы позволили Черстин стоять в тележке и сколько угодно кричать «ай, ай!». Я тянула тележку, а Анна бежала рядом и поднимала Черстин каждый раз, когда она падала.

Но тут мы подкатали к глубокой канаве. Черстин увидела это и вылезла из тележки.

— Посмотрим, что она станет делать, — сказала Анна.

И тут мы увидели! Чудные все-таки малыши! Можно подумать, что они не умеют быстро бегать, ведь ножки у них маленькие. Но это вовсе не правда. Когда захочет, малышка побежит быстрее кролика. Во всяком случае, наша Черстин. Она сказала «ай, ай!» и, не успели мы и глазом моргнуть, как она помчалась прямо к канаве, споткнулась и свалилась в воду вниз головой. Правда, Улле сказал, что ей нужно позволять всё, что захочет. Может, она и хотела лежать в канаве, но мы всё же решили вытащить ее оттуда. Она промокла насквозь, кричала и смотрела на нас со злостью, будто это мы были виноваты, что она влетела в канаву. Но мы стали с ней говорить ласково и приветливо, посадили в тележку и повезли домой переодеваться. Она ревела всю дорогу. Увидев мокрую Черстин, Улле сильно разозлился.

— Вы что это делаете? — закричал он. — Никак вы хотели утопить ее?

Тогда Анна сказала, что он должен разговаривать с нами ласково и приветливо, потому что мы тоже дети.

Улле помог нам найти одежду Черстин, чтобы переодеть ее. А потом ему снова надо было бежать в хлев.

— Посадите ее на скамеечку и переоденьте, — велел Улле перед тем, как идти в хлев.

Интересно, пробовал ли он сам сажать ее когда-нибудь? Хотела бы я посмотреть, как он это делает. Мы с Анной изо всех сил старались усадить ее, но ничего не получалось. Она выпрямилась, как палка, и орала на чем свет стоит, но не садилась.

— Глупая девчонка, — начала я, но вспомнила, что так нельзя говорить с маленькими детьми.

Хотя Черстин не желала садиться, пришлось всё равно надеть на нее сухую одежду. Я держала ее за руки, а Анна пыталась ее одеть. Черстин продолжала орать и выскальзывала, как угорь, извивалась туда-сюда. Мы одевали ее целых полчаса. А потом уселись, усталые, отдохнуть. А Черстин перестала кричать, сказала «ай, ай!», заползла под стол и напустила там маленькую лужицу. Потом поднялась и сдернула клеенку, отчего кофейные чашки упали и разбились.

— Вредная девчонка, — сказала ласково и приветливо Анна.

Она вытерла лужицу под столом и собрала осколки, а я сняла с Черстин мокрые штанишки. Пока я искала сухие, Черстин успела шмыгнуть во двор. Я догнала ее на полдороге к хлеву. Тут Улле высунул голову, приоткрыв дверь хлева.

— Вы что, спятили? — крикнул он. — Позволяете Черстин бегать без штанов!

— Представь себе, что не позволяем! — ответила Анна. — Она не спросила нашего позволения, если хочешь знать!

Мы потащили Черстин в дом и надели на нее сухие штанишки. А она опять виляла туда-сюда и орала во все горло.

— Да-вай... стой... спо-кой-но... будь... добра, — сказала Анна почти ласково и приветливо, но не совсем.

Мы надели на Черстин самое нарядное платье, потому что другого Улле не нашел. Платье было очень красивое, с маленькими складками и оборочками.

— Береги это платье, — велела я ей, хотя она не понимает, что ей говорят.

— Ай, ай! — ответила она и тут же, подбежав к плите, посадила на платье большое пятно сажи.

Мы отчистили пятно как умели, хотя оно не совсем сошло. А Черстин решила, что мы с ней играем.

— Уже двенадцать часов, — вдруг сказала Анна. — Пора кормить Черстин.

И мы поспешили подогреть шпинат в кастрюльке, стоявшей на плите. Я взяла Черстин на руки, а Анна стала кормить ее. Черстин ела так хорошо и так широко разевала ротик, что Анна сказала:

— Все-таки она очень хорошая малышка.

Тут Черстин сказала «ай, ай!» и поддала рукой ложку. Весь шпинат залепил мне глаза.

Анна захохотала и уронила тарелку. А я немножко рассердилась на нее. Черстин тоже смеялась, хотя и не понимала, над чем Анна смеется. Наверно, Черстин думала, что залепить человеку глаза шпинатом — ничего особенного.

Потом она вдруг расхотела есть. Сжала губы и каждый раз отталкивала ложку, так что половина шпината оказалась на платье. Мы стали поить ее соком из чашки, и половина сока пролилась на платье. И платье стало не белое, а зеленое с крас-

ным, белого осталось только чуть-чуть в разных местах. Там, где ей не удалось заляпать его шпинатом и залить соком.

— Меня только одно радует, — сказала Анна, — что эта девчонка сейчас ляжет спать.

— Да, я тоже этому рада, — согласилась я.

Мы с трудом снова стащили с нее одежду и напялили на нее ночную сорочку. Мы ужасно устали, пока наконец справились с этим.

— Если кому-то нужен сейчас мертвый час, так это нам, — сказала я Анне.

Мы уложили Черстин в постель в комнате рядом с кухней, вышли и закрыли дверь. И тут Черстин завопила как сумасшедшая. Мы попробовали делать вид, что не слышим, но она редела все громче и громче. Под конец Анна сунула голову в комнату и сказала:

— Замолчи, противная малявка!

Понятно, с маленькими детьми нужно говорить ласково и приветливо. Но иногда это никак не получается. Хотя в газете и было написано, что дети будут упрямыми и злыми, если на них рычат. Вот и с Черстин так получилось. Она орала пуще прежнего. Мы обе вошли к ней. Она обрадовалась, встала в кроватке, стала не переставая прыгать и кричать «ай, ай!». Она просунула между перекладинами кровати свою маленькую ручку, похлопала меня и приложила свою щечку к моей щеке.

— Какая она все-таки славненькая, — сказала я.

Тут Черстин укусила меня за щеку. Да так, что у меня два дня была царапина.

Мы уложили ее в постель и укрыли хорошенько одеялом. Но она в одну секунду начала сучить ногами и сбросила его. Она сбрасывала одеяло раз десять. И мы перестали ее укрывать, а просто сказали: «Закрывай глазки и спи, Черстин» — и ушли. А Черстин снова подняла вой.

— Нет уж, хватит с нас, — сказала Анна. — Пусть себе ревет!

Мы уселись за кухонным столом и попробовали разговаривать, но никак не смогли. Черстин редела всё громче и громче. Мы даже вспотели от ее рева. Иногда она на несколько секунд замолкала. Но, видно, только для того, чтобы набрать воздуха и реветь еще громче. И вдруг она все-таки замолчала.

— Вот хорошо! — воскликнула я. — Наконец-то она уснула.

Мы с Анной взяли фишки и сели играть в лото. Нам было очень даже весело.

— Малявки должны всё время лежать в кровати, — сказала Анна. — Тогда, по крайней мере, знаешь, где они есть.

И тут из комнаты, где лежала Черстин, послышались какие-то странные звуки. Так бормочет маленький ребенок, когда он занят чем-то интересным.

— Нет, это уже слишком! — рассердилась я. — Неужели эта девчонка еще не спит?

Мы тихонько подкрались к двери и поглядели в замочную скважину. Мы увидели кроватку Черстин. Но Черстин там не было. Кровать была пуста. Мы ворвались в комнату. Догадайтесь, где была Черстин? Она сидела в только что выбеленном и нарядном открытом очаге с баночкой сапожного крема

в руках. Очаг этот был белым до того, как Черстин в него забралась. Девочка была с ног до головы измазана сапожным кремом. Только кое-где на ней белели пятна мела. Этим гуталином у нее были выпачканы волосы, рубашка, и пальцы ног были черны, как у негритенка. Крем был размазан и по всему очагу. Видно, дядя Нильс стоял возле очага и чистил ботинки перед тем, как поехать в гости, и забыл закрыть крышкой баночку с кремом.

— Ай, ай! — крикнула Черстин, увидев нас.

— А что в газете было написано, можно ли драть маленьких детей? — спросила я.

— Ничего я не помню, — ответила Анна. — У меня голова кругом идет.

Черстин встала на ноги, вылезла из очага и хотела похлопать Анну, но та со злостью заорала на нее изо всех сил:

— Стой там, где стоишь, противная малявка!

Но стоять Черстин не пожелала. Не послушав, она помчалась к Анне и похлопала ее, измазав ей все лицо гуталином. Тут я засмеялась так же весело, как Анна смеялась, когда Черстин залепила мне глаза шпинатом.

— Тетя Лиса подумает, что мы обменяли Черстин на негритенка, — сказала я, когда перестала смеяться.

Мы не знали, как нам смыть сапожный крем, и решили посоветоваться с Бриттой. Анна была уже всё равно измазана и потому осталась и держала Черстин возле очага. А я побежала к Бритте.

Когда я рассказала ей о том, что сделала Черстин, Бритта ответила:

— Барахло вы, а не няньки!

Потом она высморкалась, повернулась к стенке и сказала, что больна и понятия не имеет, чем смывают сапожный крем.

В это время пришел из хлева Улле. Он просто озверел при виде Черстин.

— Вы что, спятили? — заорал он. — Никак вы выкрасили ее в черный цвет?

Я пыталась объяснить ему, что мы не виноваты. Но Улле страшно разозлился. Он сказал, что закон должен запрещать таким, как мы, нянчить детей. Что мы уж, во всяком случае, можем искать себе другого ребенка для тренировки.

Мы все трое согрели воду в котле, вынесли его во двор на траву и вывели туда Черстин. Она оставила на полу маленькие хорошенькие черные следы. Мы запихали ее в котел и хорошенько отскоблили с нее всю грязь. Голову мы ей тоже вымыли. Немножко мыла попало ей в глаза. Тут она завизжала на всю Буллербю. Прибежали Буссе и Лассе узнать, не режем ли мы поросят.

— Нет, — ответил Улле. — Это просто две замечательные няньки упражняются. Это у них тренировка по уходу за детьми.

Весь сапожный крем нам все-таки смыть не удалось. Когда мы кончили надраивать Черстин губкой и вытерли ее, тело у нее стало какого-то странного серого цвета. И все-таки она повеселела. Черстин бегала по траве голенькая и кричала «ай, ай!» и хохотала так, что видны были все похожие на рисинки зубы. А Улле сказал:

— Какая хорошенькая эта малявка!

Мы решили, что серая краска с нее понемногу сойдет и под ней снова покажется розовая кожица.

— Пожалуй, где-нибудь к Рождеству, — сказал Лассе.

Потом Улле уложил Черстин в постель. И она вовсе не противилась, а засунула большой палец в рот и сразу же уснула.

— Вот как надо обращаться с детьми, — сказал Улле и пошел кормить поросят.

А мы с Анной сели на кухонной лесенке отдохнуть.

— Бедная тетя Лиса, ведь у нее такая жизнь каждый день, — вздохнула я.

— Знаешь, что я думаю, — сказала Анна. — Я думаю, что в газете всё наврали. Какая разница, как говорить с маленькими детьми. Хоть ласково и приветливо говори с ними, хоть рычи на них, всё равно они делают всё, что хотят.

Мы немного помолчали.

— Анна, а ты будешь няней, когда вырастешь? — спросила я под конец.

— Может быть, — ответила Анна задумчиво.

И, глядя куда-то поверх крыши хлева, она добавила:

— А вообще-то, я даже не знаю...

Мы ловим раков

В глубине леса есть озеро, которое называется Ноккен. Купаться в нем нельзя, потому что на дне его много ила. Но там можно ловить раков. Ой,

до чего же там много раков! Лассе говорит, что во всей Швеции нет другого такого озера, где было бы полным-полно раков.

Иногда Анна говорит мне:

— Ха-ха! Норргорденское озеро только мое! А у тебя, бедняжка, озера нет!

А я отвечаю ей:

— А вот и есть! Разве Ноккен не озеро?

— Ха-ха! Это вовсе не твое озеро, а всех, кто живет в Буллербю. Оно такое же твое, как и мое. Ха-ха! Значит, у меня есть целых два озера!

Тогда я сержусь на нее и в этот день больше с ней не играю. Но на другой день мы миримся и решаем, что это вовсе не важно. Ведь мы всё равно купаемся в Норргорденском озере и ловим раков в Ноккене. Никому, кроме нас, кто живет в Буллербю, ловить раков там не разрешается. По-моему, это хорошо.

Ловить раков мы начинаем в августе. День, когда мы начинаем ловлю, почти такой же замечательный, как Рождественский вечер. Потому что в этот день все дети из Буллербю, понятно, кроме Черстин, отправляются к Ноккену вместе с папой, дядей Нильсом и дядей Эриком. Вечером мы ставим ловушки и строим шалаши в лесу. Ночь спим в шалашах, а утром встаем рано-рано и проверяем ловушки. Самое интересное — это ночевать в лесу. Ноккен находится далеко от Буллербю, и дорога туда плохая. И папа говорит, что возвращаться домой, чтобы поспать час-другой, не стоит. Как хорошо, что Ноккен так далеко от нас в глухом лесу! А иначе мама обязательно велела бы нам вернуться домой и спать в своих постелях.

— Я боюсь, что дети простудятся, — говорит мама всякий раз.

— Ерунда! — отвечает папа.

Он сказал так и в этом году. И мы отправились в лес. До Ноккена надо идти больше полумили¹ лесом по узенькой извилистой тропинке. Нам приходится нести тяжелую ношу: ловушки для раков, одеяла, рюкзаки, набитые всякой всячиной. Если устанешь, хныкать нельзя. А то папа скажет, что того, кто устает, нечего брать ловить раков и ночевать в лесу.

Как только мы пришли к озеру, сразу побежали поглядеть, сохранилось ли что-нибудь от прошлогодних шалашей. Но от них осталось лишь немного засохших можжевельных веток и мусор, который мы тут же убрали. У Бритты, Анны и меня был шалаш под большой елкой. Ветки у нее свешиваются почти до земли. Папа и дядя Эрик рубят для нас можжевельные ветки. Мы прислоняем их к стволу ели и оставляем только одну дыру, через которую влезает в шалаш. Внутри мы стелем на землю много еловых веток, чтобы спать на них.

Построив свой шалаш, мы пошли поглядеть, как устроились мальчишки. Они всегда ночуют в расщелине скалы. Наверх вместо крыши они кладут ветки, а спать ложатся тоже на еловом лапнике.

— Хорошо, если бы девчонки не совали нос к нам в шалаш, — сказал Лассе, когда мы вошли к ним.

— Пожалуйста! — ответила Бритта. — Между прочим, наш шалаш намного лучше этой тесной дыры.

¹ Шведская миля — 10 км.

Тогда Лассе, Буссе и Улле засмеялись и сказали, что им жаль нас, потому что мы понятия не имеем о том, как надо строить шалаш. Не успели мы придумать, что им ответить, как дядя Нильс крикнул, чтобы мы пришли и помогли ему чинить ловушки на раков. Эти ловушки сделаны из проволочки, это такие клетки. И каждый год нам приходится их немножко чинить. То в одной, то в другой находим большие дырки. Их нужно заделывать, а то раки могут вылезти.

Мы сидели на камнях, чинили ловушки шнурками и весело болтали. Солнце уже садилось, и у озера было так красиво и тихо. Ну конечно, когда мы молчали.

— Красивое озеро Ноккен, — сказал папа.

Дядя Эрик вычерпывал воду из двух старых лодок, которые мы оставляли у озера. В них скопилось много воды. Дядя Нильс и папа насаживали в ловушки приманку. Когда все было готово, мы сели в лодки, поплыли и стали ставить ловушки вдоль берегов. У нас есть свои места, где мы каждый год ставим ловушки.

Когда мы объехали все озеро и расставили клетки-ловушки, уже начало смеркаться. Я ущипнула Анну за руку и сказала:

— Это почти что интереснее, чем Рождественский вечер.

И она со мной согласилась. Ведь когда стемнело, папа, как всегда, зажег костер на камнях у берега. А мы все уселись вокруг костра, достали свои термосы и стали пить горячий шоколад с бутербродами. Свет костра падал на воду, и каза-

лось, будто озеро тоже горит. В лесу было совсем темно и тихо. И Лассе сказал:

— Я слышу, как тролли на мягких лапах крадутся в темноте между деревьями.

Мы с Анной испугались, хотя Анна сказала:

— Вот еще! Никаких троллей не бывает!

Но мы все-таки прислушались, не крадутся ли в темноте тролли на мягких лапах. Но ничего не услышали и сказали об этом Лассе.

— Еще бы! У них такие лохматые лапы, — ответил Лассе. — Они ступают так тихо, стоят за деревьями и пялят на нас глаза.

— Вот еще! И вовсе они не пялятся на нас.

— А вот и пялятся! Весь лес полон троллиных глаз, которые сейчас таращатся на нас. Но подойти к нам они не смеют, боятся огня.

Тут папа сказал, чтобы Лассе перестал пугать маленьких девочек глупыми рассказами. Он подбросил веток в огонь, и он вспыхнул так ярко и красиво. Я не верю, что на свете есть тролли. Но на всякий случай забралась к папе на колени, а Анна села на колени к дяде Эрику. И дядя Эрик посвистел для нас. Он очень хорошо умеет свистеть, когда захочет. Как птица.

И я подумала: «Если и в самом деле в лесу есть тролли, то они сейчас, наверно, удивляются, зачем мы сидим здесь у огня среди ночи и слушаем, как дядя Эрик свистит».

И еще дядя Нильс, папа и дядя Эрик рассказывали всякие истории. А мы смеялись, потому что это были очень смешные истории. Лассе, Буссе и Улле взяли карманные фонарики и пошли на

берег поискать раков. И принесли в жестяной банке двадцать три штуки. Лассе сказал Буссе и Улле:

— Если девчонки будут вести себя как люди, мы завтра вечером угостим их раками.

— Да, но только смотря по их поведению.

— Точно, если они будут очень хорошо себя вести, — добавил Улле.

Когда костер догорел, дядя Эрик сказал, что пора спать. У наших пап шалаша не было. Они легли возле потухшего костра и завернулись в одеяла. Анна, Бритта и я залезли в свой шалаш под елкой. Мы тоже завернулись в одеяла и собрались спать. И тут мы услышали, как кто-то крадется неподалеку от шалаша. И я крикнула:

— Кто там?

— Тролль! — ответил Лассе страшным голосом. Мы поглядели в щелочки между ветками и увидели мальчишек. Они светили фонариками и сказали, что хотят посмотреть на наш шалаш. Потом они влезли к нам один за другим. В шалаше было тесно, но всем хватило места. Мальчишки сказали, что шалаш у нас ничего себе, хотя у них, ясное дело, лучше. Потом они снова вылезли, и Лассе сказал:

— Да, шалаш у вас подходящий! Но от троллей он вас не спасет!

Мальчишки ушли, а мы попытались заснуть. Сначала мы немножко поболтали, но, когда лежишь ночью в лесу, разговаривать как-то страшновато. Кажется, будто кто-то стоит в темноте и слушает.

Я думаю, Бритта и Анна заснули намного раньше меня. Я лежала и слушала, как шумит лес. Он шумел тихонько. А еще волны бились о берег медленно-медленно. Все это было так удивительно. И я не знала, весело мне или печально. Я лежала и пробовала догадаться, весело мне или грустно, но не смогла. Видно, потому, что, когда спишь в лесу, становишься какой-то чудной.

Папа разбудил нас в четыре утра. И я обрадовалась, хотя дрожала от холода, как собачонка. Солнышко уже светило. Мы вылезли из шалаша, помахали руками, чтобы согреться, и папа напоил нас горячим шоколадом. На озере еще лежал туман, но скоро он рассеялся. Мы с папой, Лассе и Буссе сели в одну лодку, дядя Эрик, дядя Нильс, Улле, Бритта и Анна в другую. И все мы поплыли забирать ловушки.

Мне жаль всех людей, которые никогда не сидели в лодке в четыре утра и не собирали ловушки на раков.

Почти во всех ловушках было полно раков. Буссе и Лассе запросто берут раков в руки. А я не смею. Буссе взял одного рака и стал его разглядывать. Потом вдруг ни с того ни с сего отпустил его в воду.

— Ты что, спятил? — крикнул Лассе. — С какой это стати ты бросаешь раков в озеро?

— У него были такие печальные глаза, — ответил Буссе.

— Ну и дурак! — рассердился Лассе. — Теперь он ползает по дну и рассказывает про нас дру-

гим ракам. И нам больше их не поймать в этом году. Зачем ты его отпустил?

— Он так печально смотрел на меня, — повторил Буссе.

Но тут подошла вторая лодка, и мы крикнули Улле, Бритте и Анне:

— Много раков наловили?

— Почти полную лодку! — ответил Улле.

Потом мы поплыли назад, к своему лагерю, выложили раков в две большие бельевые корзины с крышками, упаковали все свои вещи и отправились домой, в Буллербю. Трава была мокрой от росы, висевшая на ветках паутина сверкала, как бриллиантовая. Ноги у меня промокли. Я была сонная, голодная и ужасно-преужасно довольная. Ведь так интересно идти гуськом по тропинке и нести так много раков. Дядя Эрик насвистывал, а мы пели:

Пошел на охоту охотник,
зеленою рощей он шел.

Вдруг Лассе закричал:

— А я вижу дым Буллербю!

И мы все увидели дымок, поднимающийся над лесом. Дым трех труб. Мы поняли, что в Норргордене, Сёргордене и Меллангордене уже все проснулись. Мы прошли еще немного и увидели Буллербю. Солнце светило в окна, и деревня наша была такой красивой!

— Мне жаль людей, которым негде жить, — сказала я Анне.

— А мне жаль тех, кто живет не в Буллербю, — ответила Анна.

Дедушка уже проснулся и сидел под вязом, который растет на лужайке Норргордена. Услышав, что мы пришли, он крикнул нам:

— Есть нынче раки в Ноккене?

А дядя Эрик ответил, что раков там тьма-тьмущая и что дедушка такого еще не видел.

Но дедушка сказал:

— Охо-хо, хо-хо! Да я на своем веку этих раков в Ноккене пропасть переловил.

Мы уселись на траве рядом с дедушкой и рассказали ему, как там было интересно. А Лассе открыл жестяную банку, где были раки мальчиков, и дал дедушке послушать раков. Когда раки ползают в банке, слышится звук, похожий на «клирр, клирр». Дедушка был доволен, он засмеялся и сказал:

— Да, я слышу, что это раки ползают, знакомые звуки!

А Лассе спросил:

— Дедушка, можно мы устроим у тебя сегодня ужин с раками?

— Охо-хо, хо-хо, конечно можно, — ответил дедушка.

Дети с улицы Бузотеров

Лотта — она еще такой ребенок!

Мой брат — его зовут Юнасом, а я — меня зовут Марией, а нашу маленькую сестренку — Лоттой. Ей — Лотте — всего лишь чуточку больше трех лет. Папа говорит, что, пока в доме не появились дети, было совершенно спокойно. А потом стало так шумно. Мой брат — он родился раньше меня. И папа говорит, что в доме стало грохотать почти сразу же, лишь только Юнас вырос так, что смог колотить погремушкой по краю кровати утром в воскресенье, когда папе хотелось спать. А потом Юнас гремел все сильнее и сильнее. И поэтому папа прозвал его Стур-Скрель, что значит Большой Гром. Мне он дал прозвище Лиль-Скрель — Малый Гром, хотя я, во всяком случае, грохочу не так часто, как Юнас. Иногда я долго-долго сижу совсем тихо. Потом в доме появилась еще одна девочка, и это была Лотта. Ее, не знаю почему, папа называет Лилла Скролан, что значит — Маленькая Гроза. Мама зовет нас: Юнас, Мария и

Лотта — так, как нас зовут. Хотя она иногда, так же как Юнас и Лотта, называет меня Миа Марией. Мы живем в доме желтого цвета на маленькой улице, которая называется Крукмакаргатан — улица Горшечников.

— Может, в незапамятные времена тут и жили горшечники, но теперь тут живут одни бузотеры, — говорит папа, — давайте переименуем нашу улицу в Брокмакаргатан, то есть в улицу Бузотеров.

Лотта сердится, что она не такая большая, как Юнас и я. Юнасу и мне разрешают ходить совершенно одним даже до самого рынка, а Лотте не разрешают. Юнас и я ходим на рынок по субботам и покупаем карамельки у старушек-карамельщиц, которые там торгуют. Но мы приносим домой конфеты и Лотте, а как же иначе!

Один раз в субботу шел такой ужасный дождь, что мы почти не могли пойти на рынок. Но мы взяли папин большой зонтик и все равно пошли, и купили красных карамелек. Домой мы шли под зонтиком и ели карамельки, и нам было очень весело. Но Лотта даже ни разу не вышла во двор, потому что шел такой ужасный дождь.

— А зачем на свете дождь? — спросила Лотта.

— Чтобы росли рожь и картошка, чтобы у нас была какая-нибудь еда, — ответила мама.

— А зачем тогда на рынке идет дождь? — спросил Юнас. — Это чтобы росли карамельки?

Когда мы вечером ложились спать, Юнас сказал мне:

— Знаешь, Миа Мария, когда мы поедem к бабушке и дедушке, мы не станем сажать морковки

в нашем огороде, а посадим карамельки — это гораздо лучше.

— Да, хотя морковки — это лучше для зубов, — сказала я. — Но мы можем поливать их из моей зеленой лейки, я говорю о карамельках.

Я так обрадовалась, когда вспомнила про мою маленькую зеленую лейку, которая была за городом, у дедушки и бабушки. Она осталась на полке у них в погребе.

Мы всегда живем у дедушки и бабушки, когда лето.

Отгадайте, что сделала однажды Лотта у дедушки и бабушки?

За скотным двором есть большая навозная куча, где дядя Юханссон берет навоз и разбрасывает его на поля, чтобы все хорошо росло.

— А зачем навоз? — спросила Лотта.

И тогда папа ответил, что все будет хорошо расти, если удобрять почву навозом.

— Но ведь нужен и дождь, — сказала Лотта, так как вспомнила, верно, что говорила мама, когда в ту субботу так долго шел дождь.

— Именно так, Маленькая Гроза, — согласился папа.

А после обеда пошел дождь.

— Видел кто-нибудь Маленькую Грозу? — спросил папа.

Но мы не видели Лотту уже давно и начали ее искать.

Сначала мы искали ее повсюду в доме, во всех шкафах, но Маленькой Грозы там не было. И папа забеспокоился, потому что обещал маме при-

смотреть за ней. Под конец все мы — Юнас, и папа, и я — вышли из дому и стали искать: и на скотном дворе, и на сеновале, и повсюду. А потом мы пошли на скотный двор, и — подумать только! — там, под проливным дождем, посреди навозной кучи, стояла Лотта, вымокшая до нитки.

— Но, дорогая Маленькая Гроза, зачем ты тут стоишь? — спросил папа.

Тут Лотта заплакала и сказала:

— Потому что я хочу вырасти и стать такой же большой, как Юнас и Миа Мария!

Ну, наша Лотта — она еще такой ребенок!

Мы целыми днями играем

Мы с Юнасом играем и играем, мы целыми днями играем. Да, Лотте тоже разрешают остаться с нами, когда мы играем в такие игры, в которые с ней можно играть. Но иногда мы играем в морских разбойников, и тогда Лотта только мешает. Потому что она все время падает со стола, который мы превращаем в наш корабль. Но она кричит и все равно хочет быть с нами. На днях, когда мы играли в морских разбойников и нам от Лотты не было покоя, Юнас спросил:

— А ты, Лотта, знаешь, как играть в морских разбойников?

— Стоишь на столе и прыгаешь — вот тогда и будешь морским разбойником, — ответила Лотта.

— Да, но можно и по-другому, и это гораздо лучше, — сказал Юнас. — Лежишь на полу под кроватью совсем тихо...

— А зачем? — спросила Лотта.

— Ну... лежишь там и играешь в морскую разбойницу и все время повторяешь: «Больше еды! Больше еды!» Так делают морские разбойники, — сказал Юнас.

В конце концов Лотта поверила, что так морские разбойники и делают; она залезла под свою кроватку, легла и стала повторять:

— Больше еды! Больше еды!

А мы с Юнасом влезли на стол в детской и поплыли по морю; да, само собой, мы-то играли по-настоящему!

Лотта же все время лежала под своей кроваткой и повторяла: «Больше еды, больше еды, больше еды!» И нам даже казалось, что смотреть на нее гораздо веселее, чем быть морскими разбойниками.

— А сколько времени лежат морские разбойники под кроватью и повторяют: «Больше еды, больше еды»? — спросила наконец Лотта.

— До самого сочельника, — ответил Юнас.

Тут Лотта выползла из-под кровати, поднялась с пола и сказала:

— Не хочу быть морской разбойницей, потому что они — глупые.

Но иногда с Лоттой играть хорошо. Иногда мы играем, будто мы с Юнасом — ангелы-хранители, и тогда нам надо кого-нибудь охранять, и мы охраняем Лотту. Ей велено лежать в кроватке, а мы стоим рядом, и машем руками, и делаем вид, будто это крылья, которыми мы размахиваем, и мы летаем взад-вперед. Но Лотта вовсе не считает, что это веселая игра, потому что ей велено только

лежать спокойно. И если подумать хорошенько, то для нее ведь это почти все равно что играть в морскую разбойницу. Правда, тогда она лежит под кроватью и повторяет: «Больше еды! Больше еды!» — но в остальном все то же самое.

Еще мы играем в больницу. Тогда Юнас — доктор, а я — медицинская сестра, а Лотта — больной ребенок, лежащий в своей кровати.

— Не хочу лежать в кровати, — сказала Лотта, когда мы в последний раз просили ее, чтоб она была больным ребенком. — Я хочу быть доктором и сунуть ложку в рот Миа Марии.

— Ты не можешь быть доктором, — сказал Юнас, — потому что не умеешь выписывать рецепт.

— Чего-чего я не умею выписывать? — спросила Лотта.

— Рецепт. Такой, какой выписывает доктор, когда надо лечить больного ребенка, — говорит Юнас.

Юнас умеет писать печатными буквами, хотя еще и не ходит в школу. И еще он умеет читать.

В конце концов мы заставляем Лотту лечь в кровать и быть больным ребенком, хотя она этого и не хочет.

— Ну, как у нас дела? — спрашивает Юнас точь-в-точь как дядя доктор, который приходит к нам, когда мы больны и у нас корь.

— Больше еды, больше еды, больше еды, — повторяет Лотта. — Я все равно играю в морскую разбойницу, — говорит она.

— Ой, какая же ты дурочка! — кричит Юнас. — Перестань сейчас же, а не то мы с тобой не играем, раз ты такая дурочка!

И тогда Лотта согласилась стать больным ребенком, и мы поставили ей на руку компресс, а Юнас приложил ей к грудке большую катушку ниток и услышал через катушку, что у нее ужасно болит грудка. Он сунул ей в рот ложку и увидел, что и горлышко у нее тоже болит.

— Придется делать укол, — сказал Юнас.

Один раз, когда он был болен, доктор сделал ему в руку укол, чтобы он поправился, потому-то он хотел сделать укол и Лотте. Он взял штопальную иглу, и мы сделали вид, будто это такой же шприц, какой бывает у докторов.

Но Лотта не хотела никаких уколов. Она брыкалась и кричала:

— Не смейте меня колоть!

— Ах ты, дряннечужка, мы ведь только *понарошку*, — сказал Юнас. — Мы не будем тебя колоть взаправду, понимаешь?!

— Все равно не хочу, чтобы меня кололи! — орала Лотта так, что мы почти уже не могли играть в больницу.

— Все равно я выпишу рецепт! — заявил Юнас.

И, усевшись к столу, стал писать синим мелком на бумаге. Он писал печатными буквами, но я не могла прочитать его рецепт. Посмотрите, как выглядит эта бумажка:

ЗА БАЛЬНОЙ ДЕВАЧКАЙ НАДА
ХАРАШО УХАЖИВАТЬ.
БАЛЬНОЙ ДЕВАЧКЕ НАДА СДЕЛАТЬ УКОЛ.
ДОКТОР ЮНАС МАЛЬМ

Мы с Юнасом считаем, что играть в больницу очень весело. Но Лотта так не считает.

Лотта упряма, как старая коза

Наш папа такой смешной! Когда он приходит домой из своей конторы, мы с Юнасом и Лоттой встречаем его в прихожей. И тогда папа хохочет и говорит:

— Ой, сколько у меня детей!

Один раз мы спрятались за плащами в прихожей и стояли там тихо-претихо, и тогда папа сказал маме:

— Почему в доме никакого грохота, что — дети заболели?

Тогда мы вылезли из-за плащей и захохотали.

И папа сказал:

— Ничего не бойтесь! Когда я возвращаюсь домой, пусть меня встречает гром и грохот, а не то я так волнуюсь!

Но большей частью волноваться ему не приходится.

Однажды два грузовика столкнулись друг с другом прямо перед нашим домом и раздался такой ужасный грохот, что Лотта проснулась, хотя только-только заснула. И спросила:

— А что сейчас натворил Юнас?

Видимо, она считает, что во всем мире весь гром и грохот — только от Юнаса.

Лотта — такая миленькая и у нее такие пухлые ножки! Юнас и я всегда целуем и обнимаем ее, но она этого не желает. Эта Лотта вообще многого не

хочет. Она не желает принимать лекарство, хотя, когда она больна, ей это нужно. На прошлой неделе, когда Лотта кашляла, мама хотела, чтобы она приняла лекарство от кашля. Но Лотта только крепко сжала губки и покачала головкой.

— Ты немножко дурочка, Лотта, — сказал Юнас.

— Я не немножко дурочка, — ответила Лотта.

— Нет, дурочка, раз не желаешь принимать лекарство от кашля, значит, ты — дурочка, — повторил Юнас. — Когда мне надо принимать лекарство, я решаю принимать его и принимаю.

Тогда Лотта сказала:

— Когда мне надо принимать лекарство, я решаю не принимать его и не принимаю.

Затем она снова сжала губки и стала взад-вперед качать головкой. Мама похлопала ее и сказала:

— Ладно, но тогда, пожалуй, тебе придется лежать в кроватке и кашлять. Бедная малышка Лотта!

— Да, и ни капельки не спать, — с большим удовольствием сказала малышка Лотта.

У Лотты по вечерам совсем нет желания ложиться спать. Вообще-то, и я этого не желаю. По-моему, мама такая чудная! Она хочет, чтобы мы ложились спать по вечерам, когда у нас ни в одном глазу сна нет! Зато по утрам, когда мы так хорошо спим, она хочет, чтобы мы вставали.

Пожалуй, было бы хорошо, если бы Лотта все-таки приняла лекарство, потому что завтра она еще больше кашляла и чихала. И мама сказала, что ей нельзя выходить на улицу. Зато мне мама поручила сходить в магазин, где продается все для

шитья. И когда я дожидалась там своей очереди, то в дверь вбежала вся в соплях Лотта.

— Иди домой, — велела я.

— Никуда я не пойду, — заявила Лотта. — Я тоже хочу в магазин, где продается все для шитья.

Она чихала и чихала, и в конце концов какая-то тетенька в магазине спросила ее:

— Девочка, у тебя разве нет носового платка?

— Есть, — ответила Лотта. — Но я не даю его тем, кого не знаю.

Я расскажу еще немного о Лотте. Один раз мама взяла нас — Юнаса, и меня, и Лотту — к зубному врачу. Мама заметила, что у Лотты в зубе маленькая дырочка, и его нужно было запломбировать у зубного врача.

— Если ты будешь взаправду хорошо вести себя у зубного врача, получишь двадцать пять эре, — сказала мама Лотте.

Мама ждала в приемной, пока мы были в кабине у зубного врача. Сначала он осмотрел мои зубы, но у меня никаких дырочек не было, и я вышла к маме в приемную. Мы долго-предолго ждали там Юнаса и Лотту, а потом мама сказала:

— Подумать только, Лотта даже не кричит!

Через некоторое время дверь открылась и вышла Лотта.

— Ты хорошо себя вела? — спросила мама.

— Ага! — ответила Лотта.

— А что делал доктор? — спросила мама.

— Он вырвал зуб, — ответила Лотта.

— И ты не кричала? О, как ты хорошо себя вела! — похвалила ее мама.

— Не-а, я не кричала, — сказала Лотта.

— Да, ты и в самом деле послушная девочка, — сказала мама. — Вот тебе двадцать пять эре.

Лотта взяла монетку и с веселым видом сунула ее в карман.

— Можно посмотреть, не идет ли кровь? — спросила я.

Лотта разинула ротик, и я увидела, что все зубы у нее целы.

— Он же не вырвал ни одного зуба, — сказала я.

— Нет, вырвал!.. у Юнаса, — возразила Лотта.

Тут в приемную вышел Юнас, а с ним зубной врач. Указав на Лотту, он сказал:

— Эту маленькую фрёкен я лечить не смог — она не пожелала раскрыть рот.

— С этим ребенком куда ни пойдешь, стыда не оберешься, — сказал Юнас, когда мы возвращались домой.

— Я его не знала, — сказала Лотта. — Не могу же я разевать рот перед чужим дяденькой.

Папа говорит, что Лотта упряма, как старая коза.

Тетушка Берг — самая добрая на свете!

В соседнем с нами доме живет тетушка Берг, которую мы иногда навещаем. Между ее садом и нашим есть забор, мы с Юнасом перелезаем через него. Лотта перелезть не может, но песик тетушки Берг подрыл землю под забором в одном месте, так что там образовалась ямка, и там может проползти Лотта.

На днях мы были в гостях у тетушки Берг, и нам было очень весело. У нее есть бюро с откидной крышкой, и в нем полным-полно маленьких ящичков, в которых лежат очень забавные вещи.

— Милая тетушка Берг, можно нам посмотреть все эти красивые вещи? — попросил Юнас.

И нам разрешили. Сперва мы увидели маленькую куклу, с которой тетушка Берг играла в детстве. Куклу зовут Роза. Тетушка Берг старенькая-престаренькая, но во всяком случае не такая старенькая, как думает Лотта. Вот что спросила у нее Лотта:

— Тетушка Берг, а Роза была с тобой в Ноевом ковчеге?

Потому что как раз вчера вечером папа рассказывал нам о Ноевом ковчеге. Он говорил о том, как Ной построил большую лодку, которая называлась ковчегом. А потом много недель подряд лил дождь, и все, кого не было в Ноевом ковчеге, утонули. Случилось же это много тысяч лет назад.

Тетушка Берг только рассмеялась и сказала:

— Знаешь, малышка Лотта, я не была с Ноем в его ковчеге.

— Почему же ты тогда не утонула? — спросила Лотта.

Роза лежит в одном из маленьких ящичков бюро; он у нее вместо кровати. Она лежит на розовой полотняной простынке, а вместо одеяльца у нее лоскуток зеленого шелка. На самой кукле надето голубое платьице. И подумать только! В одном из ящичков у тетушки Берг есть маленькая-премаленькая стеклянная корзиночка с нежными

розовыми цветами. Нам разрешили поиграть с Розой, и мы надели ей на руку корзиночку и играли, будто она — Красная Шапочка, которая несет бабушке еду и бутылку сока. В вазочке на пианино у тетушки Берг лежали шоколадные карамельки. Некоторые из них были в форме бутылочек и обернуты серебряной фольгой. Такую бутылочку мы и положили в корзинку Красной Шапочки, а еще немного изюма и миндаля; все это дала нам тетушка Берг. Песику тетушки Берг, его зовут Скотти, пришлось быть волком, я была бабушкой, а Юнас — охотником, который застрелил волка.

— Да, а как же я? — спросила Лотта. — Я что — так никем и не буду?

Но Лотте дали возможность нести Розу и проносить те слова, которые нужно было говорить Красной Шапочке. Ведь сама Роза-кукла не говорящая. Однако когда Красная Шапочка подошла к лачуге бабушки, которая находилась в спальне тетушки Берг, то в стеклянной корзиночке не оказалось ни изюма, ни миндаля.

— А где же еда для бабушки? — спросил Юнас.

— Ее съела Роза, — ответила Лотта.

Тогда Юнас не захотел, чтобы Лотта играла с ними в Красную Шапочку. И Скотти не захотел играть с нами и делать вид, будто съел бабушку. Юнас держал его, но он бился и барахтался и снова барахтался и бился, а в конце концов вырвался и залез под диван, откуда только время от времени чуточку высовывал мордочку и злобно поглядывал на нас. Скотти вообще терпеть не может, когда мы приходим в гости к тетушке Берг.

Но нам было весело, и мы посмотрели также на все другие вещи в бюро тетушки Берг. У нее есть подушечка для иголок в форме сердечка из красного шелка и маленькая картина в золотой раме. А на этой картине изображен красивый ангел с длинными светлыми волосами в белой ночной сорочке с двумя большими белыми крыльями на спине. Лотте так нравится эта картина, да и мне — тоже!

— Но как удалось ангелу надеть ночную сорочку на крылья? — спросила Лотта.

Юнас сказал, что, может быть, у него сзади на рубашке застежка-молния.

Тетушка Берг пекла вафли. Иногда она это делает, когда мы приходим навестить ее, хотя не всегда.

— Сегодня чудная весенняя погода, так что мы можем сидеть в саду и пить какао с вафлями, — сказала тетушка Берг.

Пока тетушка Берг пекла в кухне вафли, мы одни играли в общей комнате. Там — два окна, и оба они были открыты, так как на дворе было очень тепло. Мы с Юнасом высунули головы каждый из своего окна, и Юнас бросил мне маленький каменный шарик, который был у него в кармане штанов. А я бросила его ему обратно, и мы стали кидать шарик взад-вперед. Но в конце концов я уронила каменный шарик, и он упал вниз, на лужайку. Потом мы с Юнасом поспорили, кто дальше может высунуться из окна. Мы спорили, спорили, и вдруг Юнас выпал из окна. Я так испугалась! И тетушка Берг тоже испугалась. Она вошла в комнату, как раз когда Юнас упал. Она подбежала к окну и закричала:

— Нет! Но, Юнас, как же это произошло?

Юнас сидел на лужайке, а на лбу у него вскочила громадная шишка.

— Мы с Миа Марией поспорили, кто дальше может высунуться из окна, и я выиграл, — ответил Юнас.

Но пока мы спорили, Лотта обнаружила на диване вязанье тетушки Берг. Тетушка Берг вяжет джемперы и кофты, которые у нее охотно покупают те, кто сам не умеет вязать. И подумать только! Эта дуручка Лотта вытащила спицы и распустила все, что связала тетушка Берг. Лотта сидела на диване, совершенно запутавшись в нитках, которые она дергала и рвала, и тетушка Берг закричала:

— Нет! Но, Лотта, что ты сделала?

— Джемпер, — ответила Лотта. — Нитки стали совсем лохматыми.

Тут тетушка Берг сказала, что нам, пожалуй, лучше пойти в сад — есть вафли, а потом, пожалуй, лучше пойти домой.

Мы сидели в саду тетушки Берг, пили какао и ели много-премного вафель, посыпанных сахарным песком. На солнце было так хорошо, вокруг нас прыгали воробушки, и мы бросали им крошки! Но потом тетушка Берг устала и сказала, что нам пора домой. И тогда мы с Юнасом перелезли через забор, а Лотта проползла через ямку. Дома мы сразу пошли на кухню, посмотреть, что у нас на обед.

— У нас — тушеный окунь, — сообщила мама.

Тогда Юнас сказал:

— Вот здорово, что мы съели столько вафель!

— Значит, вы были у тетушки Берг? — спросила мама. — Она обрадовалась?

— Да, еще как! — ответил Юнас. — Она обрадовалась два раза. Сначала обрадовалась, когда мы пришли, а потом — когда ушли.

Тетушка Берг — самая добрая на свете!

У нас — пикник!

Однажды папа сказал:

— В воскресенье у нас — пикник!

— Ура! — закричали мы с Юнасом.

— Ура, у нас пикник! — закричала Лотта.

В воскресенье мама встала рано: испекла блины и наготовила бутербродов, налила в термосы какао, а для себя с папой — кофе. Мы взяли с собой и лимонад.

Когда папа подъехал к дому на машине, он сказал:

— А сейчас посмотрим, хватит ли места в этом маленьком жалком автомобильчике?! Посмотрим, сможем ли мы погрузить туда и маму, и Большого Грома, и Малого Грома, и Маленькую Грозу, и двадцать шесть блинов, и неизвестно сколько бутербродов...

— И Бамсе, — добавила Лотта.

Бамсе — большой розовый матерчатый поросенок, игрушка Лотты, и она хочет, чтобы поросенок всегда был с ней. Она думает, что он медведь, и поэтому называет его Бамсе — Мишкой.

— Он же поросенок и всегда был поросенком, — говорит Юнас.

Тогда Лотта кричит, что нет — он медведь.

— Разве медведи бывают розовыми?! — говорит Юнас. — А как ты думаешь, он белый медведь или обыкновенный медведь?

— Он не белко-медведь, а поросенко-медведь, — отвечает Лотта.

Лотте разрешили взять с собой и ее поросенко-медведя на пикник. А когда мы уже сидели в машине, она спросила:

— Мама, а у поросят бывают детки?

— Ты говоришь о Бамсе или о настоящих поросятах, которые живут у дедушки и бабушки за городом? — спросила мама.

Тогда Лотта ответила, что говорила о взаправдашних живых поросятах, а не о таких мишках, как Бамсе. Мама сказала: настоящие живые поросята, конечно же, могут иметь детей.

— Нет, не могут, — заявил Юнас.

— Конечно, могут, — возразила мама.

— Нет, детей они иметь не могут, — снова заявил Юнас, — они могут иметь только *маленьких поросят*.

Тут все вместе засмеялись, а папа сказал, что нет на свете более хитрых на выдумку детенышей, чем Большой Гром, Маленький Гром и Маленькая Гроза.

Мы подъехали к небольшому озеру. Папа поставил машину на лесной дороге, и мы перенесли все наши припасы к озеру. Там были длинные мостки, уходящие в озеро, и мы с Юнасом и Лоттой захотели пойти на мостки и посмотреть, нет ли рыбы в воде. Мама сразу же легла на траву и сказала папе:

— Я буду лежать здесь целый день, и не пытайтесь меня поднять, а ты присмотри за детенышами.

Папа пошел с нами на мостки, и мы, лежа на животе, досыта насмотрелись на мелких-премелких рыбешек, которые так быстро плавали в воде. И папа сделал нам удочки из длинных палок, которые нарезал в лесу, и привязал к ним веревки, а к веревкам — крючки. И мы нацепили хлебные крошки на крючки и долго удили рыбу, но ни одной не поймали.

Тогда мы поднялись на берег и пошли в лес, хотя мама не велела нам далеко ходить.

Мы увидели маленькую птичку, которая залетела в кустарник, а потом вылетела снова. Тогда мы пошли туда и посмотрели, а там среди веток, почти у самой земли приютилось птичье гнездо с четырьмя маленькими голубыми яичками. О, это были самые хорошенькие яички, которые мне только доводилось видеть! Лотта хотела остаться здесь и все время смотреть на птичье гнездо. И она поднесла к нему Бамсе, чтобы он тоже все увидел. Но мы с Юнасом знали, что совсем рядом есть хорошее дерево, на которое можно вскарабкаться, так что Лотте пришлось пойти с нами, хотя ей и не хотелось.

Я не боюсь карабкаться на деревья, и Юнас тоже. А вот Лотта — боится. Мы помогли ей чуточку-пречуточку вскарабкаться на дерево, но тут она закричала:

— Спустите меня вниз, спустите меня вниз!

А очутившись внизу, сердито-пресердито посмотрела на дерево и сказала:

— Только балды могут карабкаться на такие деревья!

Затем мама крикнула, чтобы мы шли завтракать, и мы побежали обратно к озеру. А она расстелила клеенку на траве и даже поставила там в стакане первоцветы, а также разложила бутерброды, и блины, и все-все...

Мы сидели на траве и ели. Это — гораздо веселее, чем сидеть за столом. Блины были такие вкусные — с джемом и с сахарным песком. Бутерброды тоже были вкусные. Я больше люблю такие, которые с фрикадельками. Юнас предпочитает такие, которые с яйцом и икрой, так что мы с ним поменялись. Ему достался мой бутерброд с яйцом и икрой, а мне его бутерброд с фрикаделькой. Лотта больше любит всякие бутерброды и ни с кем не хочет меняться. Она столько ест, эта Лотта! Только один раз, когда она была больна, у нее не было аппетита, и мама так огорчалась из-за того, что она не хочет есть. И тогда как-то вечером, когда Лотта читала свою вечернюю молитву, она сказала:

— Милый добрый Боженька, сделай так, чтобы я снова захотела есть. Но только не рыбные фрикадельки!

Нам с Юнасом и Лоттой дали по бутылке лимонада. Лотта взяла немножко песку внизу у берега и насыпала его в свой лимонад. А когда мы спросили ее, зачем она это сделала, она ответила, что только хочет попробовать, вкусно это или нет.

После еды папа растянулся на траве и сказал:

— Как чудесно на солнышке! Посплю-ка я немножко, а вы, дети, сами за собой присматривайте! Но, чур, на мостки не ходить, так и знайте!

Мы не пошли на мостки. Но чуть подалее у озера была высокая скала, и мы отправились туда. Юнас сказал, что покажет нам, как папа ныряет.

— Вот так! — сказал Юнас, подняв руки вверх и слегка подпрыгнув. И — подумать только! — он тут же рухнул в озеро, хотя вовсе туда не собирался. А вдобавок мама сказала, что купаться нам еще нельзя, потому что вода слишком холодна...

Юнас упал, а мы с Лоттой закричали так, словно нас резали.

Но я взяла ветку, лежавшую на камне, и, когда Юнас снова поднялся на ноги, он ухватился за нее и держался изо всех сил. Лотта расхохоталась, а тут как раз прибежали папа с мамой и вытащили Юнаса из воды.

— Юнас, что это тебе вздумалось? — спросила мама, когда Юнас, совершенно мокрый, оказался на берегу.

— Он только хотел показать, как ныряет папа, — неудержимо смеясь над Юнасом, сказала Лотта. — Потому что у него такие смешные штаны, — добавила она.

Юнасу пришлось снять с себя всю одежду, и мама развесила ее сушиться на дереве. Но когда мы собирались домой, одежда еще не высохла, так что Юнаса пришлось завернуть в одеяло. И это вызвало смех Лотты. Но потом ей было уже не до смеха. Потому что, когда мы собрались ехать, исчез Бамсе. Его искали, искали повсюду, но найти

не могли, и мама сказала, что придется ехать без Бамсе. Тут Лотта заорала еще громче, чем когда Юнас упал в озеро.

— Бамсе проведет прекрасную и спокойную ночь в лесу наедине с самим собой, — сказал папа. — А завтра утром я вернусь сюда и отыщу его.

Но Лотта кричала без умолку, а потом сказала:

— А если явится какой-нибудь старый тролль и испугает Бамсе?!

— Если Бамсе встретится с каким-нибудь старым троллем, то, очевидно, гораздо страшнее станет старому троллю, — сказал папа.

— А ты не помнишь, когда видела Бамсе в последний раз? — спросила мама.

Лотта немножко подумала.

— В двенадцать часов, — сказала она.

Хотя Лотта ни капельки не смыслит во времени и в часах, так что все это — одни враки. Папа говорит, что Лотта — отчаянная вруша, которая мелет все, что ей приходит в голову.

Но я вспомнила, что Лотта держала Бамсе, когда мы были возле птичьего гнезда. Все вместе мы пошли к дереву, на которое карабкались. Ведь мы с Юнасом знали, что птичье гнездо совсем рядом с ним.

И возле куста с птичьим гнездом в самом деле сидел Бамсе. Лотта взяла его, поцеловала в пяточок и сказала:

— Малыш Бамсе, ты все время смотрел здесь на эти миленькие-премиленькие яички!

Юнас сказал, что бедная мама-птичка, верно, так и не осмелилась вернуться сегодня к своему

гнезду, потому что поросенко-медведи самые лучшие в мире пугала птиц.

Тут Лотта рассердилась и сказала:

— Бамсе никого не тронул. Он только смотрел на эти миленькие-премиленькие яички.

Потом мы поехали домой, и Юнас все время сидел закутанный в одеяло.

Мама и папа, как обычно, пришли вечером в детскую пожелать нам спокойной ночи. Папа встал возле кровати Лотты, где она лежала рядом со своим замызганным Бамсе.

— Ну, Маленькая Гроза, — спросил папа, — что было веселее всего сегодня? Верно, когда мы нашли Бамсе?

— Не-а, веселее всего было, когда Юнас свалился в озеро, — сказала Лотта.

Мы едем к бабушке и дедушке

Когда наступает лето, мы с мамой едем к бабушке и дедушке за город. Папа тоже приезжает туда, когда у него отпуск. К бабушке мы едем поездом, потому что мама не умеет водить машину.

— В поезде слушайте маму, чтобы ей не было с вами слишком трудно, — сказал папа на вокзале, когда мы нынешним летом ехали к бабушке и дедушке.

— Мы должны слушаться ее только в поезде? — спросил Юнас.

— Нет, всюду, — ответил папа.

— Ты сказал, что надо слушаться маму только в поезде, — настаивал Юнас.

Но тут как раз поезд тронулся, так что папа успел только помахать нам рукой, а мы тоже махали ему и кричали: «До свидания!»

Мы ехали почти что в отдельном маленьком купе. С нами ехал еще один старый дяденька — единственный, кто там еще поместился. Лотта взяла с собой Бамсе, а я — свою самую большую куклу, которую зовут Мауд Ивонн Марлен.

У этого дяденьки была на подбородке бородавка, и, когда он вышел постоять немного у окна в коридоре, Лотта очень громко шепнула маме:

— У этого дяденьки бородавка на подбородке.

— Тихо, — шепнула в ответ мама, — он может услышать.

Тут Лотта очень удивилась и сказала:

— А разве он сам не знает, что у него на подбородке бородавка?

Потом пришел проводник и проверил билеты. Билеты были только у мамы и Юнаса, потому что мы с Лоттой ездим пока бесплатно.

— Сколько лет этой маленькой девочке? — спросил проводник, указывая на меня.

Я сказала, что мне скоро исполнится шесть лет. Он не спросил, сколько лет Лотте, ведь сразу видно: она слишком мала и ей никакой билет не нужен. Но Лотта сказала:

— Мне четыре года, а маме тридцать два, а это — Бамсе.

Тут проводник засмеялся и сказал, что в этом поезде все мишки ездят бесплатно.

Мы только сперва сидели тихо и смотрели в окно, а потом нам это надоело. Мы с Юнасом

пошли в коридор и зашли в чужое купе — поболтать с незнакомыми людьми. Но иногда мы возвращались к маме, чтобы она не беспокоилась. Мама без конца рассказывала сказки Лотте, чтобы она сидела смирно. Мама не позволяла Лотте выходить в коридор; ведь никогда не знаешь, что вздумается Лотте, говорит мама.

— Расскажи о козлах Брусе¹, а не то я выйду в коридор, — угрожала маме Лотта.

В поезде мы ели бутерброды и пили лимонад. Внезапно Лотта сняла ломтик колбасы со своего бутерброда и прилепила его к стеклу.

Мама страшно рассердилась на нее за это и сказала:

— Ты зачем пачкаешь окно колбасой?

— А потому что она приклеивается гораздо лучше, чем фрикадельки, — сказала Лотта.

Тут мама еще сильнее рассердилась на нее. И маме пришлось долго-предолго тереть бумажной салфеткой окно, прежде чем оно стало чистым после ломтика колбасы, который приклеила Лотта.

Один раз, когда поезд остановился на станции, Юнас придумал, что нам с ним надо выйти из вагона подышать свежим воздухом. Мы не могли открыть дверь, но одна тетенька нам помогла.

— Вам в самом деле надо выйти на этой станции? — спросила она.

— Да, — сказали мы.

¹ Народная сказка «Три козла Брусе, что на горное пастбище шли...» из сборника «Норвежские народные сказки» (1842) известных фольклористов Норвегии Пера Кристена Асбьёрнсена (1812—1885) и Йёргена Ингебретсена Му (1813—1882).

Потому что нам в самом деле надо было выйти, но надо было и вернуться назад.

Сойдя с поезда, мы все же добрались до самого последнего вагона и как раз перед тем, как поезд тронулся, вскочили на подножку этого последнего вагона и прошли весь состав, прежде чем оказались возле нашего собственного купе. И увидели, как мама вместе с тетенькой, что помогла нам открыть дверь вагона, разговаривают с проводником. И мама вдруг закричала:

— Остановите поезд, мои дети слезли на станции...

Но мы уже были возле нашего купе, и Юнас сказал:

— Хотя мы и снова влезли в вагон.

Тут мама заплакала, а проводник и тетенька, что помогла нам открыть дверь, стали нас ругать. Хотя зачем тетеньке ругаться, если она сама помогла нам открыть дверь?

— Сейчас же идите в купе к Лотте и с места не двигайтесь! — сказала мама.

Но Лотты в купе не было. Она исчезла. Тут мама чуть снова не заплакала, и мы все вместе пошли искать Лотту. В конце концов мы нашли ее в купе очень далеко от нашего, где она выступала перед толпой людей. Мы слушали, как она рассказывала:

— А в нашем купе едет дяденька, у которого бородавка, но он сам об этом не знает...

Тут мама крепко схватила Лотту за руку и потащила ее в наше собственное купе. И нам пришлось сидеть там тихо-претихо, потому что мама

сердилась на нас и говорила, что легче углядеть за целым стадом бешеных телят, чем за нами.

И тут я подумала, что скоро увижу телят у бабушки с дедушкой. И мне стало так весело!

Когда мы приехали, бабушка с дедушкой встречали нас на веранде. А их пес, которого зовут Лукас, лаял и прыгал, а в саду пахло летом.

— Неужто это — мои маленькие золотые детки? — воскликнула бабушка.

— Да уж, это — чудные золотые детки, — сказала мама.

— Завтра утром поедете верхом на Буланке, — пообещал дедушка.

— Спуститесь со мной вниз, на гумно, и увидите котят Мурры, — сказала бабушка.

Лотта дернула бабушку за передник и спросила:

— Бабушка, а у тебя в шкафу осталось еще хоть несколько карамелек?

— О да, вполне возможно, — ответила бабушка. — Может, у меня в шкафу еще найдется несколько маленьких карамелек.

Тут я почувствовала, что мы приехали домой, к дедушке и бабушке.

Лотта произносит почти что бранные слова

У бабушки с дедушкой так интересно! Подумать только, на большом дереве, которое растет в саду, выстроена почти настоящая веранда. Высоко на дереве! Туда, на верхушку дерева, ведет лесенка, и

если вскарабкаться по лесенке, то попадешь на веранду, и там стоит стол, а вокруг него — скамейки. И все огорожено заборчиком, чтобы не свалиться вниз. Бабушка называет эту веранду Зеленая Беседка. Изю всех мест на свете, где можно поесть, я больше всего люблю те, что на верхушке деревьев!

Как только мы проснулись в первый же день у бабушки с дедушкой, Юнас сразу же спросил:

— Бабушка, а нельзя ли нам есть только в Зеленой Беседке?

— Ой, ой, ой! — всполошилась бабушка. — А как по-твоему, что скажет Майкен, если ей придется три раза в день таскать еду по шаткой лесенке?

— Я скажу: нет и нет! — заявила Майкен.

Майкен — бабушкина прислуга, она такая добрая, но совсем не любит, когда едят на дереве.

— Но, бабушка, мы, верно, и сами можем носить нашу еду в Зеленую Беседку.

— А не то мы так рассердимся, — сказала Лотта. Она ведь немножко дурочка, эта Лотта.

И тогда бабушка сказала: она не хочет, чтобы Лотта сердилась, и поэтому нам дадут с собой в Зеленую Беседку оладыи.

Бабушка испекла целую горку оладыи и положила их вместе с пакетиком сахарного песку и баночкой джема в корзиночку; туда же она положила тарелки с вилками, бутылку молока и три жестяных кружечки. А потом мы вскарабкались в Зеленую Беседку. Первым карабкался Юнас с корзиночкой, потом поднималась я, а последней — Лотта.

— Если ты уронишь корзиночку, Юнас, я буду ужасно смеяться, — сказала Лотта.

Но Юнас не уронил корзиночку, и мы накрыли стол на верхушке дерева и поставили туда все, что принесли с собой. Потом сели на скамейки и стали есть наши оладьи, намазанные джемом и щедро посыпанные сахарным песком, и запивать все это молоком. А дерево все время шелестело! Оладий было ужасно много, и Лотта не в силах была съесть свои. И — подумать только! — она взяла тогда оладьи и развесила на ветках дерева!

— Я играю, будто оладьи — это листья! — сказала Лотта.

А оладьи качались взад-вперед, когда дул ветер, и были почти похожи на листья.

— Смотри берегись, если мама об этом узнает, — сказала я.

Но Лотта — она не обратила внимания на мои слова. Она только смотрела на свои оладьи и пела песню, которую обычно поет папа и которая начинается словами: «Привет! Как шелестит листва!»

Вскоре она опять проголодалась и тогда откусила по половинке всех оладий, так что на дереве остались висеть только их другие половинки.

— Я играю в маленькую овечку, которая пасется в лесу и ест листья, — сказала она.

Вдруг прилетела какая-то птица, и Лотта сказала ей:

— Ты, пожалуйста, ешь мои оладьи, главное, чтоб их не съели Юнас и Миа Мария.

Хотя птица оладьи вовсе не хотела, а мы с Юнасом сильно проголодались! Тогда я протянула руку к Лотте и сказала:

— Подай мне милостыню!

И тогда Лотта дала мне оладью, от которой она уже откусила. Я посыпала оладью сахарным песком и положила сверху джем. И хотя оставалась только половинка оладьи, она была очень вкусная. Юнасу тоже достались оладьи от Лотты, когда он сказал: «Подай мне милостыню!» — потому что Лотте нравится, когда хоть чуть-чутьточку дурачатся. В конце концов мы съели все оладьи Лотты, и тогда она сказала:

— Теперь оладьи-листья кончились. Теперь будем есть просто зеленые листья!

И она нарвала полный кулачок зеленых листьев и потребовала, чтобы мы их ели, но Юнас и я сказали, что мы сыты.

— Ничего! Если с сахарным песком и джемом, то пойдет, — сказала Лотта.

И, посыпав зеленые листья сахарным песком и намазав их джемом, она съела листья.

— Берегись! Смотри, нет ли в листьях какого-нибудь червяка, — сказал Юнас.

— Пусть червяк сам бережется, — возразила Лотта.

«У этой малышки столько идей!» — говорит дедушка.

Подумать только! Вот, например, что случилось на следующей день, в воскресенье, когда у нас на обед была салака, а потом рыбные фрикадельки, хуже которых для Лотты ничего нет. Погода была прекрасная, а в таких случаях бабушка с дедушкой всегда едят в саду за столом, который стоит под самым высоким деревом, какое там только есть. И все мы вместе сидели за столом — бабуш-

ка, и дедушка, и мама, и Юнас, и я; однако Лотта играла с кошкой и не шла к столу, хотя мама много раз звала ее. В конце концов она пришла и, когда увидела салаку, сказала:

— Салака в воскресенье? Фи, фарао!

Тут мама так на нее рассердилась! Ведь она тысячу раз учила Лотту, что нельзя говорить «фи, фарао!», так как это чуть ли не бранные слова. И значит, «фи, фарао!» не только «фи, фарао!», но еще и «черт побери!». И мама заявила, что, если Лотта еще хоть один-единственный раз скажет «фи, фарао!», она больше у бабушки с дедушкой не останется, а вернется домой в город.

И Лотте не позволили с нами обедать только потому, что она опять так сказала, и тогда она стала бегать по всему саду и непрерывно кричать, пока мы ели.

Потом ей пришлось одной сидеть за столом, но она не ела, а только кричала. Мама прогнала нас с Юнасом и сказала, чтобы мы шли играть, так как Лотте надо побыть одной, пока она снова не станет послушной девочкой-паинькой. Но мы оставились за углом и смотрели на Лотту, которая все кричала и кричала. И под конец она смолкла. Однако только потому, что ей снова пришла в голову одна из ее чудных идей. Она взяла салаку, лежавшую на тарелке, подошла к бочке под водосточной трубой и сунула салаку в воду. Тут как раз пришла мама и увидела, что она делает, а Лотта вдобавок сказала:

— Фи, фарао! Пусть салака хоть немножко плавает!

— Лотта, помнишь, что я тебе говорила? — спросила мама.

Тогда Лотта кивнула и пошла в дом, а вскоре снова появилась со своим дорожным чемоданчиком в руке. А из чемоданчика торчал поясок, который волочился за ней следом, когда она шла. И все мы — и мама, и бабушка, и дедушка, и Юнас, и я — смотрели на Лотту, собравшуюся уезжать. Она подошла к бабушке с дедушкой, сделала им книксен и сказала:

— Я уезжаю домой к папе, потому что он гораздо добрее мамы.

Она не попрощалась ни с мамой, ни даже с Юнасом и со мной. Мы смотрели, как она идет, а следом за ней волочится поясок. Но, спустившись вниз, к калитке, она остановилась и довольно долго стояла совершенно молча. И тогда мама подошла к ней и спросила:

— Ну, малышка Лотта, ты уже не едешь?

И тогда Лотта ответила:

— Да, но... мама, не могу же я — фи, фарао! — ехать одна в поезде!

И тогда мама взяла Лотту на руки и сказала: пожалуй, лучше Лотте остаться, потому что все мы очень огорчимся, если она уедет. И Лотта повисла на шее у мамы, и плакала, и не желала разговаривать с Юнасом и со мной, хотя мы хотели утешить ее и поцеловать.

Но вечером, когда мы легли спать, бабушка пришла к нам и стала рассказывать разные библейские истории и показывать картинки из красивой Библии. А на одной картинке был изображен

некто по имени Иосиф. И бабушка сказала, что Иосиф получил красивый-прекрасивый перстень от фарао — фараона Земли Египетской.

И тогда Лотта сказала:

— Ай-ай-ай, бабушка, что ты такое только что говорила?

Но сама Лотта больше почти никогда не произносит «фи, фарао!».

У Лотты «нечисливый» день

Однако почти самое занятное, что есть у бабушки с дедушкой, — это игрушечный домик, в котором играли еще мама и ее сестра Кайса, когда были маленькими. Домик красный и стоит в углу сада, и туда ведет узкая маленькая тропинка, а перед домиком лужайка, где растут маргаритки. В домике стоит белая мебель — стол, и стулья, и шкаф, а в шкафу кукольный сервиз, и маленькая сковородка для оладий, и игрушечный утюжок для кукольных платьев, и маленький графин со стаканчиками для сока. В игрушечном домике живут куклы мамы и тети Кайсы. И еще там есть табуреточка, на которой сидела бабушка, когда была маленькой. Подумать только, неужели табуретки могут быть такими старыми!

Однажды, когда мы были в гостях у бабушки с дедушкой, мы играли в игрушечном домике. Мы играли в «дочки-матери». Юнас был папой, а я — мамой, а Лотта — нашей прислугой, и звали ее Майкен.

— А сейчас папа пойдет гулять с Крошкой, — тут же сказал Юнас и, взяв кукольную колясочку, в которой лежала кукла-младенец (с ней играла еще тетя Кайса), направился в сад.

— А я тогда вымою пол в кухне, — сказала Лотта.

— Не-а, сначала мы приготовим сыр, — сказала я, потому что ведь в доме распоряжалась я, поскольку была мамой.

— Никакого сыра не будет, пока я не вымою пол! — заявила Лотта.

Но тут мы с Юнасом сказали, что мы с ней не играем, раз она нас не слушается. А потом мы приготовили сыр. Когда готовят сыр, берут смородину и малину, кладут их в носовой платок, а потом выжимают сок. Из гущи же, которая остается в платке, делают маленькие круглые сыры, жутко кислые.

— Ну, можно, наконец, вымыть пол в кухне? — спросила Лотта.

Она взяла ведро для мытья полов, и пошла в бабушкину кухню за водой, и почти всю воду из ведра вылила на пол в игрушечном домике. Затем стала тереть пол щеткой, на которую плеснула жидким мылом. Сама Лотта стала уже мокрой с головы до пят.

— Ты плаваешь или еще чем-то занимаешься? — спросил Юнас, который уже нагулялся с Крошкой в саду.

— Я мою кухню, — ответила Лотта. — Потому что кухню мыть надо, и веселее этого ничего на свете нет.

Однако нам с Юнасом пришлось вытирать пол. Сама Лотта этого делать не желала. Она только стояла рядом и смотрела.

Майкен, *взаправдашняя* Майкен, она обычно поет и танцует, она дрыгает ногами и поет. «Тра-раль-лян-раль-лян-лей-ле, я думаю о тебе» — вот что поет Майкен.

Лотта делала все точь-в-точь как Майкен: она дрыгала ногами и пела: «Тра-раль-лян-раль-лян-лей-ля, как брызну на тебя!» И, пропев слово «брызну!», Лотта схватила метелку, висевшую на стене в игрушечном домике, окунула ее в ведро и обрушила целый водопад брызг на нас с Юнасом, а сама что есть сил расхохоталась. Тогда мы рассердились и сказали, что, раз она такая дурочка, пусть вытирает пол сама. Но Лотта только по-прежнему дрыгала ногами и распевала: «Как брызну на тебя!» От жидкого мыла пол был совершенно скользким, и, когда Лотта уже в полном неистовстве дрыгала ногами, она упала и стукнулась головой о шкаф. Бедняжка Лотта! Тут она закричала:

— И вовсе не весело играть в Майкен!

Потом она вышла в сад, чтобы вместо игры в Майкен узнать, где кошка. А мы с Юнасом играли вдвоем, и приготовили шпинат из лепестков сирени, и ели сыр со шпинатом, вернее ели понарошку.

Вдруг мы услышали, как в саду кричит Лотта, и когда выглянули из окошка в сад, то увидели, что она тащит кошку за хвост, а кошка злится и царапает ее. Тогда Лотта примчалась к нам в игрушечный домик и закричала:

— Я только подержала ее за кончик хвоста, а она меня поцарапала!

Мамы с бабушкой дома не было, и мы пошли узнать, где Майкен, чтобы взять у нее пластырь для Лотты. Майкен в кухне не было. Но эта Лотта! Она забыла закрыть кран на кухне, когда брала воду, и я должна сказать, что на кухонном полу воды было в десять раз больше, чем в игрушечном домике, когда Лотта мыла пол. Юнас прошлепал по воде к крану и закрыл его, и тут как раз появилась Майкен.

Всплеснув руками, она закричала:

— Что ты делаешь, Юнас?

— Он плавает, — сказала Лотта и неудержимо расхохоталась.

Но Майкен хотела узнать, кто оставил кран открытым, и тогда Лотта сказала:

— Это сделала я!

— А почему ты это сделала? — спросила Майкен.

— Потому что у меня сегодня нечисливый день.

Когда Лотта говорит «нечисливый день», она имеет в виду несчастливый день, когда все не ладится. Мне кажется, что у Лотты почти все дни — несчастливые.

Ну и молодчина же Майкен! Она вытерла пол, и наложила Лотте пластырь, и налила нам какао, и поставила на кухонный стол булочки, и станцевала для нас, и подрыгала ногами, и спела «Тра-раль-лян-раль-лян-лей-ле, я думаю о тебе!».

Лотта съела пять булочек, и Юнас съел четыре, а я — три.

— Получается такой хороший «нечисливый» день! — сказала Лотта.

И она крепко-крепко, что есть сил, обняла Майкен и спела: «Тра-раль-лян-раль-лян-лей-ля, целую я тебя!»

И тут же поцеловала Майкен. И Майкен сказала, что Лотта славная малышка.

Лотта — рабыня-негритянка

У нас с Юнасом и Лоттой есть кузина и кузен; они — дети тети Кайсы. Когда этим летом мы жили за городом у бабушки и дедушки, туда приехала и тетя Кайса, а с ней Анна Клара и Тотте. Анна Клара и Тотте и есть наши кузина и кузен. Анне Кларе столько же лет, сколько Юнасу, а Тотте такой же совсем новенький ребенок, как Лотта. Анна Клара, бывает, лупит Юнаса, потому что она такая сильная, и к тому же еще она такая распоряжала... И Лотте отлупить Тотте тоже ничего не стоит, что она не раз и делала, хотя мама ей запретила.

— Почему ты бьешь Тотте, ведь он такой паинька? — спросила мама Лотту.

— Потому что он такой миленький, когда плачет, — ответила Лотта.

Тогда Лотту заставили сидеть одну в игрушечном домике, чтобы и она была паинькой. И тогда Анна Клара придумала такую игру, будто Лотта сидит в тюрьме, а мы ее спасаем.

— Сначала передадим ей тайком немного еды, — сказала Анна Клара. — Потому что в тюрьме одна только вода да хлеб.

И мы пошли в кухню и выпросили у Майкен холодных фрикаделек. Анна Клара положила фрикадельки в маленькую корзинку, в которую мы собираем ягоды. Потом Юнас и Анна Клара влезли на крышу игрушечного домика и крикнули Лотте, что мы спустим ей фрикадельки через дымовую трубу. Но тут Лотта высунула голову в окошко и спросила, почему нельзя передать их ей через окошко или дверь.

— А разве дверь не заперта? — спросила Анна Клара.

— Не-а, это не тюрьма, а просто курам на смех, — сказала Лотта. — Выкладывайте фрикадельки!

Но тут Анна Клара рассердилась на Лотту и сказала, что, когда сидят в тюрьме, фрикадельки спускают через дымовую трубу!

— Вот так-то! — заявила Анна Клара.

— Тогда спускайте! — согласилась Лотта.

У Анны Клары была привязана к корзинке длинная веревка, и она спустила корзинку через дымовую трубу. Юнас тоже помогал ей, хотя и не очень. А мы с Тотте только глазели на них снизу.

— Фрикадельки едут! — закричала из домика Лотта. — И еще — очень много сажи! — добавила она.

Тотте и я смотрели в окошко и видели, как Лотта ела фрикадельки. Но на них было очень много сажи, так что лицо и руки у Лотты совершенно по-

чернели. Анна Клара сказала, что это просто здорово, ведь теперь Лотта — пленная рабыня-негритянка, которую мы спасаем. И Лотта еще больше перемазалась сажей, чтобы стать взаправдашней рабыней-негритянкой. Но Тотте заплакал, так как думал, что рабыни-негритянки опасны.

— Они не опасны, — сказала Анна Клара.

— Но они опасны с виду, — возразил Тотте.

И еще громче заплакал.

Довольная этим Лотта корчила страшные гримасы Тотте, а потом сказала:

— Некоторые рабыни-негритянки довольно опасны.

А потом добавила:

— Спасайте меня чичас же, потому что я хочу бегать вокруг и пугать людей. Я люблю, когда меня боятся.

И Анна Клара с Юнасом придумали, что мы спасем Лотту через окошко с задней стороны игрушечного домика. Мы притащили доску от качелей, так как Анна Клара сказала, что доска будет мостом над пропастью, которая перед тюрьмой. Мы приставили доску от качелей к окошку, и Анна Клара с Юнасом и я влезли в окошко, чтобы спасти рабыню-негритянку. Влезли все, кроме Тотте. Он только смотрел и плакал.

Когда мы оказались в игрушечном домике, Лотты там уже не было. Анна Клара ужасно рассердилась.

— Куда пропал этот ребенок? — закричала она.

— Я бежала, — сказала Лотта, когда мы наконец схватили ее.

Она сидела в кустах смородины и ела ягоды.

— Мы ведь собирались спасти тебя, — сказала Анна Клара.

— А я сама спаслась, — ответила Лотта.

— С тобой никогда не поиграешь, — заявил Юнас.

— Ха-ха, — засмеялась Лотта.

Тут пришла мама и увидела, что Лотты в игрушечном домике нет.

— Ну, ты теперь — паинька, Лотта? — спросила мама.

— Да-а-а... Хотя и черная, — сказала Лотта.

Мама, наверно, тоже боялась рабынь-негритянок, потому что, всплеснув руками, она сказала:

— Боже мой, ну и вид у тебя!

И Лотте пришлось пойти в прачечную и отмыться там целых полчаса.

После полудня мы взяли с собой корзинку изпод фрикаделек и стали собирать в нее землянику. На лужайках у бабушки и дедушки так много земляники! Но ой, мы так испугались, когда собирали землянику, потому что увидели змею! Один лишь Тотте не испугался.

— Смотрите, вон — хвост без собачки! — заявил Тотте.

Он не понял, что это не хвост, а змея.

Мы пришли домой, и Анна Клара поделила всю землянику так, что нам всем досталось совершенно поровну. Хотя Анне Кларе достались самые большие и самые спелые ягоды. Тотте и Лотта уселись на веранде со своей земляникой. И вдруг мы услышали, что Тотте заплакал. Тетя Кайса сунула голову за дверь и спросила:

— Почему плачет Тотте?

— Он плачет потому, что ему не дают попробовать мою землянику, — ответила Лотта.

— А его собственная земляника уже вся? — спросила тетя Кайса.

— Да, — сказала Лотта, — она совсем вся. И он заплакал, когда я съела ее тоже.

Тут пришла мама, отобрала у Лотты землянику и отдала ее Тотте, а Лотта запела:

— Тра-ля-ля-гу, пойду-ка я лягу!

— Это, пожалуй, будет лучше всего, — согласилась мама. — Ты, верно, устала сегодня, Лотта?

— Вовсе нет, — сказала Лотта, — у меня столько попрыгунчиков в ногах! Но я все-таки пойду и лягу!

Правда, вечером Лотта была так добра к Тотте! Тотте хотели уложить спать совсем одного, в маленькой комнатке для гостей.

А он испугался темноты, заплакал и захотел, чтобы дверь оставили открытой. Тетя Кайса сказала:

— Но, милый Тотте, дома ведь ты никогда не боишься спать в темноте.

Тут вмешалась Лотта:

— Ты что, не понимаешь, тетя Кайса? Дома — это его собственная темнота. Ты что — не понимаешь, что он не привык к бабушкиной темноте?

И тогда Тотте уложили спать в той же самой комнате, где спали мы с Юнасом и Лоттой. И Лотта поцеловала его, подоткнула под него одеяльце и сказала:

— Теперь я спою тебе, и ты не будешь бояться.

И Лотта запела песенку, как это обычно делает мама:

И ангелочки Божьи кружат,
Крылья простирают.
Вокруг ребенка стоят —
Сон его охраняют.

— Лотта тебя охраняет, — сказала Лотта. — Она, а вовсе не рабыня-негрityнка.

До чего весело, когда Рождество!

Однажды Юнас спросил меня:

— Что ты больше всего любишь — солнце, луну или звезды?

Я сказала, что люблю их всех одинаково, но звезды, может, чуточку побольше, потому что они так красиво светят, когда мы идем к рождественской заутрене. И Рождество я тоже очень люблю.

В этом году я захотела в подарок на Рождество лыжи. И поэтому так боялась: вдруг не выпадет снег. Лотта тоже хотела, чтобы выпал снег, ведь она хотела в подарок санки.

Когда мы легли спать, как раз перед самым Рождеством, Лотта сказала:

— Я попросила у папы в подарок санки, а теперь попрошу Бога, чтобы выпал снег, а не то я не смогу кататься на санках.

И попросила:

— Милый добрый Боженька, сделай так, чтобы снег выпал, ну прямо сейчас! Подумай о бед-

ных цветочках, им нужно теплое одеяльце, когда они спят в земле и им так холодно.

Затем, выглянув из кровати, она сказала:

— На этот раз я, пожалуй, схитрила, не сказала, что снег нужен моим санкам.

И — подумать только! Когда мы назавтра проснулись, начал падать снег. Мы с Юнасом и Лоттой в одних пижамах подбежали к окну и стали смотреть, как все больше и больше снежных хлопьев падает на наш двор, и на наш сад, и на сад тетушки Берг. И мы как можно быстрее оделись, и выбежали во двор, и стали бросаться снежками, и слепили из снега чудесного-расчудесного старика-снеговика, на которого папа, вернувшись домой, надел шляпу.

Нам было так весело целый день, и мама была так довольна, что мы — на воздухе, так как к нам пришла фру Франссон, помогать маме навести в доме красоту к Рождеству. Лотте нравится болтать с фру Франссон, и она говорит ей «ты», хотя мама не велит. Лотта должна говорить «вы» и «фру Франссон» — так считает мама. А фру Франссон нравится болтать с Лоттой, но мама велела фру Франссон не отвечать, когда Лотта говорит ей «ты».

В тот день, когда мы слепили старика-снеговика, а потом завтракали в доме, Лотта сказала фру Франссон:

— Смотри, какие у меня мокрые варезки!

Фру Франссон не ответила, и Лотта спросила:

— А ты видела нашего старика-снеговика?

Но фру Франссон все равно ей не ответила. Тогда Лотта надолго замолчала, но потом спросила:

— Почему, фи, фарао, ты злишься, фру Франссон?

Тут мама сказала:

— Лотта, ты ведь знаешь, тебе нельзя говорить ни «фи, фарао», ни «ты» фру Франссон.

— Тогда я вообще не буду с ней болтать, — заявила Лотта.

А фру Франссон сказала: она, мол, ни за что на свете не желает, чтобы Лотта прекратила с ней болтать. И попросила маму: пусть уж Лотта говорит ей «ты». Мама рассмеялась и сказала, что разрешает Лотте говорить «ты» фру Франссон.

— И «фи, фарао» тоже, — решила Лотта.

— Нет, «фи, фарао» ни в коем случае, — не согласилась мама.

Потом мама вышла, и тогда Лотта сказала:

— Я знаю, что я сделаю. Когда буду иметь в виду «фи, фарао», я скажу «фи, Франссон». Ведь маме нравится, когда я говорю «вы» и «Франссон».

А потом добавила:

— Фи, Франссон, как забавно, когда Рождество!

Это действительно забавно, думаю я. Мы с Юнасом и Лоттой помогали маме с уборкой к Рождеству, и сгребли лопатками снег на дворе, и поставили рождественский сноп для птиц, чтобы они клевали по зернышку. Мама считает, что мы очень старались.

— Не знаю, что бы я делала без вас! — сказала она.

Лотта каждый день аккуратно-преаккуратно вытирала ножи, а сейчас сказала:

— Не знаю, что бы я делала без меня! Хотя, фи, Франссон, сколько приходится работать!

И очень было весело покупать рождественские подарки. Из наших свинок-копилок мы вытащили деньги, которые копили целый год, а потом втроем пошли в город и накупили рождественских подарков. Весело покупать подарки, когда идет снег, а на площади полным-полно рождественских елок, и люди бегут в магазины и выбегают оттуда. Нам с Юнасом надо было купить Лотте маленькую куколку, чтобы ее купать, и мы сказали сестренке, пусть ждет нас на улице, пока мы ходим в игрушечный магазин.

— Но, чур, не смотреть, что мы покупаем, — сказал Юнас.

— Не-а, ты лучше смотри в витрину кондитерской Карлмана, — сказала я.

Лотта охотно этим занялась, потому что в витрине кондитерской Карлмана было очень много марципановых поросят и разных сладостей.

Когда мы с Юнасом, купив куколку для купания, вышли на улицу, Лотта исчезла. Но внезапно она вышла из дверей кондитерской Карлмана.

— Что ты там делала? — спросил Юнас.

— Покупала тебе рождественский подарок, — ответила Лотта.

— А что ты купила? — поинтересовался Юнас.

— Пирожное со взбитыми сливками, — ответила Лотта.

— Ой, ну и глупышка же ты, оно ведь не продержится до сочельника! — воскликнул Юнас.

— Не-а, то же самое как раз решила и я, — сказала Лотта. — Поэтому я его съела.

Нет, подумать только! Как раз в эту минуту на улице появился наш папа. Он не знал, что мы одни ходим по городу и покупаем рождественские подарки.

— По-моему, этих детей я где-то однажды видел, не помню только где, — сказал папа. — Но они — славные на вид, и, думаю, приглашу-ка я их в кондитерскую.

Ой, до чего мы обрадовались! Мы пили какао и ели пирожные — ну столько, сколько хотели, и мы сидели на зеленом диване у Карлмана, а вокруг была толпа людей, которые гудели и болтали, и у всех были пакеты с рождественскими подарками, которые они покупали. А на улице шел снег, а в пирожных было *полным-полно* сливок и день был такой веселый! К нам подошла тетенька, которую зовут фру Фриберг, и начала болтать с папой. Мы с Юнасом сидели молча, но эта Лотта! Она болтала почище фру Фриберг! Тогда папа сказал:

— Лотта, не смей болтать, когда болтают взрослые, подожди, пока они закончат.

— Хо-хо! — воскликнула Лотта. — Думаешь, я не ждала? Ждала, но ничего не получается. Ведь они никогда не закончат болтать!

Тогда фру Фриберг засмеялась и сказала, что теперь ей пора домой, печь рождественские перцовые пряники.

Мы тоже пекли перцовые пряники, хотя только на следующий день. Ой, мы напекли их столько,

что у нас с Юнасом и Лоттой у каждого было по полной жестяной коробке, а пекли мы их абсолютно сами. Все коробки мы держали в детской и обещали приберечь перцовые пряники к сочельнику. Но Лотта съела свои в тот же день и не стала есть на обед капустно-картофельное пюре.

— Они, может, все равно испортятся до сочельника, — сказала Лотта.

Однако потом она каждый день клянчила у меня и Юнаса перцовые пряники и говорила:

— Поддай мне милостыню!

Потом настал сочельник, а сочельник — это самый веселый день в году. И вот что мы делали в сочельник: как только проснулись, помчались на кухню, а там мама уже варила кофе, а потом мы все вместе сидели перед камином в общей комнате и пили кофе, хотя обычно нам его не дают. А еще нам дали шафрановые булочки и перцовые пряники и еще — клецки. А рождественская елка так ужасно чудесно благоухала. Как только мы выпили кофе, мы с папой, Юнасом и Лоттой нарядили елку, а мама готовила в кухне селедочный салат.

— В нашем доме так красиво, — сказал Юнас. — Мне кажется, он — самый праздничный во всем городе!

— И пахнет здесь вкуснее, чем у всех, — добавила Лотта.

Мама вырастила много-премного белых гиацинтов, которые так дивно благоухали, а еще повсюду в доме было полным-полно свечей, и все выглядело иначе, чем всегда, и пахло иначе. Я думаю, на Рождество вообще пахнет иначе.

Мы много ели целый день, и мы ели в кухне и макали хлеб в котелок у плиты.

А после полудня мы с мамой были у тетушки Берг, преподнесли ей рождественские подарки. И она нас угостила конфетами из патоки и жареным миндалем. А Лотта получила в подарок хорошенькую красную шапочку, которую связала для нее тетушка Берг.

— Теперь я почти как юльтомте¹, — сказала Лотта.

Но она им все же не была. Потому что вечером явился взаправдашний юльтомте. Он затопал ногами в прихожей, забарабанил в дверь и вошел к нам с мешком за плечами, доверху набитым рождественскими подарками.

— Мне незачем спрашивать, есть ли здесь послушные дети, — сказал юльтомте. — Потому что я вижу: это у них на лице написано.

А потом обратился к Лотте:

— Берегись, смотри, чтоб у тебя глаза на лоб не вылезли.

Потому что Лотта не спускала с него глаз, ставших совершенно круглыми и огромными.

Затем юльтомте вышел и вернулся обратно с большим свертком, в котором были мои лыжи, и еще с одним большим свертком, в котором были санки для Лотты. Но Лотта все время молчала и не двигалась, пока юльтомте не ушел.

— Почему ты все время молчишь, Лотта? — спросила мама.

¹ Юльтомте (швед.) — рождественский домовой.

— У меня щекочет в животе, когда я вижу юльтомте, — сказала Лотта, — фи, Франссон, как у меня щекочет в животе!

В сочельник нам не надо ложиться спать, пока мы сами не захотим. Мы ели орехи и апельсины, сидя у камина, и мы танцевали вокруг елки; все было так чудесно! А наавтра, на Рождество, мы пошли к рождественской заутрене. Рождественский сноп во дворе был весь засыпан снегом, но мы отряхнули его, чтобы воробьи могли поклевать зернышки, а потом пошли к рождественской заутрене. На небе сияли звезды, поэтому я больше всего люблю звезды, хотя солнце и луна тоже хороши. Когда звезды светят над улицей Бузотеров, она кажется такой удивительной! Почти во всех домах горели свечи, все было красиво и чудесно! Высоко-высоко над самой крышей ратуши светила звезда, это была самая большая звезда, какую я только в жизни видела.

— Это, верно, рождественская звезда, — сказала Лотта.

Потта с улицы
Бузотеров

Все так злятся на Лотту

днажды, когда Лотте с улицы Бузотеров только-только исполнилось пять лет, она проснулась утром уже сердитая. Ей приснилось такое... что-то очень плохое. А Лотта верила: в снах все взаправду! Эта маленькая дурочка Лотта! Поэтому она и рассердилась.

— Они били моего Бамсе! — закричала Лотта, когда мама вошла посмотреть, почему Лотта ревет в кроватке в восемь часов утра.

— Кто бил твоего Бамсе? — спросила мама.

— Юнас и Миа Мария! — закричала Лотта.

— Милая Лотта, тебе это только приснилось, — сказала мама. — Юнас и Миа Мария ушли в школу. У них и времени не было лупить твоего Бамсе!

— Все равно они лупили его, хоть у них и времени не было! — кричала Лотта, похлопывая бедного Бамсе.

Бамсе был маленький толстый поросенок, которого мама сшила из розовой материи и подарил-

ла Лотте, когда ей исполнилось три года. Тогда Бамсе был чистый, розовый и красивый, а теперь — грязный и действительно похож на настоящего маленького поросенка. Однако Лотта думала, что он медведь, и поэтому назвала его Бамсе-Мишка, хотя Юнас сказал:

— Ха-ха, никакой он не медведь, он — поросенок.

— Ты глупый, — рассердилась Лотта. — Ясное дело, он медведь.

— Ты так думаешь, да? — съехидничал Юнас. — Хотел бы я знать, как ты считаешь: он белый медведь или обыкновенный?

— Он не белко-медведь, а, по-моему, поросенко-медведь, — ответила Лотта, — заруби себе это на носу.

Лотта очень любила своего поросенко-медведя. Он спал по ночам в ее кровати, и она подолгу болтала с ним, когда Юнас и Миа Мария не слышали. Но сейчас он лежал на подушке очень печальный, потому что Юнас и Миа Мария били его, — так думала Лотта. Она плакала, глядя на Бамсе, и говорила:

— Бедный Бамсе, я выпорю Юнаса и Миа Марию, я обязательно их выпорю!

Юнас, и Миа Мария, и Лотта, и мама с папой жили в доме желтого цвета на улице Бузотеров. Каждое утро Юнас и Миа Мария уходили в школу, а папа — в свою контору. Дома оставались только мама и Лотта.

— Какое счастье для меня, что есть моя малышка Лотта, — говорила мама, — иначе мне было бы тут так одиноко целыми днями!

— Да, какое счастье для тебя, что есть я, — говорила Лотта. — Иначе тебя было бы так жалко!

Но сейчас, этим утром, когда она так была сердита, Лотта этого не говорила. Она только возмущенно надувала губки. Когда позже ей нужно было одеваться, мама принесла белый джемпер, который бабушка связала для Лотты.

— Только не этот, — заявила Лотта. — Этот щекочет и колется!

— Да нет же, нет! — сказала мама. — Потрогай, какой он мягкий и приятный.

— Нет, он все равно щекочет и колется, — сказала Лотта, не дотрагиваясь до джемпера. — Хочу мое пархатное платье.

У нее было синее бархатное платье, самое ее нарядное, и Лотта называла его «пархатное платье». И теперь она хотела надеть его, хотя был всего лишь четверг, совершенно обычный четверг.

— В воскресенье наденешь бархатное платье, — пообещала мама. — А сегодня — этот джемпер.

— Тогда я лучше буду ходить раздетая, — сказала Лотта.

— Пожалуйста, — согласилась мама и спустилась вниз, на кухню.

Лотта осталась наверху в детской, сердитая и раздетая. Ну, понятно, не совсем раздетая. На ней были коротенькая майка, трусики, чулки и туфли.

— Но в остальном совсем раздетая, — сказала Лотта своему Бамсе — ведь он был единственный, с кем она могла говорить.

— Лотта, ты, верно, спустишься вниз и выпьешь свое какао? — закричала снизу мама.

— Ты так думаешь, да, — пробормотала Лотта, даже не шевельнувшись.

— Отвечай же, Лотта! — опять закричала мама. — Будешь пить какао или нет?

Теперь Лотта была абсолютно удовлетворена. Пусть мама сидит там и думает-гадает: хочет Лотта какао или нет. Лотта решила не отвечать, и где-то в глубине души Лотте нравилось не отвечать вообще, когда мама зовет ее.

Но она проголодалась и очень хотела выпить свое какао, так что, подождав совсем немножко, взяла Бамсе и стала спускаться вниз по лестнице. Шла она очень медленно, ненадолго останавливаясь на каждой ступеньке. Пусть мама теряется в догадках: думает Лотта пить какао или не думает?

— Я еще посмотрю, как мне быть, — сказала Лотта своему Бамсе.

И вот она вошла в кухню.

— Неужели? А вот и Лотта! — воскликнула мама.

Лотта молча стояла у дверей и надувала губки, чтобы мама поняла: она, Лотта, в самом деле еще сердится.

Обычно мама вместе с Лоттой завтракали на кухне. Там всегда было так уютно! Уютно было и теперь. Солнце светило в окно, а на столе стояла собственная синяя чашка Лотты с налитым в нее до краев какао, а рядом лежал бутерброд с сыром. Обычно днем Лотта болтала без умолку, но сегодня она не произнесла ни слова, а мама пила кофе и читала газету и тоже ничего не говорила.

В конце концов Лотта сказала:

— Пожалуй, я могла бы выпить какао, если уж это так обязательно.

— Нет, вовсе не обязательно, — ответила мама. — И вообще тебе сначала надо одеться.

Конечно, Лотта была сердита еще раньше, но теперь она просто впала в ярость. Ой, какая мама глупая — ни платьев Лотте не дает, один только противный джемпер, который щекочет и колется, а теперь еще и есть не дает!.. Ой, какая мама глупая!

— Ты глупая! — закричала Лотта и топнула ногой.

— Вот что, Лотта, — сказала мама. — На сегодня хватит. Поднимись в детскую и сиди там, пока не станешь пайнкой.

Тут Лотта завопила так, что слышно было даже у тетушки Берг в соседнем доме. И Лотта вышла из кухни, и поднялась по лестнице, и вошла в детскую, не переставая орать так, что тетушка Берг в своем доме покачала головой и сказала:

— Пожалуй, у малышки Лотты все-таки болит живот.

Но у Лотты вовсе не болел живот, она просто была в ярости. А когда она была уже вне себя от ярости, ей попался на глаза белый джемпер. Он лежал на стуле и, казалось, щекотал еще сильнее, чем когда-либо. Лотта взвыла и швырнула джемпер на пол. Но тут же смолкла. Потому что на полу, совсем рядом с джемпером, лежали ножницы, которыми Лотта обычно вырезала кукол из бумаги. Тихо-претихо взяла Лотта ножницы и прорезала в джемпере большую дырку.

— Так тебе и надо! — сказала Лотта. — Потому что ты щекочешь и колешься.

Лотта просунула в дырку руку. Ой, какая большая дырка, и как ужасно видеть, что целая рука высовывается оттуда, откуда никакая рука высываться *не должна*. Лотта испугалась.

— Совру, что джемпер прокусила собака, — сказала она своему Бамсе.

Лотта подняла джемпер и, держа его перед собой, долго смотрела на него. Потом взяла ножницы и отрезала один рукав.

— Совру, что собака просто ужасно кусала джемпер, — сказала Лотта.

Она снова подняла джемпер и задумчиво посмотрела на него. Потом взяла ножницы и отрезала второй рукав.

— Никогда в жизни не видала такой собаки, — сказала Лотта.

Но потом она испугалась всерьез. Она скомкала джемпер и сунула его в корзинку для бумаг. Она больше не желала его видеть. И тут как раз мама закричала снизу, с лестницы:

— Лотта, ты уже пайнька?

Тогда Лотта, тихонько заплакав, сказала:

— Нет, ни капельки!

Обняв Бамсе, она прижала его к себе.

— Хотя так им и надо, раз *все* так злятся на меня!

Лотта знала, что это неправда, но если разрежешь джемпер, то надо же свалить вину на кого-нибудь другого.

— Ну да, все злятся на меня, — сказала Лотта своему Бамсе. — Только поэтому я порчу вещи.

Она посмотрела на корзинку для бумаг, где лежал джемпер.

— И вообще виновата собака, — сказала она.

Лотта переезжает...

Но маме как раз надо было идти в магазин за покупками, поэтому она поднялась в детскую и сказала:

— Быстренько стань паинькой, Лотта, и надень джемпер, тогда пойдешь со мной в магазин.

Пойти в магазин! Лучшего развлечения Лотта не знала. Но ведь джемпер, который ей надо было надеть, чтобы пойти с мамой, лежал в корзинке для бумаг, весь изрезанный! Не удивительно, что Лотта снова завопила так, что ее слышно было даже у тетушки Берг.

— Боже мой, что с тобой, Лотта? — спросила мама. — Если ты собираешься скандалить целый день, то ладно, я, пожалуй, одна схожу в магазин.

И мама ушла. Лотта по-прежнему сидела на полу и орала, пока не выбилась из сил. Затем смолкла и стала размышлять.

Лотта поняла, что ей придется просидеть в детской всю свою жизнь из-за этого джемпера. Другие будут ходить в магазин, и в школу, и в свою контору и развлекаться вовсю. Только ей, Лотте, придется сидеть раздетой на полу в детской с одним лишь Бамсе.

— Тогда лучше нам переехать отсюда, — сказала Лотта своему Бамсе.

Да, переехать можно — Майя, прислуга тети Ларссон, вот она же переехала! «Потому что она не ужилась с Ларссонами», — говорила мама.

— А я, я не уживаюсь с Нюманами, — сказала Лотта своему Бамсе.

Нюманы — это фамилия мамы с папой и Юна-са с Миа Марией... и, понятно, фамилия самой Лотты.

— Они все такие злющие здесь, у Нюманов, — сказала Лотта, — так им и надо, что мы переезжаем.

Лотта решила переезжать немедленно.

— Надо побыстрее, пока мама не вернулась домой, — сказала она своему Бамсе, — а то ничего не выйдет.

Но она не хотела переезжать так, чтобы это произошло незамеченным. Она хотела, чтобы мама знала об этом и плакала бы из-за того, что Лотта пустилась в путь. Поэтому она взяла бумагу и шариковую ручку и написала маме записку. Юнас научил ее писать печатными буквами и читать их. Это было очень трудно, но она справилась. И вот что она написала на бумажке:

Я ПИРИЕХАЛА ПАСМАТРИ
В КАРЗИНКЕ ДЛЯ БУМАК

Это означало:

«Я переехала, посмотри в корзинке для бумаг».

— Мама прочитает и поймет, почему я переехала, — сказала Лотта.

И вот, взяв с собой Бамсе, она переехала. Переехала в чем была, одетая лишь в коротенькую майку и трусики, а на ногах у нее были туфли и

чулки. Сначала она завернула на кухню и выпила свое какао. Бутерброд с сыром она захватила с собой и съела его в прихожей.

Куда деваться Лотте

Переезжать, пожалуй, здорово, надо только знать — куда. Но Лотта этого не знала.

— Спрошу-ка тетушку Берг, нельзя ли мне жить у нее, — сказала Лотта.

И, перебросив Бамсе через забор, отделявший сад Ньюманов от сада тетушки Берг, сама перелезла следом за ним. Увидев эту картину, Скотти, песик тетушки Берг, залаял, но Лотта не обратила на него внимания. Она вошла в дом тетушки Берг.

— Добрый день, — поздоровалась Лотта. — Могу ли я жить здесь?

— Добрый день, Лотта, — сказала тетушка Берг. — Я думала, ты живешь дома у мамы с папой!

— Да, но я думаю переехать, — ответила Лотта. — Я не уживаюсь с Ньюманами.

— Вот как?! Да, тогда понятно, что ты собираешься переехать, — сказала тетушка Берг. — Но не надо ли тебе надеть на себя что-нибудь потеплее?

— У Ньюманов мне не дают ни еды, ни платьев, — объяснила Лотта.

А тетушка Берг, к слову сказать, вязала джемперы, и кофточки, и шапочки, и варежки и продавала их людям, которые сами вязать не умели. И тут — бац! — тетушка Берг подошла к комоду и вытащила оттуда белый джемпер, который надела Лотте через

голову. Он был чуточку велик, и получилось что-то вроде маленького платица для Лотты.

— Ну как? — спросила тетушка Берг.

— Ой, как красиво! — ответила Лотта. — И не щекочет, и не колетя.

— Тогда хорошо! — обрадовалась тетушка Берг.

— Да, взаправду хорошо, — согласилась Лотта.

Затем, оглядевшись кругом, она спросила:

— А где можно поставить мою кровать?

— С этим хуже, — сказала тетушка Берг. — Знаешь, Лотта, думаю, ты вряд ли сможешь жить у меня. Здесь нет места еще для одной кровати.

— Боже мой! — воскликнула Лотта. — Должна же я где-то жить!

Тетушка Берг немного подумала, а потом сказала:

— Мне кажется, тебе надо пожить совсем одной, Лотта.

— Но у меня ведь нет дома, — возразила Лотта.

— Ты можешь арендовать мой хлам-чердак, где хранится всякое старье, — сказала тетушка Берг.

В самой глубине сада тетушки Берг стоял старый сарай. Тетушка Берг хранила там свою косилку, и грабли, и лопату, и несколько мешков картошки, и несколько мешков с дровами, и всего понемножку... Над сараем высился чердак, где хранилась старая мебель и разная другая рухлядь. «Одно старое хламье», — говорила тетушка Берг. Поэтому она и называла этот чердак «хлам-чердак».

Юнас с Миа Марией и с Лоттой пытались иной раз подняться на хлам-чердак тетушки Берг, чтоб

посмотреть вещи, которые там хранились. Но она всегда замечала их и кричала в окно:

— Нет, ни в коем случае! Туда вам нельзя!

А теперь вдруг тетушка Берг сама сказала, что Лотта может арендовать ее хлам-чердак... Угадайте, обрадовалась ли Лотта?

— Лучше этого я уже давно ничего не слышала, — сказала она. — Могу я сейчас же переехать туда?

— Пожалуй, сначала мы посмотрим, что там делается, — сказала тетушка Берг.

И вот Лотта и тетушка Берг поднялись на хлам-чердак. Тетушка Берг покачала головой при виде всей рухляди, которая там хранилась.

— Пожалуй, ты не сможешь жить в этом развале, Лотта?!

— Конечно, я, пожалуй, смогу, — возразила Лотта. — Здесь красиво и так тепло и чудесно.

— Почти чуточку слишком тепло и чудесно, — сказала тетушка Берг, открывая маленькое оконце, чтобы впустить свежий воздух.

Лотта тотчас подбежала к ней и выглянула в оконце.

— Посмотри, отсюда виден дом Ньюманов, — сказала она.

— Да, — подтвердила тетушка Берг. — У них — у Ньюманов — красивый дом и красивый сад.

Лотта показала язык дому желтого цвета, где жили Ньюманы.

— Но я там больше никогда жить не буду, потому что я буду жить всю свою жизнь здесь.

На оконце висела коротенькая занавеска в красную клетку.

— Смотри, занавеска у меня уже есть, — сказала довольная Лотта, поглаживая занавеску, — теперь мне нужно только поставить мебель.

— Хочешь все сделать сама или мне помочь тебе? — спросила тетушка.

— Можешь помочь мне самую капельку, — сказала Лотта. — Но распоряжаться буду я.

— Давай распоряжайся, — согласилась тетушка Берг. — Какую мебель ты хочешь?

Лотта посмотрела на тетушку Берг и ухмыльнулась. Все оказалось гораздо веселее, чем она думала; и ведь это просто глупость, что она не переехала уже давным-давно.

— Хочу этот комод, — сказала Лотта, показывая на маленький белый комод.

— Да, пожалуйста, — разрешила тетушка Берг.

— И этот красный столик.

— Пожалуйста, — сказала тетушка Берг.

— И несколько стульев, — попросила Лотта. — Есть тут стулья?

— Да, хотя они и немного сломанные, — сказала тетушка Берг.

— Ничего! — воскликнула Лотта. — А что есть еще?

— Тебе, верно, нужна кровать?

— А есть какая-нибудь? — спросила Лотта.

— Да, пожалуйста, — ответила тетушка Берг. — За корзиной со старым хламом стоит детская кроватка и еще кукольная. В ней спала моя дочка, когда была маленькой.

— Спала в кукольной кроватке? — спросила Лотта.

— Нет, разумеется, в детской кроватке, — ответила тетушка Берг.

— Ну а сейчас в ней буду спать я, — сказала Лотта. — А Бамсе пусть спит в кукольной кроватке, тогда он не станет толкаться во сне. Есть у тебя постельное белье?

— Да, матрац и несколько подушек и, может, одеяло, — ответила тетушка Берг. — Но простыни нет.

— Пожалуй, плевать мне на простыню, — сказала Лотта. — Пошли, будем переставлять мебель!

И тетушка Берг покорно перетаскивала мебель и помогала Лотте приводить в порядок маленькую комнатку. Столик и стулья они поставили у окна, комод у одной стены, кроватку — у другой, а рядом с ней — маленькую кукольную.

— Получилось — ну просто настоящая комнатка! — сказала Лотта.

Тетушка Берг отыскала также старый рваный ковер. Она положила его на пол, и комнатка обрела еще более жилой вид. Круглое зеркало, засиженное мухами, она прикрепила над комодом, а над кроваткой Лотты повесила картину «Красная Шапочка и Серый Волк». Картина показалась Лотте очень красивой.

«Картины нужны, — решила Лотта, — иначе никакого взавправдашнего домашнего козьяйства не получится».

Лотта постоянно говорила, что, когда вырастет, у нее будут мозоли, как у тетушки Берг, и «домашнее козьяйство», как у мамы. И теперь она оглядывала свою маленькую комнатку и ухмылялась.

— Домашнее козьяйство у меня уже есть, — сказала она.

— Да, а с мозолями, пожалуй, торопиться нечего, — посоветовала тетушка Берг.

— Нет уж! — сказала Лотта.

Потом она три раза подряд чихнула.

— Здесь пыльно, — сказала тетушка Берг, — поэтому ты чихаешь.

— Ерунда, — заявила Лотта. — Пыль я могу вытереть. Есть какая-нибудь тряпка?

— Посмотри в комод, — сказала тетушка Берг. Лотта вытащила верхний ящик комода.

— Боже мой! — закричала Лотта. — Здесь весь кукольный сервиз!

Тетушка Берг тоже заглянула в ящик:

— Да, конечно же, здесь старый кукольный сервиз, я совсем о нем забыла.

— Повезло, что я его нашла, — сказала Лотта.

Она выставила сервиз на столик. Он был белый в мелких голубых цветочках... Там были чашечки, и блюдечки, и полоскательница, и кофейник, и сливочник... Лотта просто прыгала от восторга.

— Если бы Миа Мария все это увидела, она бы обалдела! — сказала Лотта.

— Да... Ну никогда бы не подумала! Посмотри, нет ли тряпки в каком-нибудь другом ящике, — посоветовала тетушка Берг.

Лотта вытащила следующий ящик, но никакой тряпки там не было. Там лежала большая кукла с голубыми глазами и черными волосами.

— О! — закричала Лотта. — Не-а, не может быть!

— В самом деле, здесь лежит Виола Линнеа, — сказала тетушка Берг.

— Ее так зовут? — спросила Лотта. — Она красивая, это Виола Линнеа! Да, тогда Бамсе не придется спать в кукольной кроватке, потому что там будет спать Виола Линнеа... Можно мне взять ее?

— Да, если будешь ее беречь, — ответила тетушка Берг. — И, понятно, ей надо спать в своей собственной кукольной кроватке. А Бамсе придется потесниться.

Лотта кивнула:

— Он ведь все равно привык спать со мной.

— Посмотри в нижнем ящике, — сказала тетушка Берг. — Там, вероятно, целый ворох кукольных платьев. Помню, я вечно шила платья для этой куклы!

Лотта поспешно вытащила нижний ящик, и там лежали целые горы платьев, и кофточек, и плащей, и шапочек, и нижнего белья, и ночных сорочек Виолы Линнеа.

— Если бы Миа Мария все это видела, она бы обалдела! — повторила Лотта.

Она вытащила все платья, уселась на полу посреди комнаты и стала примерять их на Виолу Линнеа. Тетушка Берг между тем нашла рваное полотенце, которое могло служить Лотте вместо тряпки. Однако Лотта сказала:

— Вытереть пыль я могу и позже. А сейчас мне надо решить, какое платье здесь самое нарядное.

Лотте пришлось трудно, потому что там было столько разных платьев, и голубых, и красных, и желтых, и клетчатых, и полосатых, и в крапинку, и пестрых.

— Белое вышитое платье — самое нарядное, — сказала в конце концов Лотта. — Его она будет носить только по воскресеньям.

— Правильно, — одобрила тетушка Берг. — Не разрешай ей носить его в будни.

Потом тетушка Берг потрепала Лотту по щеке и сказала:

— Ну, пожалуй, тут все в порядке, так что пойду-ка я к себе домой.

Лотта кивнула:

— Давай иди! Если увидишь Ньюманов, передай, что я живу теперь в моем собственном доме и никогда больше к ним не вернусь.

— Ладно, передам, — пообещала тетушка Берг и ушла. Но когда она уже наполовину спустилась с лестницы, Лотта закричала ей вслед:

— Послушай-ка, тетушка Берг, ведь мне еще нужна еда!

— Конечно же, — сказала тетушка Берг.

— А ты можешь меня кормить? — спросила Лотта.

— Да, но тебе придется самой приходить за едой, — сказала тетушка Берг. — Я не в силах бегать рысью вверх-вниз по лестнице.

Но в эту минуту Лотта увидела корзину, свисавшую с крюка на потолке, и закричала:

— Знаешь, тетушка Берг, я придумала кое-что просто мировое!

Что же придумала Лотта? Оказывается, можно привязать к корзинке длинную веревку и опустить ее через окошко, а тетушка Берг положит в корзинку еду...

— Потом стоит только потянуть корзинку вверх: раз-два — и готово... кушать подано! — сказала Лотта.

— А ты на выдумки хитра! — сказала тетушка Берг.

И тетушка Берг покорно пошла домой, чтобы принести Лотте еду. Когда она вернулась, Лотта уже спустила вниз корзину и ждала.

— Раз-два — и готово... Кушать подано! — закричала тетушка Берг.

— Не говори, что ты мне посылаешь! — закричала Лотта. — Хочу сама увидеть!

И она подняла наверх корзинку; там лежали бутылочка лимонада, две соломинки, чтобы пить его, холодный блин, завернутый в бумагу, и маленькая баночка джема.

— Лучше, чем у Нюманов, — сказала Лотта. — Привет, тетушка Берг! И большое спасибо!

Тетушка Берг ушла. Лотта положила блин на стол и щедро намазала его джемом. Затем свернула блин в трубочку и, держа его обеими руками, стала откусывать небольшие кусочки.

Каждый кусочек она запивала лимонадом через соломинку.

— До чего удобно! — восхищалась Лотта. — И посуду мыть не надо. А люди почему-то говорят, что с домашним козьяйством — одни хлопоты!

Лотта совершенно не считала, что с домашним козьяйством одни хлопоты. Наоборот, сплошные удовольствия! Поев, она вытерла губы тряпкой, которой вытирала пыль со своей мебели — со столика и с комода, со стульев, с кровати и с картины «Красная

Шапочка и Серый Волк». Затем она постелила постель в кукольной кроватке Виоле Линнеа, а в детской кроватке — себе и Бамсе. Она была так рада, что все время напевала коротенькую песенку:

И вот прихожу я в свой маленький дом
И ночью стою там одна у окошка,
И зажигаю свою я свечу, бум-бом,
И нет у меня никого, кроме кошки.

— Хотя, вообще-то, никакой кошки у меня нет, — сказала Лотта.

К Лотте приходят гости

Лотта долго-предолго играла с Виолой Линнеа, с Бамсе и кукольным сервизом и еще пять раз вытирала пыль с мебели. Но потом села на стул и задумалась.

— Боже мой, — сказала она Бамсе. — Что делают целыми днями в домашнем козьяйстве?

Только она произнесла эти слова, как услышала, что кто-то поднимается по лестнице; это были Юнас и Миа Мария.

— Я переехала, — сообщила Лотта.

— Мы уже знаем, — сказал Юнас. — Об этом говорила тетушка Берг.

— Я буду жить здесь всю свою жизнь, — продолжала Лотта.

— Ты так думаешь, да? — сказал Юнас.

А Миа Мария подбежала прямо к кукольному сервизу.

— Ой! Не-а, не может быть! — воскликнула она, поднимая чашечки, и полоскательницу, и кофейник. — Ой, не-а, не может быть!

Затем она увидела Виолу Линнеа и все ее платья.

— Не-а, не может быть, ой! — снова воскликнула Миа Мария и стала рыться в платьях, чтобы посмотреть, сколько их всего.

— Оставь, не твои! — сказала Лотта. — Это мой дом и мои вещи.

— Фу-ты, ну-ты! Я, верно, тоже могу здесь играть, — обиделась Миа Мария.

— Да, хотя очень недолго, — сказала Лотта.

А потом спросила:

— Мама плачет?

— Ничего она не плачет, — ответил Юнас.

И тут Лотта услышала, как кто-то внизу на лестнице произносит:

— Конечно же я плачу!

И в комнате появилась мама.

— Конечно же я плачу из-за моей малышки Лотты.

Довольная Лотта кивнула:

— Ничего не поделаешь! Я уже переехала, и у меня есть домашнее козьяйство.

— Вижу, — сказала мама. — А как у тебя уютно!

— Да, гораздо лучше, чем дома, — сказала Лотта.

— Я принесла тебе небольшой цветок. Ведь так принято — приносить цветы, когда переезжают, — объяснила мама, передавая горшочек с красной геранью.

— Здорово придумано, — обрадовалась Лотта. — Я поставлю цветок на окно. Спасибо тебе.

Лотта еще раз вытерла пыль со всей мебели, чтоб это видели мама, и Миа Мария, и Юнас и сочли бы, что Лотта способна вести «домашнее козьяйство». Но когда она кончила вытирать пыль, мама сказала:

— А ты не пойдешь домой обедать вместе с Юнасом и Миа Марией?

— Нет, меня кормит тетушка Берг, — сказала Лотта и продемонстрировала, как хитроумно они все устроили с этой корзинкой.

— Во всяком случае, ты не такая уж дурочка, — заметил Юнас.

Затем, усевшись на пол, стал читать старые еженедельные газеты, которые нашел в углу.

А мама сказала:

— Тогда до свидания, малышка Лотта! Если вздумаешь снова переехать домой к Рождеству или что-нибудь в этом роде, знай, мы все будем рады.

— А сколько времени осталось до Рождества? — спросила Лотта.

— Семь месяцев, — ответила мама.

— Хо-хо, пожалуй, я точно проживу здесь гораздо больше семи месяцев, — решила Лотта.

— Ты так думаешь, да?! — сказал Юнас.

Потом мама ушла. Лотта и Миа Мария стали играть с Виолой Линнеа, а Юнас сидел на полу и читал старые еженедельные газеты.

— Разве здесь не весело, Миа Мария? — спросила Лотта.

— Да, лучшего игрушечного домика на свете нет, — ответила Миа Мария.

— Это мой дом, а вовсе не игрушечный домик, — сказала Лотта.

Тут кто-то снова поднялся по лестнице, и это был папа.

— Ой-ой-ой, какое несчастье! — причитал папа. — В городе ходят слухи, будто ты переехала. Это правда, Лотта?

Лотта кивнула:

— Ага, я переехала!

— Тогда я знаю кое-кого, кто будет плакать вечером, и это твой бедный папа. Подумать только, я приду вечером в детскую пожелать своим детям спокойной ночи, а одна кровать окажется пустой. Лотты нет!

— Ничего не поделаешь! — сказала Лотта, хотя ей было жалко папу, да, очень жалко!

— Ну что ж, вероятно, ничего не поделаешь, — сказал папа. — Но Юнасу и Миа Марии придется все равно идти сейчас домой и есть мясные фрикадельки и абрикосовый компот.

Папа, Юнас и Миа Мария собрались уходить.

— Тогда до свидания, малышка Лотта, — уходя, сказал папа.

— Тогда до свидания, — ответила Лотта.

— Привет! — сказали Юнас и Миа Мария.

— Привет! — ответила Лотта.

«...И ночью стою там одна у окошка...»

Потом Лотта была одна. Тетушка Берг принесла ей обед. Лотта подняла наверх корзину, и там снова лежали бутылочка лимонада, и две соломинки, и холодная свиная фрикаделька.

— Не хуже, чем у Ньюманов, — сказала Лотта своему Бамсе.

Когда она поела, она снова вытерла пыль со своей мебели. Затем, стоя у окошка, смотрела в сад Ньюманов. Юнас и Миа Мария играли там с папой в крокет. Все яблоневые деревья цвели, и Лотте казалось, что они похожи на большие букеты. Это было так красиво!

— Играть в крокет — весело, — сказала Лотта своему Бамсе. — Хотя и не так весело, как иметь свое собственное домашнее козьяство.

Вскоре начало смеркаться. Тогда папа, Юнас и Миа Мария пошли в свой дом желтого цвета. Лотта вздохнула. Смотреть было больше не на что.

Она долго еще выглядывала из окошка, а тем временем с хлам-чердаком тетушки Берг случилось нечто неожиданное для Лотты. Там стало совершенно темно, и, обернувшись, она это увидела. Мрак сгустился в углах, он лежал там черным покрывалом. И он подползал все ближе к комнате Лотты, так что скоро осталось всего лишь одно маленькое пятнышко у окошка.

— Лучше нам лечь, потому что скоро мы ничего не увидим, — сказала Лотта своему Бамсе.

Она поспешила уложить Виолу Линнеа в кукольную кроватку, а Бамсе — в детскую кровать. Затем сама залезла туда и легла рядом с Бамсе, натянув одеяло на нос.

— Не то чтоб я боялась, когда темно, — сказала она, — но мне кажется, что это жутко печально.

Она вздохнула несколько раз, потом села и стала вглядываться в темноту.

— Ух, — сказала Лотта и снова залезла под одеяло, крепко прижав к себе Бамсе. — Теперь, верно, Юнас и Миа Мария тоже лежат в кроватях. И к ним приходят мама с папой и желают спокойной ночи. Но только не мне...

Лотта вздохнула. И это было единственное, что нарушило тишину на чердаке; в остальном все было тихо-претихо. «Не должно быть так тихо», — подумала Лотта и поэтому запела:

И вот прихожу я в свой маленький дом
И ночью стою там одна у окошка...

Но потом смолкла и снова вздохнула. А затем попробовала спеть еще раз:

И вот прихожу я в свой маленький дом
И ночью стою там одна у окошка...

Однако дальше бедняжка Лотта петь не смогла, она только горько плакала. Но снизу по лестнице уже поднимался папа и пел:

И зажигаю свою я свечу, бум-бом,
И нет у меня никого, кроме кошки.

Лотта еще горше заплакала.

— Папа, — крикнула она, — я хочу хотя бы кошку!

Тогда папа вытащил Лотту из кровати и крепко обнял.

— Знаешь что, Лотта, — сказал папа. — Мама дома так горюет, может, ты переедешь домой хотя бы к Рождеству?

— Я хочу переехать домой чичас же! — закричала Лотта.

И тогда, взяв на руки и Лотту, и Бамсе, папа перенес их в дом желтого цвета — к маме.

— Лотта переехала домой! — закричал папа сразу же, как только они вошли в прихожую.

Мама сидела у камина в общей комнате. Протянув к Лотте руки, она спросила:

— Это правда? Ты в самом деле переехала домой, Лотта?

Лотта бросилась в мамины объятия, а слезы так и брызнули у нее из глаз.

— Я буду жить у тебя всю жизнь! — плача, сказала Лотта.

— Это просто замечательно! — обрадовалась мама.

Затем Лотта долго сидела у мамы на коленях, и только плакала, и ничего не говорила. А в конце концов произнесла:

— Мама, у меня теперь другой белый джемпер, который мне подарила тетушка Берг. Верно, здорово?

Мама ничего не ответила. Она молча смотрела на Лотту. Тогда Лотта, опустив глаза, пробормотала:

— Другой джемпер я разрежала, и я хочу сказать: «Прости меня за это!» — но не могу...

— А если я тоже скажу: «Прости»? — спросила мама. — Если я скажу так: «Прости меня, малышка Лотта, за то, что я столько раз глупо вела себя с тобой!»

— Да, тогда я смогу сказать: «Прости!» — обрадовалась Лотта.

Обвив руками мамину шею, она изо всех сил обняла ее, повторяя:

— Прости меня, прости, прости, прости!

Затем мама отнесла Лотту в детскую и положила в собственную ее кроватку, в которой были и простыня, и розовое одеяло, из которого Лотта обычно выдергивала нитки, когда ложилась спать. Папа тоже пришел, и оба они — и мама, и папа — поцеловали Лотту и сказали:

— Спокойной ночи, любимая малышка Лотта!

А потом они ушли.

— Какие они хорошие! — сказала Лотта.

Юнас и Миа Мария уже засыпали, но Юнас сказал:

— Я так и знал, что ты и на ночь там не останешься.

Тогда Лотта ответила:

— Зато я буду там целыми днями играть. А если ты и Миа Мария будете бить моего Бамсе, я выпорю вас обоих, так и знайте!

— Плевать нам на твоего старикашку Бамсе! — сказал Юнас.

И тут же заснул.

Однако Лотта еще некоторое время не спала и напевала себе под нос:

И вот прихожу я в свой маленький дом
И ночью стою там одна у окошка,
И зажигаю свою я свечу, бум-бом,
И нет у меня никого, кроме кошки...

— Хотя эта песенка не про меня, а совсем про другую Лотту, — сказала Лотта.

Самуэль Август
из Севедсторна
и Ханна из Хульта

сейчас я хочу рассказать вам историю о любви. Я не прочла ее в книге, не выдумала, мне ее рассказали. Эту историю я слышала много раз. В ней больше любви, чем в любой из прочитанных мной книг. Мне она кажется трогательной и прекрасной. Но быть может, это лишь потому, что ее герои — мои родители.

Эта история любви длинной, в целую жизнь, началась однажды в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году, когда Самуэль Август из Севедсторпа, тринадцатилетний паренек, во время экзамена в школе прихода Пеларне обратил внимание на девочку с челкой, сидевшую возле печки и бойко отвечавшую на все вопросы. Было ей девять лет от роду, жила она в Хульте и звали ее Ханна. Ханна из Хульта, на нее-то и обратил внимание Самуэль Август. Разумеется, он видел ее и раньше, но не такими глазами.

«...Тебя увидел я, и с той минуты одну тебя я вижу в целом мире...» Ничего подобного Самуэль

Август сказать не мог, ведь он был всего лишь крестьянским пареньком из Смоланда и о стихах не имел понятия. И все же это было именно так.

Для Самуэля Августа школьная учеба заканчивалась этим экзаменом. Сидел и смотрел он на девочку с челкой тоже последний раз. Ему пришлось отправиться домой в Севедсторп и гнуть спину на маленьких каменистых клочках земли. А когда ему минуло восемнадцать, пришло время наниматься в батраки. В Севедсторпе сыновей было много, а маленькая усадьба прокормить всех не могла.

Молодой батрак нанялся к своему дяде по матери Перу Отто из Веннебьёрке. Ему положили плату 60 крон в год, но зимние месяцы у него были свободны. Зимой он прошел курс учебы в народной школе Сёдра Ви, и на этом его изучение книжных премудростей закончилось. Волей-неволей пришлось батрачить снова. Работа была тяжелая, длинные, безрадостные дни тянулись, похожие один на другой. Кроме того, особенного, дня. Его Самуэль Август запомнил на всю жизнь.

Это была суббота августа тысяча восемьсот девяносто четвертого. Именно в этот день Самуэль Август отправился в путь, что и решило его судьбу, хотя шел он всего лишь домой в Севедсторп. Путь туда был не близкий, две долгие мили, а уйти из Веннебьёрка можно было лишь после окончания дневной работы.

Ушел он вечером, пришел домой ночью. Вдобавок ко всем бедам он стер ногу, пришлось разуться и идти полпути босиком. «Я страсть как жалел,

что нет у меня велосипеда. И как только он тогда сам собой не вынырнул из-под земли?!» — рассказывал он после.

Но велосипед не вынырнул из земли. Самуэлю Августу пришлось ковылять пешком. К двери своего дома он с трудом притащился к двенадцати ночи и увидел, что его мать, стоя на коленях, моет пол. Ида из Севедсторпа привыкла работать допоздна, так что удивляться тут было нечему.

Зато Ида слегка удивилась, увидя сына в дверях, но, узнав, зачем он пришел, она просто ахнула от удивления. Так вот: он узнал от дяди, Пера Отто, что весной можно будет взять в аренду пасторскую усадьбу Нэс в приходе Виммербю. «Не знаю никого, кто подошел бы более для того, чем Самуэль из Севедсторпа со своими сыновьями», — сказал дядя.

— Ну, что вы об этом скажете, матушка? — радостно спросил Самуэль Август.

Матушке это предложение показалось самым что ни на есть глупым. Мол, откуда им с отцом взять денег на покупку скота и всего прочего, чтобы управляться с таким большим хозяйством? Нет, об этом и думать нечего.

Самуэль Август огорчился.

— Вам, матушка, невдомек, каково это батрачить, — с горечью ответил Самуэль Август.

Его мечта перестать батрачить и начать работать на себя лопнула. Правда, не то чтобы вовсе «на себя», а на арендованной земле.

«Ох, и проняли меня эти слова», — рассказывала после Ида из Севедсторпа, моя бабушка, про

этот памятный субботний вечер. И на другое утро, когда отец Самуэля Августа проснулся, она поведала ему про рискованное предложение сына. Они вместе решили, что Ида должна посоветоваться со своим отцом, Андерсом Петтером Ингстёмом из Чурсторпа. Он был известен во всей округе как степенный и смысленый крестьянин. Но детям своим он потачки не давал, когда дело касалось работы. «Колоти сильнее, силой-то тебя Бог не обидел», — говорил он шестнадцатилетней Иде, когда та молотила цепом на гумне. «Ничего, сдюжишь», — говорил он, заставляя ее собирать камни на полях и класть каменные изгороди, хотя вечером, закончив работу и собираясь идти домой, она шаталась и вынуждена была опереться на что-нибудь, чтобы прийти в себя. Она и замуж-то вышла в восемнадцать лет отчасти для того, чтобы уйти от этой каторжной работы. Хотя и замужем легкой жизни ей не досталось. Семерых детей родила она и вырастила, так что ей, как и в родительском доме, приходилось трудиться бóльшую часть суток. Удивляться тому, что она в ту субботу среди ночи драила пол, ни капельки не приходилось.

— Коли парнишке охота, чтобы вы взяли Нэс, берите, — ответил Андерс Петтер, когда дочь спросила его совета.

Однако «взять Нэс» было не так-то просто. Желающих было много. Пастор Блиндберг хотел сам выбрать арендатора. Но к счастью, пастор из пастората Виммербю читал иногда проповеди и в Пелларне, этот приход находился также в его веде-

нии. И вот однажды, в воскресенье, пастор Блидберг, стоя на церковном холме после службы и разговаривая с прихожанами, спросил, что за человек Самуэль Юхан Эрикссон из Севедсторпа, который в числе многих прочих желает получить Нэс в аренду. Учитель приходской школы сразу же сказал, что Самуэль из Севедсторпа в арендаторы никак не годится. Мол, он слишком добр и обходителен, с работниками ему не справиться. Но возле учителя стоял церковный староста Юнас Петтер Юнссон из Хульта, отец девочки с челкой, кроткий и приветливый человек. Он-то и замолвил доброе словечко за Самуэля Эрикссона из Севедсторпа.

— Добрые люди умеют ладить с людьми, — сказал он.

Слова, сказанные тогда моим дедом по матери, чтобы поддержать моего деда по отцу, возымели свое действие. Пастор Блидберг явно желал взять в арендаторы доброго человека. И он выбрал Самуэля Юхана Эрикссона.

И тридцатого апреля тысяча восемьсот девяносто пятого года две повозки, запряженные быками, повезли из Севедсторпа весь небогатый скарб, которым владели его обитатели в этом мире. День стоял на редкость знойный, быки утомились на жаре, но к вечеру стало прохладнее, и наконец они прибыли в Нэс.

Пожалуй, из них больше всех рад был двадцатилетний Самуэль Август. Ведь это стало возможным лишь благодаря тому, что он поспешил тогда домой, не жалея стертой ноги. И теперь он обрел

дом, где ему предстояло жить и умереть, но в ту пору он этого, разумеется, не знал.

Итак, Самуэль Август приехал в Нэс.

Позвольте мне в кратких словах описать расположенную в провинции пасторскую усадьбу, жилой дом, выкрашенный в красный цвет, стоявший в укромном месте между каштанами, вязами и липами, посаженными заботливыми руками вокруг двора, который с трех сторон был окружен фруктовым садом и огородом. Дом был невысок, а в нем всего лишь три комнаты, «зала» и кухня — обычное жилище пастора в те времена. Комнаты были темными, с низкими потолками, но в них обитали любовь и покой, а синие глаза веселых и счастливых четверых детей могли бы, подобно солнечным лучам, осветить и более темные комнаты, нежели эти.

Так описал пасторскую усадьбу в Нэсе тот, кто жил здесь задолго до Самуэля Августа, в начале девятнадцатого века. Но дом, о котором идет речь, почти сто лет спустя стал жилищем арендатора, сюда-то Самуэль Август из Севедсторпа приведет со временем Ханну из Хульта, и сияние глаз новых четверых ребятишек, веселых и счастливых, осветит старый красный дом, в котором и в эту пору царили любовь и покой.

Но до этого времени мы еще не дошли. Пока еще речь идет про тысяча восемьсот девяносто пятый год и Самуэлю Августу двадцать лет. А что же девочка с челкой, думает ли он еще о ней? Ее образ для него несколько поблек, в последние

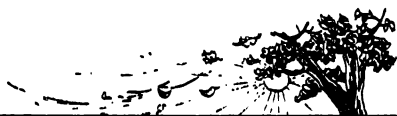

годы он редко видел ее, к тому же они жили теперь в разных приходах, что вовсе не способствует любви. Но к счастью, пастор прихода Виммербю по-прежнему должен был иногда читать проповеди в Пеларне, а в обязанности арендатора входило возить его туда. Чаще всего это делал средний сын арендатора, Самуэль Август. Там он каждый раз видел Ханну из Хульта, а может, и обменивался с ней несколькими словами. Больше ничего и не требовалось — «...тебя одну я вижу в целом мире», — так оно и было, на всю жизнь... Больше всего он, поди, видел ее в мечтах, потому что встречать ее ему доводилось редко, и то на минуту-другую. Однажды он увидел ее на книжном аукционе в Пеларне. Ей поручили вести протокол, потому что она была девушка смышленная и почерк у нее был очень красивый. В зале аукциона было очень жарко. Потом она вышла и стала в дверях, чтобы охладиться. «И до чего же она, Боже ты мой, была хороша!» — вспоминал Самуэль Август про свои любовные страдания. Вспоминал он не без горечи и про летний праздник в местечке Хульторредс-слэтт, где увидел ее в домотканом голубом платье... Ему бы подойти к этой девушке, но вокруг нее «так и вились парни из Пеларне», и Самуэль Август не посмел приблизиться к ней. Он только «раздосадовался аж до слез и поехал домой».

Самуэлю Августу уже минуло двадцать пять, пора было жениться, но получить в жены Ханну из Хульта он не надеялся. Он и мечтать не мог, что такая девушка, как она, посмотрит на какого-

то Самуэля Августа, простого парня. Потеряв всякую надежду, он только «досадовал аж до слез» каждый раз, когда видел ее. Вообще-то, он мог без труда найти себе невесту. В округе хватало расторопных свах, охотно желавших устроить судьбу молодых. Одна из них непременно хотела женить Самуэля Августа на несметно богатой девице из дальнего прихода, мечтавшей выйти замуж. Она присоветовала ему поехать и посмотреть на эту золотую птицу. Сказывали, будто в приданое за ней дают пятьдесят тысяч, и Самуэль Август согласился, что не худо бы взглянуть на нее. В ближайшее воскресенье он решительно сел в поезд, который привез его туда, где жила незнакомая девица, жаждавшая вступить в брак. Но в тот же самый вечер он воротился домой. Бедному крестьянскому парнишке, желавшему купить усадьбу, как никому другому, нужны были пятьдесят тысяч, подобные браки были у крестьян делом обычным. И он, приехав домой, брел по длинной аллее пасторской усадьбы в глубоком раздумье. После он рассказывал, о чем думал тогда:

«Помнится мне, в начале аллеи я думал: „Ясное дело, пятьдесят тысяч — деньги большие!! Только я взял бы ее и за двадцать пять, кабы она походила на Ханну из Хульта“. Прошел я еще немного, почитай до середины аллеи, и подумал: „Да, я взял бы ее и за десять тысяч, кабы только походила она на Ханну из Хульта“. А когда дошел до калитки, тут уже подумал: „Да кабы она походила на Ханну из Хульта, я взял бы ее и без единого эре“».

Видно, девица эта не походила на Ханну из Хульта, коли Самуэль Август больше не ездил к ней свататься.

А после была свадьба в Гебу. Осенью тысяча девятьсот второго. Я не знала близко Пера Юхана и Хильду, жениха и невесту, но благодарна им за то, что они пригласили на свою свадьбу так много гостей! В том числе Самуэля Августа. И Ханну. На этой-то свадьбе все и случилось, вернее, все началось. Ханна, видно, поняла наконец, что Самуэль Август, все время провожающий ее глазами, влюблен в нее, хотя сказать об этом не смеет. И она смело предложила подняться на террасу. Самуэль Август, ясное дело, обрадовался. Только он никак не мог найти свою шляпу, которая лежала в прихожей на столе, вместе со многими другими, точь-в-точь похожими на нее. Тогда Ханна пообещала сшить ему маленькую монограмму на шляпу, чтобы легче было ее искать на праздниках и вечеринках. Он принял ее слова за поощрение и плавал в море блаженства до десяти часов вечера. И тут, к большому огорчению, он должен был везти пастора домой. Хотя это мог бы сделать и его старший брат, ведь он тоже был на этом свадебном пиру. Самуэль Август долго сердился на брата.

Потом он вернулся в Нэс и стал ждать монограмму и... бог знает чего. Миновал ноябрь, пришел декабрь, а монограмму он так и не получил! Под конец он не выдержал. В крещенский вечер тысяча девятьсот третьего года он написал открытку и как раз, когда в Нэсе собралась молодежь,

уехал от гостей на почту отправить ее Ханне. «Сим письмом поздравляет тебя сердечно твой друг», — написал он, ведь это был как раз день ее именин. И добавил: «Хочу спросить, скоро ли будет готова монограмма?»

Неделю спустя он получил в ответ открытку. Ханна писала, как праздновала Рождество, и еще о том о сем, а в конце задавала хитрый вопрос: «Когда можно будет увидеть шляпу?»

Самуэль Август купил целую пачку кошмарных открыток (они все сохранились), в которых господин с роскошными усами, судя по всему, отчаянно и элегантно флиртовал с дамой в ярко розовом платье. Этими открытками он начал бомбардировать Ханну, тонко намекая, как сильно ему хотелось бы быть на месте этого усатого господина, если бы дама в розовом платье была Ханной.

И Ханна отвечала ему не менее заковыристо. Но дальше дело у них не двигалось.

Но вот в феврале тысяча девятьсот третьего года Ханна приехала в Виммербю, чтобы выучиться ткать еще лучше, чем умела, у известной в округе ткачихи по имени Августа из Алекснэса. И надо же, какое везение! Однажды вечером, когда Самуэль Август случайно был в городе, он ненароком повстречал Ханну. Он тут же пригласил ее на чай в кафе «Ройяль», что положило начало многим чаепитиям и прогулкам. Немного позднее выяснилось, что ни Самуэль Август, ни Ханна чай не любили, но пить чай считалось шикарнее, чем кофе, а они оба хотели произвести друг на друга

хорошее впечатление. Во всяком случае, других причин заставить Самуэля Августа добровольно пить чай не было.

Впрочем, он вовсе не замечал, что пьет, — до того был влюблен. «На меня словно болезнь какая напала», — объяснял он после. Ханна должна была остаться в городе только до первого апреля. Самуэль Август знал, что, если он до того времени не сумеет заставить себя сказать то, что ему так хочется, все будет потеряно. А что, если он осмелится выдать из себя нужные слова, а она ему скажет «нет»? Ведь тогда тоже все будет потеряно. Как бы то ни было, спросить, по крайней мере, он должен был, без этого он обойтись никак не мог. Но вечера проходили один за другим, а Самуэль Август только хлестал чай, чуть ли не захлебываясь, а вопроса все не задавал. И вот наступило первое апреля, вечер был холодный и сырой, а на следующий день Ханна должна была уехать домой! Самуэль Август пил чай с ней последний раз, и в последний раз они отправились на прогулку. Они все шли и шли, а Самуэль Август никак не осмеливался. Но под конец он понял, что дело это самое важное во всей его жизни. «Будь что будет, а молчать долее я не могу!» — подумал он. И в самом деле, времени на раздумье уже не оставалось.

Он повел свою ненаглядную в церковный садик. Там рос плакучий ясень, а под ним стояла скамейка, на которую они сели. Было это первого апреля тысяча девятьсот третьего года, падал мокрый снег. О любовь, сколь справедливы слова

апостола о том, что ты «всего надеешься все пренносишь!»¹.

Наконец-то Самуэлю Августу удалось выдать из себя мучивший его вопрос:

— Как ты думаешь, могли бы мы жить с тобой счастливо вдвоем?

А Ханна ответила:

— На все воля Божья!

Она была воспитана в глубоко религиозной семье и считала, что в таком важном деле нужна Божья помощь. Но ее дети не вполне одобряли ответ, который она дала Самуэлю Августу. Ему нужен был более определенный ответ, и он заслужил его. Но Ханна тогда еще не была готова так, сразу, дать ответ... Но все же ответ этот значил для него так много, что он не зря называл эту скамейку местом, где зажглась звезда его надежды. И в эту метель он заслужил поцелуй, первый в их жизни.

А что было с монограммой? Он в конце концов получил ее, Ханна сама пришила ее к его шляпе. Стоя. А Самуэль Август стоял рядом и светил ей спичками, обжигая пальцы. Вечер был тогда темный, а любовь их — бездомная.

Лишь в тысяча девятьсот пятом году у него появился по-настоящему собственный дом, а до того пришлось ему довольствоваться лишь письмами да короткими встречами. Эти письма и теперь хранятся в маленькой коричневой квадратной шка-

¹ Евангелие, глава тринадцатая из Первого послания апостола Павла к коринфянам.

тулке, они лежат там семь десятилетий. Можно сказать, что это удивительные письма, зная, что писали их люди, ходившие в маленькую сельскую школу через день в течение шести лет. Они написаны красивым почерком, особенно ее письма, и ошибок в них очень мало. Что же до содержания, то это, разумеется, обычные любовные письма, интересные лишь для тех, кому они адресованы. Но коль скоро мне хочется рассказать эту любовную историю последовательно и со всеми наивными подробностями, которые мне особенно дороги, ибо, рассказывая о них, я слышу голос своего отца, приведу несколько выдержек из писем, хранящихся в коричневой шкатулке. Я назвала бы их: «Образцы стиля писем деревенской влюбленной пары начала двадцатого века, а также картинки из их повседневной жизни». Тот, кто не хочет читать чужие любовные письма, может пропустить эти строки.

Первое письмо, написанное Самуэлем Августом после вечера на скамейке под плакучим ясенем, полно благодарности «за каждую нашу встречу, когда ты была в Виммербю». «С той самой поры не было дня и даже часа, когда бы я не думал о тебе, дорогая моя, — пишет он дальше. — Питаю надежду, что и ты не забудешь меня, что я буду как бы покоиться в твоём сердце, ты для меня идеал среди женщин». И в конце письма: «О ненаглядная моя, не сомневайся в моей любви, ибо она тверда, как скала».

А подпись более спокойная:

«Искренне твой С. А. Эрикссон».

В письме, написанном позднее, той же весной, после приезда Ханны в Нэс, он пишет:

«Не могу описать словами, как люблю тебя, я говорить красиво не умею, уж ты прости меня. Не дал мне Господь дара, каковым наградил других. Но когда наши взгляды встречаются, разве не говорят они тогда языком любви? Я уверен, что так оно и есть, а что думаешь ты? Верная любовь живет в спокойной груди. По мне, любовь, которая не бушует сильно, а растет и крепнет спокойно и разумно, лучше той, что пылает огнем».

На это письмо Ханна отвечает:

«Ты желаешь, чтобы я приехала в Нэс и осталась там, спасибо тебе на том! Отвечу тебе, что надеюсь и уповаю на Всеведущего Господа, на Его святую волю, которой нам должно подчиняться. Правда, твоя верная любовь живет в спокойной груди, и мы с тобой можем понять друг друга без цветистых слов, и, коли мне суждено быть рядом с тобой, я желаю стать тебе верным другом. Однако нам надлежит непременно лучше и надежнее узнать друг друга».

Читая эти письма, можно заподозрить, что Ханна прячется за Всеведущего Господа, потому что сама точно не знает, чего хочет. Но в то же время она рада тому, что кто-то так сильно любит ее, и дарит Самуэлю Августу одно-другое словечко, которым он живет.

«Все прочее ты и без того поймешь, скажу лишь, что видела тебя нынче ночью во сне и что вспоминаю о тебе, когда выдается свободная минутка, что меня кое-кто выспрашивал о тебе. Же-

лаю, чтобы ты поскорее навестил меня... думай почаще о своей Ханне».

Да, Самуэль Август думал о ней и с радостью навещал ее в Хульте, а когда возвращался домой, Ханна охотно провожала его, шла с ним рядом по дороге, и он был ей за это благодарен:

«Спасибо тебе за то, что ты шла со мной так долго, надеюсь, ты после в этом не раскаялась?»

«И вовсе я не раскаиваюсь в том, что проводила тебя. Во все нет! Я не спеша возвращалась домой, погруженная в свои мысли, спешить мне вовсе и не хотелось».

Другим это вовсе ничего не говорит, но мне приятно знать, что та, что позднее стала моей матерью, майским вечером тысяча девятьсот третьего года медленно шла домой, погруженная в свои мысли. Мне лишь хотелось бы знать точно, было ли ей весело и тепло на душе, замечала ли она, какая красота вокруг, слышала ли пение черных дроздов, ведь они всегда поют в Пеларне весенними вечерами, но этого я не узнаю никогда. Но чувствую, что это было так, как мне представляется.

Много времени для мечтаний у Ханны не было. Из писем видно, как много ей приходилось работать. Она сидела и ткала и под стук станка справляла тысячу других работ по дому; по воскресеньям пела в церковном хоре, на праздниках общества Голубой ленты и Общества охотников разносила кофе; когда ее невестка, живущая по соседству, занемогла, ходила за ней и помогала управляться по хозяйству. Неудивительно, что пи-

сать письма ей приходилось, как она выражалась, «со скоростью курьерского поезда».

Но и у Самуэля Августа много времени на письма не было. «Однако, — писал он в одном письме, — надо отвозить молоко, до этого я, как всегда, был в хлеву и задавал корм телятам. А в короткое время меж этими делами сию и пишу письмо тебе, моя ненаглядная».

Он называл ее своей ненаглядной и своей надеждой и отнюдь не верил какому-то заезжему лектору, выражавшему сомнение в том, что существует настоящая любовь. Подобные глупости можно было втемашить кому угодно в голову, только не Самуэлю Августу. «Каков был бы мир без любви? Для идущего по жизни не быть любимым, не знать самому любви, не уметь любить — все равно что брести по голой пустыне. Нет, мы с тобой будем любить друг друга всем сердцем, чтобы сделать жизнь нашу как можно радостнее».

В том же письме Самуэль Август рассказывает, что он работает на жнейке и что ему нравится это занятие.

«Я сию и наблюдаю, а машина тем временем идет с грохотом и валит и жнет миллионы соломинок в день. Можно при этом мечтать о будущем, строить планы, придумать столько, что не уместить и на сотнях страниц, но чаще всего думать о своей ненаглядной, по крайней мере я думаю о ней».

Он по-прежнему возил пастора, но теперь уже другого. Самуэль Август пережил шесть пасторов Нэсе. Иногда он возил и вдову пастора, Ханна пишет в одном письме:

«Если хочешь, можешь приезжать в воскресенье без пасторской вдовы».

Понять ее можно: присутствие пасторской вдовы влюбленным лишь помеха.

Иногда Ханна писала, что они встречаются слишком редко, а одних писем им мало.

«По своей простоте скажу, что хочу, чтобы ты приезжал чаще, а то я иной раз скучаю, когда долго тебя не вижу. Не хотела тебе этого говорить и уже каюсь, что написала, но что написано, то написано. Сам видишь, как легко девушке проболтаться».

Долгою зимою было тоскливо, а зимой тысяча девятьсот четвертого года в Смоланде, видно, было много снега, потому что Ханна писала:

«Знаешь ли ты, что у нас снег идет день и ночь. И ничего нового и интересного в Пеларне нет, так что и писать особо не о чем».

Самуэлю Августу, жившему неподалеку от Виммербю, было, наверное, повеселее. Во всяком случае, он мог ходить на лекции.

«Вчера вечером я был на лекции, рассказывали про Лондон. С интересом послушал про этот большой город».

Первого апреля, год спустя после признания под плакучим ясенем, он опять оказался в городе.

«Вечером первого апреля прошелся я по городу и не мог не поглядеть на тот плакучий ясень возле церкви», — писал он.

Да, этот плакучий ясень Самуэль Август запомнил на всю жизнь, и каждое первое апреля было для него всегда праздничным, памятным днем.

Снова настало лето, потом пришла новая осень, и Ханне по-прежнему казалось, что они встречаются слишком редко:

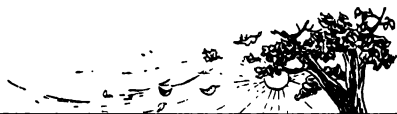
«Знаешь, если бы у меня были велосипед и невеста, я бы ездила к ней в десять раз чаще, чем ты ко мне нынешним летом».

Да уж, дела теперь у Самуэля Августа явно шли лучше, однако велосипед этот не «вылез из-под земли». Но и без велосипеда он навещал бы Ханну так часто, как только мог. Но тяжелая работа по будням и постоянные поездки туда-сюда с пастором по воскресеньям оставляли жениху мало времени для встреч с невестой.

Короткое время Ханна жила у майорши из Моссебу, важной персоны в приходе, чтобы немного подучиться господским манерам. Там ей вроде было неплохо, но, однако, писала она: «Кажется мне, будто меня заперли в большом шкафу».

Ханна боялась быть запертой. Быть может, именно поэтому, когда время свадьбы приблизилось, она стала колебаться. Наступил тысяча девятьсот пятый год, в июне Самуэль Август и Ханна собрались пожениться. И тут Ханна вдруг начала сомневаться, хочет ли она выходить замуж. Очевидно, они говорили об этом, и Самуэль Август, верно, был в отчаянии, но упоминает он об этом лишь в одном письме: «Надеюсь, что ты больше не станешь повторять „не знаю“, перестанешь сомневаться, моя дорогая, и решишься наконец стать моей? А быть может, ты более не можешь или не хочешь любить меня?»

Ханна ответила ему лишь через четырнадцать дней: «Я тебе не ответила на твой нелегкий вопрос,

могу ли я, хочу ли я еще любить тебя. Ах, как трудно на него ответить, когда не знаешь сама, чего хочешь. Ясное дело, ты мне мил по-прежнему, и я всем сердцем хочу избавиться от всех сомнений и все же никак не могу решиться на столь важный шаг. У меня уже как бы вошло в привычку радостно думать о замужестве как о чем-то еще очень далеко, а когда оно приближается, мне, словно капризному ребенку, хочется убежать и спрятаться. Да, дорогой мой, я не знаю, поймешь ли ты меня или, скорее, можешь ли простить меня за то, что я иной раз говорю тебе „я не знаю“. Я не хочу походить на капризного ребенка и твердо решила поступить скорее против своей воли, нежели против воли родительской. Стало быть, теперь все зависит от их согласия».

Но согласие родителей у Ханны уже было. Похоже, она боялась, а вдруг выйти замуж — это почти то же самое, что сидеть запертой в шкафу, и потому пряталась за спину родителей. Быть может, она хотела успеть сделать что-нибудь большее до своего замужества, девочка она была способная и начитанная. В свидетельстве об окончании школы по всем предметам у нее были оценки «отлично». Одно время она даже хотела стать учительницей, но мать воспротивилась этому. Может быть, она чувствовала, что, выйдя замуж, безвозвратно лишится какой-то возможности?

Самуэль Август ответил на ее письмо:

«Меня радует, что ты столь послушна своим родителям, даже когда речь идет о твоём будущем счастье или несчастье. Однако в таком деле, дума-

ется мне, нужно быть самостоятельной, чтобы не зайти слишком далеко. Ибо старые люди не всегда могут понять, кого можно любить, а кого нельзя. Может статься, что они захотят выбрать дочери человека, которого она не сможет любить, а даже наоборот. И потому я хочу, чтобы мы строили наше гнездо, доверясь одной лишь любви, ибо, полагаясь на то, что скажут другие, счастья не построишь».

А в конце он пишет покорно:

«Коли я неверно понял твое письмо, не посетуй на меня, может, я ответил тебе и не так, как следовало. Хочу всегда шептать тебе лишь одно: „Милая ты моя!“»

Сомнения Ханны скоро рассеялись. «Ведь я люблю тебя, Сэм», — уверяет она его в одном из писем. И она сделала мудрый выбор — вышла за Самуэля Августа. Тридцатого июня тысяча девятьсот пятого года Юнас Петтер и Лувиса Юнссон справили в Хульте свадьбу своей младшей дочери. И как после уверял Самуэль Август, это была веселая свадьба, «хотя мы не танцевали, не дрались...». Однако жениху было не очень-то весело, оттого что невеста не поехала сразу с ним в Нэс. Ей пришлось оставаться дома еще две недели, чтобы все перестирать и перемыть после свадьбы. «Какой же я был дурень, что согласился на это», — говаривал каждый раз Самуэль Август, вспоминая об этом. Но так уж решила его теща, которая, между прочим, очень любила его. В приходе ее прозвали Лувиса — Мягкие Руки, потому что она помогала всем женщинам при родах.

Впрочем, характером она мягкой вовсе не была, всегда настаивала на своем.

Наконец Самуэль Август все же привез свою любимую жену в Нэс, где они и прожили вместе пятьдесят шесть лет.

Как только Ханна устроилась в своем новом доме, она написала родителям письмо, которое, без сомнения, их сильно обрадовало:

«Дорогие мои родители! Настоящим письмом шлю вам свое сердечное спасибо за все! Даже если я никогда не сумею показать или выразить свою благодарность моим добрым, любящим родителям, брату и сестрам, любовь к ним согреет мое сердце, и я, поднимая глаза к небу, благодарю Всемилостивого Господа, даровавшего мне их и милый сердцу моему отчий дом, который я никогда не забуду, с которым так тяжело расставаться. Правду сказать, я начинаю привыкать здесь и верю, что полюблю свой новый дом. Работы здесь также хватает, без дела сидеть не придется, однако работа не тяжелая, мне по силам».

Она хотела, чтобы родители поскорее приехали навестить ее, но «...майоршу пригласим, когда приведем в порядок комнату и гардеробы, с этим управимся быстро, как только позовем столяра и маляра. У нас две стельные коровы. Мы с Сэмом были ночью в хлеву, покуда одна из них не отелилась».

(Домашние звали Самуэля Августа Сэмом, и Ханна считала, что Сэм в обиходе удобнее, чем Самуэль Август.)

К тому времени отец Самуэля Августа передал ему аренду пасторской усадьбы. Ханна стала но-

вой хозяйкой в доме, а лучшей хозяйки ни один крестьянин не мог бы и пожелать. Она была на редкость толковая во всем, что требуется для жены крестьянина, и ее ценили и уважали повсюду, куда бы она ни пришла. В ней была какая-то естественная уверенность в себе, которую замечали окружающие, и во всех жизненных испытаниях ей на помощь приходил здравый ум. Пасторская семья, ее новые соседи, считала ее «доброй, приветливой и любезной», а Юхан из Вендельбу, маленький старичок, покупавший в Нэсе молоко, считал, что она «как ясный день». После того как она в первый раз налила ему молока, он при встрече с Самуэлем Августом сказал: «До чего же хороша у тебя жена! И, поди, богата к тому же!»

Нет, богатой она не была. Но как говорит мудрый Соломон о прилежной жене: «Цена ей намного выше жемчугов!» А прилежной Ханна была. Читая ее письма родителям первых лет замужества, я вижу перед собой молодую расторопную хозяйку, мастерицу на все руки. Она доила коров и правила лошадьми, пряла и пекла, работала без усталости, управлялась со служанками и работниками, словно занималась этим всю жизнь. О своем доме и домочадцах она пеклась так сильно, что когда однажды заболела, то, выздоровев, увидела, что «все сами не свои от радости, что я снова на ногах и стану хозяйствовать».

Она не забывала также помогать бедным и несчастным, которых в то время было немало.

Ее мать, Лувиса — Мягкие Руки, научила ее помогать тем, кто нуждается в помощи. И верно,

она была довольна, получив письмо, которое дочь написала ей после нелегкого дня: «Нынче вечером навестила я бедную женщину в Стенбеккене, у нее малое дитя и муж-пьяница».

Но вот и Ханна родила ребенка, хотя, как видно, это не очень-то помешало ей управляться с хозяйством. «Я потеряла покой, — пишет она, — когда услышала, что сестра занемогла и лежит в постели. Во вторник запрягла Фрейю и поехала к ней. В одиннадцать мы выпили кофе, и я поехала назад, к своему мальчику. А мальчик у меня здоровый и славный, — продолжает Ханна. — Я успеваю утром подоить коров, приду, а он еще долго спит».

У нее появились еще дети, всего она родила четверых. И тогда иной раз приезжала бабушка помочь ей, «чтобы я могла хоть ненадолго освободиться и кое-что сделать, вот свинью собираемся заколоть».

А что делал тем временем ее муж? Самуэль Август был передовым крестьянином; человек общительный, он принимал горячее участие в жизни своего края. Он собирал крестьян и организовывал маслостойное объединение, объединение по выращиванию племенных быков, объединение коневодов и еще что-то, всего я не знаю. Он во многих отношениях был примером в округе — опытный животновод, земледелец. За время своего крестьянствования он убрал восемьсот груд мелких камней и десять тысяч валунов с пашен Нэса. Возможно, не все камни он убирал своими руками, об этом можно судить по его ответу маленькому сынишке.

Из воспитательных соображений он попросил сына убрать с поля несколько камней. Четырехлетний сынишка не захотел этого делать. Тогда отец сказал: «Ну тогда они останутся лежать здесь, и тебе придется их убирать, когда ты станешь крестьянином». — «Нет, — отвечал мальчик, — пусть их работники убирают».

Самуэль Август умел хорошо руководить работниками. Ведь это правда, что добрые люди умеют ладить с людьми. К тому же ему повезло, что он крестьянствовал в то время, когда это занятие приносило радость, и для него имелись все условия, и он всем сердцем любил свое дело.

Но прежде всего он любил Ханну, кажется, я уже говорила об этом? Сам он говорил об этом часто. Почти каждый день до конца своей жизни. Он не переставал повторять, как счастлив с ней, повторял, как ему повезло, что она появилась в его жизни и живет в его доме. Если он, придя домой, не видел жену в ту же секунду, его волновало лишь одно: «Где моя женушка?»

Кристофер Польхем, человек умный, говорил, что для детей хорошо, когда родители ласковы друг с другом. Польхем, без сомнения, одобрил бы Самуэля Августа. Ласковее человека, чем он, среди крестьян трудно было найти. Во всяком случае, у смоландских крестьян не было принято выказывать свои чувства, как это делал Самуэль Август. Мы, дети, привыкли к тому, что отец на наших глазах каждый день нет-нет да и приласкает мать. Когда одна из моих сестер в двухлетнем возрасте увидела открытку, на которой мужчина

ласково прильнул лицом к шее молодой дамы, она, как бы узнав, воскликнула: «Папа щекочет шею!»

Детей Эрикссонов из Нэса звали: Гуннар, Астрид, Стина и Ингейрд. Счастливы были дети, которые там жили и родителями которых были Самуэль Август и Ханна. Почему они были счастливы? Я задавала себе этот вопрос и думаю, что знаю на него ответ. Счастливым делали наше детство надежность и свобода. Спокойно и надежно нам было с родителями, которые так сильно любили друг друга. Они были всегда с нами, когда мы нуждались в них, но они не стесняли нас и позволяли свободно и весело шататься вокруг, а какие прекрасные места для игр были в Нэсе нашего детства! Разумеется, нас воспитывали послушными и богобоязненными, как было принято в то время, но в играх нам предоставляли полную свободу и никогда за нами не следили. И мы играли, играли без конца. Как это мы только не заигрались до смерти?! Мы, как обезьяны, лазали по деревьям и крышам, прыгали со штабелей досок и стогов сена до того, что начинало ныть в животе, ползали в выдуманных опасных подземных ходах — в больших кучах опилок, плавали, еще не научившись плавать, напрочь забывая наказ мамы «не заходить в воду глубже пупка». Но мы выжили все четверо.

В детстве нас никто не бранил. Мама не ругала нас, очевидно, потому, что мы слушались ее с первого слова. Это она воспитывала нас, и я не помню, чтобы Самуэль Август когда-нибудь

занимался нашим воспитанием. Я считаю, что она справлялась с этим прекрасно. Слушаться мы, без сомнения, были должны, но она не предъявляла нам массу ненужных и невозможных требований. Например, от нас не требовали, чтобы мы обязательно приходили вовремя к обеду; опоздаешь — возьми себе что-нибудь в кладовке. И никто за это не выговаривал нам. Я не помню также, чтобы она хоть раз упрекнула нас, когда мы приходили домой в порванной или запачканной одежде. Видно, она считала, что ребенок имеет право измазаться, войдя в азарт во время игры. Она не ругала нас также, если кто-нибудь нечаянно набедокурит. Например, в тот раз, когда маленькая сестренка влезла на кухонный стол и опрокинула чан с тестом для кровяных хлебцев, пальта, Ханна, не сказав ни слова, вымыла испачканную в крови малышку, надела на нее чистое платье и подала на обед что-то другое вместо пальта.

Эта свобода не означала, что у нас не было обязанностей. Само собой разумеется, мы должны были учиться работать. С шести лет мы начали пропалывать репу и рвать крапиву для кур. По мере того как мы росли, нас, когда требовалось, брали на уборку урожая. А требовалось почти всегда! В день своей конфирмации я до обеда подбирала колоски ржи, а после обеда причащалась. От работы нельзя было улизнуть. Если, например, наши одноклассники, городские дети, у которых были школьные каникулы, приходили и звали нас поехать с ними на велосипеде на несколько дней во время прополки репы, нам оставалось только

отказаться. Порученное дело надо было выполнять. Мне думается, это пошло нам на пользу, помогло позднее выносить даже довольно трудную работу без нытья и жалоб. «Знай себе жми дальше, не останавливайся», — призывала нас она, стоило кому-нибудь задуматься во время мытья посуды, ведь мы также помогали ей по дому.

Это мы запомнили на всю жизнь. «Знай себе жми дальше, не останавливайся», — сколько раз я говорила это себе самой, преодолевая желание бросить надоевшую мне, неинтересную работу неоконченной. А когда меня подмывало совершить что-нибудь слишком рискованное, мне на помощь приходили слова: «Не заходи в воду глубже пупка!»

Наша жизнь в Нэсе протекала без больших бед, так часто подстерегающих людей. Но однажды наш счастливый мир чуть не рухнул. Самуэль Август едва не умер от воспаления брюшины. Его привезли в больницу с лопнувшей слепой кишкой, и Ханна неотлучно была при нем, она провела в больнице целый месяц, пока не миновала опасность. Самуэль Август был твердо уверен, что без ее помощи он не выжил бы; он утверждал, что «ее молитвы поднимались, точно дым, до самого неба», что они-то и помогли ему или даже просто то, что она сидела возле его кровати. За нами, детьми, во время болезни отца хорошо присматривали, и тем не менее я помню, что этот месяц был для меня пустым и холодным. Но Ханна, разумеется, должна была все время находиться с Самуэлем Августом. В горе и в счастье они жили друга для друга.

«Ты всегда в моих мыслях, поступках, да, я хочу всегда жить только для тебя», — писал он апрельским днем тысяча девятьсот третьего года, вскоре после вечера под плакучим ясенем. И он сдержал свое обещание. Ханна оставалась его «милою, ненаглядною» всю жизнь начиная с девяти лет. Она состарилась, они состарились оба, но это ничего не изменило. Помню, им было уже за восемьдесят и жизнь вокруг них остановилась, замерла, а он сидел, держа ее руку в своих ладонях, и ласково говорил: «Милая моя, ненаглядная, славно нам с тобой сидеть здесь и дремать на солнышке».

По вечерам, лежа в постели, они, прежде чем уснуть, долго беседовали. Потом Ханна обычно пела псалом, а Самуэль Август удивительно проникновенно читал «Отче наш» и «Благословен будь». Случалось, что я, приехав навестить их, стояла тихонько за дверью и слушала. И думала при этом: «Как долго еще это продлится?»

Особенно запомнился мне майский вечер тысяча девятьсот шестьдесят первого. Они улеглись и стали болтать о том о сем, что случилось за день. Ханна прочитала «От нас уходит Божий день», псалом, который они так часто пели. Последний куплет его гласит:

Но если тихой смерти зов
В ночи услышу я,
Скажу, надежду затая:
«Тебе, Господь, принадлежит
И жизнь, и смерть моя».

Это были последние слова, которые Самуэль Август слышал из ее уст. Чуть погодя с ней случился удар, и через несколько суток Самуэль Август потерял Ханну. Он увидел ее лишь в гробу, бледную как смерть и по-новому, по-странному прекрасную. До тех пор он не плакал, но, когда взял ее руку в свои ладони и почувствовал ее ледяной холод, слезы хлынули у него из глаз, и, отчаянно всхлипывая, он произнес:

— Сколько раз я согревал твои рученьки!

Теперь он уже не мог их согреть.

Но он продолжал жить.

— Одни уходят раньше, другие позднее, — говорил он, — ничего тут не поделаешь.

У него была удивительная жажда жизни и твердая вера в жизнь грядущую, поэтому смерть Ханны не сломила его.

Он продолжал любить ее, говорить о ней, хвалить, перечислять ее достоинства. Он продолжал любить ее и в девяносто четыре года, когда, веселый и довольный, лежал в постели в доме хроников, служившем ему последним пристанищем на земле.

— Да, дитя мое, какая мать у тебя была! — сказал он, когда я навестила его в последний раз.

Да, конечно, у меня была прекрасная мать. И какой отец! Какое верное было у него сердце, любившее до последнего часа!

И как он любил рассказывать! Хорошо, что ему было это свойственно, иначе бы я не узнала так много о том, что было так давно в жизни Самуэля Августа из Севедсторпа и Ханны из Хульта.

Июльским вечером тысяча девятьсот шестьдесят девятого года Самуэля Августа не стало. Он был твердо уверен, что встретится с Ханной.

Я вижу их как живых в небесном жилище. Там, верно, растет плакучий ясень на краю Божьего сада, а они сидят под ним. Он держит ее руку в своих ладонях и ласково говорит ей:

— Милая моя, ненаглядная! Славно нам сидеть с тобой и дремать на солнышке!

Мои дорогие родители! Этой книгой ваша дочь выражает вам самую сердечную благодарность за все!

Примечания

Книги о детях из Буллербю впервые опубликованы в Швеции:

Lindgren A. Alla vi barn i Bullerbyn. Stockholm, Rabén-Sjögren, 1947.

Mera om oss barn i Bullerbyn. Stockholm, Rabén-Sjögren, 1949.

Bara roligt i Bullerbyn. Stockholm, Rabén-Sjögren, 1952.

Впервые опубликованы на русском языке (перевод Л. Горлиной): Линдгрэн А. Все мы — дети из Буллербю. М.: Детгиз, 1975.

Новые переводы трех повестей о детях из Буллербю (**«Все мы — дети из Буллербю»**, **«Снова про детей из Буллербю»**, **«Весело живет в Буллербю»**) (Н. Беляковой) опубликованы в Собрании сочинений Астрид Линдгрэн. Т. 5. СПб.: Изд-во АО «Атос» и «Библиотека „Звезды“», 1994. Перевод осуществлен по аналогичным шведским изданиям 1958, 1961, 1991 гг.

Дилогия **«Дети с улицы Бузотеров»** и **«Лотта с улицы Бузотеров»** впервые издана на шведском языке: Lindgren A. Barnen på Bråkmakargatan. Stockholm, Rabén-Sjögren, 1958. Lotta på Bråkmakargatan. Stockholm, Rabén-Sjögren, 1961. Обе эти повести впервые напечатаны в переводе на русский язык Л. Брауде в 5—6-м тт. Собрания сочинений Астрид Линдгрэн. СПб.: изд-во АО «Атос» и «Библиотека „Звезды“», 1994. Русский перевод повестей осуществлен по аналогичным шведским изданиям 1989-го и 1986 гг.

Книга о родителях Астрид Линдгрен **«Самуэль Август из Севедсторпа и Ханна из Хульта»** впервые опубликована на шведском языке: Lindgren A. Samuel August i Sevedstorp och Hanna i Hult. Stockholm, Rabén-Sjögren, 1975.

Впервые напечатана на русском языке (перевод И. Новицкой) под названием **«Самуэль Август из Севедсторпа и Ханна из Хульта»** в книге: *Любовь по-шведски*. М.: Олимп — ППП, 1993.

Новый перевод на русский язык этой книги (Н. Беляковой) в настоящем Собрании сочинений выполнен по первому шведскому изданию.

Л. Брауде

Содержание

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА. Л. Брауде	5
---------------------------------------	---

Все мы — дети из Буллербю

<i>Перевод Н. Беляковой</i>	13
УЖ БОЛЬНО НАДОЕДНЫЕ МОИ БРАТЯ	16
МОЙ САМЫЙ ВЕСЕЛЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ	19
КАК МЫ ВЕСЕЛИЛИСЬ В МОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ	23
ПРО ТО, КАК НАСТУПИЛИ КАНИКУЛЫ	26
МЫ ПРОПАЛЫВАЕМ РЕПУ И ПОЛУЧАЕМ КОТЕНКА	29
КАК УЛЛЕ ПОЛУЧИЛ СОБАКУ	35
ХОРОШО, КОГДА У ТЕБЯ ЕСТЬ ЖИВОТНЫЕ, НО ЕСЛИ ЕСТЬ ДЕДУШКА — ТОЖЕ НЕПЛОХО	38
МАЛЬЧИШКИ НЕ УМЕЮТ ХРАНИТЬ ТАЙНЫ	43
МЫ НОЧУЕМ НА СЕНОВАЛЕ	48
КАК МЫ С АННОЙ СОБИРАЛИСЬ УБЕЖАТЬ ИЗ ДОМУ	52
МЫ СТРОИМ ДОМ	57
ГОВОРИЛА ЖЕ Я, ЧТО МАЛЬЧИШКАМ НАС НЕ ПЕРЕХИТРИТЬ	59
СНОВА ИДЕМ В ШКОЛУ	63
МЫ УСТРАИВАЕМ МАСКАРАД	66
БУРЯ	70
БЛИЗИТСЯ РОЖДЕСТВО	74

Снова про детей из Буллербю

<i>Перевод Н. Беляковой</i>	79
ВСЕ МЫ ИЗ БУЛЛЕРБЮ	81
КАК МЫ В БУЛЛЕРБЮ ПРАЗДНУЕМ РОЖДЕСТВО	82

МЫ КАТАЕМСЯ НА САНКАХ	89
МЫ ВСТРЕЧАЕМ НОВЫЙ ГОД	93
МЫ ЕДЕМ В ГОСТИ К ТЕТЕ ЙЕННИ	98
ЛАССЕ ПРОВАЛИВАЕТСЯ В ОЗЕРО	103
МЫ ИДЕМ В ШКОЛУ И ПОДШУЧИВАЕМ НАД ФРЁКЕН	107
ПАСХА В БУЛЛЕРБЮ	113
МЫ С АННОЙ ИДЕМ ЗА ПОКУПКАМИ	118
МЫ ПОДКАРАУЛИВАЕМ ВОДЯНОГО	125
У УЛЛЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ СЕСТРЕНКА	133
КОГДА ИДЕТ ДОЖДИК	139
МЫ ИЩЕМ СОКРОВИЩЕ	145
МЫ С АННОЙ РАДУЕМ ЛЮДЕЙ	151
ДЕДУШКЕ ИСПОЛНЯЕТСЯ ВОСЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ	158

Весело живется в Буллербю

<i>Перевод Н. Беляковой</i>	163
МНЕ ДАРЯТ ЯГНЕНКА	170
ПОНТУС ХОДИТ В ШКОЛУ	175
ПО ДОРОГЕ ИЗ ШКОЛЫ ДОМОЙ	181
У УЛЛЕ ШАТАЕТСЯ ЗУБ	189
МЫ С АННОЙ САМИ НЕ ЗНАЕМ, ЧТО ДЕЛАЕМ	196
ШКАТУЛКА МУДРЕЦОВ	203
ЛАССЕ ЛОВИТ ЗУБРОВ	211
ПРАЗДНИК ЛЕТА В БУЛЛЕРБЮ	222
ВИШНЕВАЯ КОМПАНИЯ	228
МЫ С АННОЙ ХОТИМ СТАТЬ НЯНЯМИ... МОЖЕТ БЫТЬ	236
МЫ ЛОВИМ РАКОВ	247

Дети с улицы Бузотеров

<i>Перевод Л. Брауде</i>	257
ЛОТТА — ОНА ЕЩЕ ТАКОЙ РЕБЕНОК!	259
МЫ ЦЕЛЫМИ ДНЯМИ ИГРАЕМ	262
ЛОТТА УПРЯМА, КАК СТАРАЯ КОЗА	267
ТЕТУШКА БЕРГ — САМАЯ ДОБРАЯ НА СВЕТЕ!	270
У НАС — ПИКНИК!	276
МЫ ЕДЕМ К БАБУШКЕ И ДЕДУШКЕ	283

ЛОТТА ПРОИЗНОСИТ ПОЧТИ ЧТО БРАННЫЕ СЛОВА	287
У ЛОТТЫ «НЕЧИСЛИВЫЙ» ДЕНЬ	294
ЛОТТА – РАБЫНЯ-НЕГРИТЯНКА	299
ДО ЧЕГО ВЕСЕЛО, КОГДА РОЖДЕСТВО!	304

Лотта с улицы Бузотеров

<i>Перевод Л. Брауде</i>	313
ВСЕ ТАК ЗЛЯТСЯ НА ЛОТТУ	315
ЛОТТА ПЕРЕЕЗЖАЕТ...	322
КУДА ДЕВАТЬСЯ ЛОТТЕ	324
К ЛОТТЕ ПРИХОДЯТ ГОСТИ	335
«...И НОЧЬЮ СТОЮ ТАМ ОДНА У ОКОШКА...»	338

Самуэль Август из Севедсторпа и Ханна из Хульта

<i>Перевод Н. Беляковой</i>	343
---------------------------------------	-----

ПРИМЕЧАНИЯ. <i>Л. Брауде</i>	375
--	-----

Литературно-художественное издание

АСТРИД ЛИНДГРЕН

Собрание сочинений в 10 томах

Дети из Буллербю

Редактор Галина Соловьева

Художественный редактор Вадим Пожидаев

Технический редактор Татьяна Тихомирова

Корректор Ирина Киселева

Верстка Антона Вальского

Директор издательства Максим Крютченко

ИД № 03647 от 25.12.2000.

Подписано в печать 18.01.2002. Формат издания 60×90¹/₁₆.
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная. Тираж 10 000 экз.
Усл. печ. л. 24. Изд. № 136. Заказ № 2576.

Издательство «Азбука-классика».

196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано с диапозитивов в ФГУП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Уважаемые читатели!

Если Вы являетесь пользователями сети
Интернет, то у Вас есть возможность
познакомиться с новинками нашего издательства и сделать
заказ, не отходя от компьютера.

Предусмотрены выбор книг
по аннотированному каталогу
с цветными обложками и возможность
удобной для вас формы оплаты.
Книги высылаются почтой.

Ждем вас круглосуточно по адресам:

<http://www.top-kniga.ru/>
<http://www.esterum.com/>
<http://www.ozon.ru/>
<http://www.bolero.ru/>

**ЗАКАЗАТЬ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
«АЗБУКА» МОЖНО ЛЮБЫМ
УДОБНЫМ ДЛЯ ВАС СПОСОБОМ:**

- ПО ТЕЛЕФОНУ: (812) 3270455
- ПО ЭЛЕКТРОННОМУ АДРЕСУ: AREAL@SPBPOST.RU
- НА СЕРВЕРЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА»:
WWW.AZBOOKA.RU
- ПО ПОЧТЕ: 192236 САНКТ-ПЕТЕРБУРГ А/Я 300 ЗАО
«АРЕАЛ»

**Вы можете выбрать
удобный для вас способ заказа:**

- Наложенным платежом с оплатой заказа при получении бандероли в ближайшем почтовом отделении. Обратите внимание, что цены на издания приведены без учета стоимости пересылки вашего заказа по почте.
- По предварительной оплате. Стоимость такого заказа будет на 10% ниже стоимости наложенного платежа. Оплата производится банковским или почтовым переводом. Оформлять такой вид платежа следует только по телефону или электронной почте. Книги будут высланы в течение недели после получения заказа или выхода книги из типографии.

При оформлении заказа укажите:

- фамилию, имя, отчество, телефон, факс, e-mail;
 - почтовый индекс, регион, район, населенный пункт, улицу, дом, корпус, квартиру;
 - название издательства, имя автора, название книги, номер лота, количество заказываемых экземпляров.
-

Серия «Планета людей»

Очень хочется верить в то, что книги будут сопутствовать нашим детям всегда и помогут им вовремя повзрослеть, представить свое место в новом, «взрослом» мире. В серии «Планета людей» выходят увлекательные книги, написанные мудрыми взрослыми, не забывшими, что они когда-то были детьми.

Джеймс Крюс. ТИМ ТАЛЕР, или ПРОДАННЫЙ СМЕХ

416 с. 12х20,5 см
переплет
Цена 90 руб.
Лот № 318

Джеймс Крюс, родившийся в Германии в 1926 году, — автор множества книг для детей всех возрастов. Он дважды лауреат немецкой Премии за вклад в детскую литературу (1960, 1964), дважды был удостоен Международной Золотой медали Х. К. Андерсена (1963, 1968). В этой умной и немного грустной повести, насыщенной действием, приключениями и чудесами, герой заключает сделку с господином Тречем (читай наоборот: Треч — Черт), не менее рискованную, чем сделка доктора Фауста с Мефистофелем. Остается добавить, что в этом издании впервые опубликован "очень краткий словарь волшебства и всего-всего сверхъестественного и не совсем обычного".

**По вопросам приобретения книг издательства
«Азбука» обращаться**

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:
издательство «Азбука»
тел. (812) 327-04-55, факс 327-01-60

В МОСКВЕ:
представительство издательства «Азбука»
тел. (095) 911-99-74

ООО «ИКТФ Книжный клуб 36,6»
тел. (095) 265-81-93
книготорговое объединение «Оникс»
тел. (095) 150-52-11, (095) 110-02-50

В ЧЕЛЯБИНСКЕ:
ЗАО «Корвет», тел. (3512) 36-75-10

В НОВОСИБИРСКЕ:
ООО «Топ-книга», тел. (3832) 36-10-28

В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ:
ООО «Фазтон-Пресс», тел. (8632) 65-61-64

В ИРКУТСКЕ:
издательство «Востсибкнига», тел. (3952) 34-42-95

В ВОЛГОГРАДЕ:
ООО «Эзоп», тел. (8442) 37-25-19

ISBN 5-352-00136-9

9 785352 001363